

С. В. Голикова

СЕМЬЯ
ГОРНОЗАВОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
XVIII—XIX ВЕКОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

С. В. Голикова

СЕМЬЯ
ГОРНОЗАВОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
XVIII—XIX ВЕКОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРОЦЕССЫ И ТРАДИЦИИ

ЕКАТЕРИНБУРГ 2001

УДК 314.6

Голикова С. В. **Семья горнозаводского населения Урала XVIII—XIX веков: демографические процессы и традиции.** Екатеринбург: УрО РАН, 2001. ISBN 5—7691—1104—6.

На обширном источниковом материале, архивном и опубликованном, прослежена эволюция горнозаводской семьи Урала на протяжении двух веков ее истории. Описаны основные демографические процессы в среде горнозаводского населения: брачность, рождаемость, смертность, заболеваемость. Рассмотрено развитие семейных традиций: свадебных, родильно-крестильных, похоронно-поминальных обрядов. Показано бытование у горнозаводского населения явлений традиционного режима воспроизводства, таких как детская и материнская смертность. Прослежено возникновение и развитие характерных для индустриального общества демографических феноменов: профессиональной заболеваемости на горных заводах, мужской сверхсмертности и порождаемой ею диспропорции полов. Широко использованы первичные материалы горнозаводской, земской и медицинской статистики. Наряду с демографической статистикой приведены данные о массовых демографических представлениях и поведении.

Работа рассчитана на историков, демографов, этнографов, фольклористов, социологов и всех интересующихся вопросами народонаселения.

Ответственный редактор

доктор исторических наук профессор Н. А. Миненко

Рецензенты

кандидат исторических наук Л. А. Дашкевич

кандидат исторических наук М. Ю. Нечаева

ISBN 5—7691—1104—6

Г ПРП-2000—155(00)Д—6 ПБ—01
8П6(03)1998

© Голикова С. В., 2001 г.

Возникший в начале XVIII в. уральский промышленный район на протяжении двух последующих столетий развивался в окружении аграрных регионов. Субъектом промышленной колонизации края выступало крестьянство. Переселяясь на горные заводы, крестьяне переносили сюда собственную демографическую практику. В этом смысле крестьянская семья (олицетворявшая русскую традиционную) послужила базой для формирования семьи горнозаводской. Однако промышленный труд, ставший для крестьян основным, внес в демографические характеристики населения Урала свои коррективы. С развитием горной и металлургической промышленности горнозаводская семья оказалась в особых условиях.

Возникновение и существование горнозаводской семьи на Урале было обусловлено совмещением аграрного и индустриального путей развития в рамках промышленного района. Демографы полагают, что переход от аграрного общества к индустриальному сопровождался сменой типов воспроизводства населения и, присвоив ему термин “демографический переход” считают изучение данного явления кардинальным вопросом своей науки. Имея непосредственное отношение к центральной проблеме демографии, история горнозаводской семьи может осветить ее на принципиально ином уровне — показать, как происходил (или начинался) демографический переход в семье. Этой теме и посвящено наше исследование.

Феномен горнозаводской семьи обусловлен особенностями и эволюцией промышленного района внутри аграрной страны, продолжавшейся с начала XVIII в. до капиталистической индустриализации России, которая в конце XIX в. подготовила почву для формирования нового типа воспроизводства [1]. Данное обстоятельство позволяет принять в качестве верхней временной границы исследования конец XIX в. Таким образом, хронологические рамки работы охватывают два столетия — XVIII—XIX вв.

Объектом изучения является семья горнозаводского населения края. При выделении этой категории из состава всего народонаселения учитываются два критерия: постоянное участие в горнозаводских работах и место проживания — заводской поселок. В условиях Урала XVIII—XIX вв. оба критерия, как правило, совпадали, ибо большинство жителей заводских поселков принимали постоянное участие в основных и вспомогательных заводских работах. Заводской поселок как особый тип поселения на протяжении XVIII—XIX вв. распространился по территориям четырех ураль-

ских губерний: Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской. Уральский промышленный район в их границах и служит территориальной базой данной работы.

Смежный характер темы (на пересечении исторической демографии и фамилистики — науки о семье) требует междисциплинарного подхода к анализу историографии. При традиционном демографическом режиме наблюдалось соответствие между высокой рождаемостью и высокой смертностью, при современном — между низкой рождаемостью и низкой смертностью. Смену одного режима воспроизводства другим призваны объяснить концепции демографического перехода. Поначалу акцент в них был сделан на анализе взаимодействий основных демографических процессов: рождаемости, смертности, брачности. Однако данный подход не позволил получить ответ на один из самых актуальных вопросов современности — почему снижается рождаемость. Тогда демографы обратились к изучению семьи, интерпретировав проблему демографической эволюции как переход от многодетной семьи к малодетной.

Впервые понятие “семья” при анализе демографического перехода появилось в концепции Дж. Колдуэлла. В соответствии с новыми веяниями, он выявил зависимость рождаемости от изменений, происходивших в семье: большая семья аграрного общества при переходе к индустриальному превращается в нуклеарную, а может и адаптироваться к нему [2].

Подобные взгляды получили широкое распространение, поскольку отвечали, во-первых, воззрениям демографов, склонных подразумевать под большой семьей прежде всего семью многодетную, а не многопоколенную и сводить перемены в ней к уменьшению числа детей, и, во-вторых, установкам этнографической науки, полагавшей, что раньше семейные структуры были сложными по составу и многочисленными, а со временем стали нуклеарными. Хотя исследования последних лет, особенно историко-демографический бум 1960—1970-х гг., показали несовершенство таких линейных схем развития [3], понятие семьи заняло прочное место в концепциях демографического перехода.

Демографическая наука рассматривает семью не иначе как процесс взаимодействия различных демографических явлений (рождений, браков, смертей) [4]. Не придавая поначалу большого значения эвристическому потенциалу данной идеи, историки претворили ее на практике, предложив в конце 1950-х гг. метод восстановления истории семей (ВИС), основа которого состоит в систематизации рождений (крещений), браков (венчаний), смертей (похорон) по семьям [5]. Так называемые “приходские монографии”, написанные с использованием данного метода, сыграли важную роль в становлении исторической демографии как самостоятельной дисциплины, изучении демографического перехода, но фамилистика на первых по-

рах ничего не получила от огромного массива данных по истории отдельных семей.

Специалистов, изучающих семью, в эти годы интересовали иные проблемы, прежде всего состав семьи/домохозяйства. Участники Кембриджской группы на основе типологии семейных структур, предложенной П. Ласлетом, развернули компаративные исследования, результаты которых в 1972 г. были обобщены в [6]. В дальнейшем усилилось внимание к динамике семейной структуры и демографическим изменениям на разных стадиях развития семьи: критика Л. Беркнером статичной типологии семейных структур [7], разработка и введение понятия жизненного цикла семьи, в связи с этим предложение Р. Сидером и М. Миттерауером системы графического изображения изменяющихся домохозяйств. В 1983 г. итоги данного периода были систематизированы в новой коллективной монографии Кембриджской группы [8].

Затем проблематика исследований заметно расширилась, включив изучение брака (как процесса формирования семьи), деторождения и выхаживания детей (как процессов ее внутренней перестройки), старения и смерти ее членов (как особой стадии в ее развитии). Параллельно началось исследование демографического поведения членов семьи, что требовало анализа системы культурных ценностей и представлений, господствовавших в обществе [9]. Таким образом, зарубежная фамилистика использует в своих исследованиях триаду: демографический анализ — анализ массовых представлений — анализ массового поведения.

Отечественная историография развивалась в том же направлении, но иным путем. Как и за рубежом, в России лучше всего изучен состав семьи. Разница лишь в том, что вместо типологии семей/домохозяйств П. Ласлета почти в каждой работе наших ученых фигурируют таблицы структурно-поколенного состава семьи. А аналогом теории жизненного цикла семьи стала концепция В. А. Александрова о цикличности, пульсации в развитии семей [10]. Однако изучение семьи происходило прежде всего в рамках этнографического [11], историко-этнографического [12], иногда историко-правового [13] подходов. Рассмотрение семьи как системы взаимосвязанных элементов демографических процессов, отражение массовых демографических представлений и демографического поведения не стало научным фактом.

В своем развитии историография горнозаводской семьи Урала повторила общероссийский путь. Первыми к ее изучению обратились этнографы. Внимание ученых привлек Урал (как старый промышленный район России) в связи с проблемой “выявления роли рабочего класса в коренном преобразовании быта” “в формировании культуры народа” [14]. Одна из глав монографии о культуре и быте населения Нижнетагильских заводов была по-

священа семье и семейному быту, много материала по этой же теме содержали и другие разделы книги. Данное исследование можно считать эталоном этнографического подхода к изучению семьи. Авторы осветили все известные им к тому времени проблемы: структуру и численность семьи, экономику рабочей семьи и ее хозяйство, имущественные права членов семьи, внутрисемейные отношения, воспитание детей, домашний уклад, распределение труда между членами семьи, семейные обряды и семейный досуг.

Традиция всестороннего освещения истории семьи продолжена в монографии о североуральском крестьянстве, где привлечены сведения о заводском населении, принадлежавшем Строгановым, Абамелек-Лазаревым, Всеволожским, Шаховским. В главе “Семья и семейные отношения” рассмотрены состав и численность семей, внутрисемейные отношения, наследование и имущественные права членов семьи, брачные возраст и связи, число детей в семье, а также терминология родства и свойства, семейные разделы, половозрастное разделение труда в семье. Глава о семейных обрядах включает детальное рассмотрение свадебных, родильно-крестильных, похоронно-поминальных обычаев и обрядов и обрядовый фольклор [15]. Посвятив книгу крестьянству, авторы фактически охватили все население Северного Урала, не разделяя крестьянскую, рабочую, городскую семьи. Поэтому использовать богатый материал книги для сравнения семей различных социальных групп практически невозможно.

Задача сравнительного анализа семей различных социальных категорий (прежде всего крестьян и рабочих) была поставлена историками И. В. Злобиной и Р. Г. Пихоя: “изучить и сравнить особенности семейного уклада в горнозаводских поселках и городах, с одной стороны, и в селах и деревнях Урала этой поры, с другой, выявить те исторически общие черты, которые характерны для семьи, существовавшей на горных заводах и в селах края, специфику семейных отношений в различных социальных общностях” [16]. В дальнейшем исторические работы, как правило, посвящались составу семьи. Сравнение, но уже семей жителей уральских и замосковских заводов продолжено в статье Н. М. Арсентьева, М. Ю. Нечаевой, А. С. Черкасовой [17]. Авторы выявили преобладание в обоих промышленных регионах “нуклеарной” семьи и констатировали, что участие горнозаводских жителей в промышленном труде “привело к заметным сдвигам в структуре их семей” Исследования последних лет были нацелены на выявление изменений, происходящих с составом семьи на разных этапах ее развития [18].

Таким образом, историография горнозаводской семьи Урала ограничивается разделами в нескольких монографиях этнографов и рядом статей историков.

Без специального изучения демографических явлений, формирующих семью, нельзя составить ясного представления об их взаимодействии в рамках семьи и, следовательно, о развитии ее структуры. В отличие от демографических исследований, основанных на понятии воспроизводства населения, которое требует предпослать изучению смертности и брачности анализ рождаемости, в данной работе во главу угла поставлено понятие жизненного цикла семьи. Поэтому демографические явления рассматриваются в соответствии с их ролью в разворачивании этапов жизненного цикла. В первой главе анализируется первичная брачность, во второй — рождаемость, в третьей — заболеваемость и смертность, в четвертой — овдовение и повторный брак. Таким образом, хотя предметом работы является семья, средством изучения последней выступают отдельные демографические явления. Поэтому все главы книги имеют сходную структуру. Они начинаются со статистических параметров за определенный календарный период (погодные и помесечные сведения), а также связанных с возрастом людей (повозрастные данные). По всем изучаемым явлениям (за исключением в некоторых случаях овдовения и повторного брака) приведены данные этих трех видов за XVIII—XIX вв. (в том объеме, в каком позволяет сохранность источников).

Демографические явления воплощаются в отдельном демографическом событии: рождаемость — в рождении, брачность — в браке, смертность — в смерти. Зарегистрировав их, статистика определяет количественные параметры. Для более полного анализа самого явления, а нередко и объяснения полученных данных о нем необходимо обратиться к описанию демографического события. Учитывая его многоаспектность, исследователь должен сам, исходя из задач работы, определить тот минимум, без которого описание потеряет смысл. В нашем случае главное внимание нужно обратить на реакцию людей (выраженную в суждениях и действиях) по поводу определенного демографического события, т. е. речь пойдет о массовых демографических представлениях и массовом демографическом поведении.

Анализ взаимосвязанных ситуаций и реальных действий больших групп людей и отдельных личностей по отношению к демографической истории осуществлен Ю. Л. Бессмертным [19]. По его мнению, в первую очередь следует изучить восприятие “людьми прошлого” ключевых явлений демографической практики, т. е. рождения, брака, смерти, вдовства. Демографическое поведение Ю. Л. Бессмертный определяет как систему массовых действий, регулировавшихся принятой в социуме совокупностью воззрений, которые непосредственно влияли на режим воспроизводства населения [20].

Разумеется, массовые демографические представления не определяли целиком поведение каждой отдельной личности, поскольку поведение лю-

дей в демосфере, более чем в какой-либо иной, регулируется чрезвычайно сложным комплексом мотивов и стимулов. Но общая — “средняя” — линия поведения воспроизводится в таких представлениях весьма адекватно. Поэтому главное внимание следует уделить не представлениям вообще, а тем из них, которые обладают признаками “психологического автоматизма” обеспечивая постоянную самореализацию в массовой практике, т. е. психологическим стереотипам.

Слитность демографических представлений и поведения четко видна в конкретно-исторических исследованиях. При описании разделить эти два понятия довольно трудно, так как бытование определенных представлений иллюстрируется соответствующим поведением, а для объяснения поведения людей необходимо обращаться к их взглядам и представлениям.

В традиционном обществе Урала XVIII—XIX вв. поведение людей в демографической сфере регулировалось тремя “силами”: обычаем, церковным правом и светским законодательством. Особое внимание в работе уделяется обрядам, совершаемым при заключении брака, родах, смерти и похоронах близких, так как в традиционных общественных структурах именно они являлись конкретными формами воплощения внутридомовой ячейки массового демографического поведения. Следовательно изучается не сам обряд, не в той степени и не теми методами, как это делает классическая этнография, а обрядовое оформление актов частной жизни. Однако семантические исследования ментальных и поведенческих стереотипов в ритуале и обряде (прежде всего свадебном и погребальном [21]), дают как богатый фактический материал, так и приемы для анализа демографических представлений и поведения. В исследовании [21] освещается применение на практике норм русского семейного права, проводниками которого в горнозаводских районах Урала выступали различные церковные инстанции и заводские конторы.

Анализ объективных демографических процессов и стереотипов демографического поведения дает возможность для постижения взаимосвязи объективной и субъективной стороны историко-демографического процесса и понимания сложного, противоречивого характера демографической эволюции.

Взаимосвязям демографических явлений на следующих друг за другом этапах развития семьи, выявленных по методике типичного жизненного цикла, посвящена заключительная часть работы. Описание основных демографических явлений сквозь призму развития семьи позволяет рассматривать их как системно-связанные феномены. По существу это анализ процесса формирования и развития семьи, который не только показывает ее морфогенез изнутри, но с помощью стереотипов демографического поведения достаточно полно его объясняет.

Выбор для подобного исследования горнозаводской семьи Урала XVIII—XIX вв. чрезвычайно важен для исторической демографии в целом, так как центральная для нее проблема демографического перехода может быть изучена не только с объективной стороны как смена типов воспроизводства населения, но и с субъективной — как изменение системы стереотипов демографического поведения. Первые опыты анализа демографического поведения показали, что взаимосвязанные изменения в демоповедении и демодинамике наблюдаются при изучении периодов большой длительности [22]. А переходные этапы укладываются в более короткие промежутки времени — недаром демографический переход часто называют революцией. Его механизм иногда не удается уловить даже статистике, не говоря уже об исследовании метаморфоз, происходящих с ментальностью, на основе которой вырабатываются поведенческие стереотипы: изменения в воззрениях и действиях, не успев зафиксироваться в источниках, ускользают от исследователя. История горнозаводской семьи Урала предполагает совершенно иную ситуацию. Она — порождение этого переходного времени и пребывает в нем на протяжении двух веков. Столь длительное сосуществование аграрного и индустриального путей развития оказало воздействие на демографические характеристики жителей, в свою очередь не только нашедшие отражение в морфогенезе семьи, но и осмысленные населением.

Наше исследование основано на архивных и опубликованных источниках. Наиболее широко привлечены материалы Государственного архива Свердловской области (далее ГАСО): фонды Уральского горного правления, контор Нижнетагильских, Верх-Исетского, Полевского, Березовского, Баранчинского заводов; церковных учреждений: Екатеринбургской епархии, церквей Нижнетагильских заводов; Верхотурского и Екатеринбургского уездных судов; старшего врача Екатеринбургских заводов; личного фонда Демидовых; фонда Уральского общества любителей естествознания (далее УОЛЕ). Использовались также документы центральных архивов, прежде всего фонда Горного департамента Российского Государственного исторического архива (далее РГИА). Из собрания Русского географического общества (далее РГО) взяты сведения о заводах Пермской и Оренбургской губерний. В перечисленных хранилищах преобладает текущая документация заводских, церковных, медицинских учреждений (как местных, так и центральных), а также различные описания. Опубликованные источники в большинстве своем принадлежали к описаниям: медикотопографическим, санитарно-статистическим, этнографическим и пр. Используются также материалы периодической печати (“Пермских губернских ведомостей” “Пермских епархиальных ведомостей” “Екатеринбургских епархиальных ведомостей” “Сборника Пермского земства”), этногра-

фические и фольклорные собрания (Н. А. Скалозубова, В. П. Бирюкова, М. Г. Китайника, А. И. Лазарева), произведения художественной литературы, дневники путешественников (П. С. Палласа), воспоминания рабочих. Ценные материалы о горнозаводском населении в плане изучаемого вопроса содержат обобщающие труды по Уралу (Н. С. Попова, П. Е. Томилова, Х. Мозеля, Н. Чупина, а также том, посвященный Уралу и Приуралью, в серии “Россия. Полное географическое описание нашего Отечества”). В исследовании широко использованы сочинения медиков (Р. Рума, В. Португалова, Л. Бертенсона, Т. Успенского, Б. О. Котелянского, М. Белоголова, М. И. Мизерова), труды съездов врачей, доклады земства об организации на заводах медицинской помощи, о заболеваемости рабочих, о народной медицине, акушерстве.

Многообразие источников требует их систематизации. Кроме того, информационная отдача любого свидетельства о прошлом усиливается, если его удастся поставить в определенную связь с другими памятниками. Системный подход подразумевает выделение элементов (основных групп источников, вокруг которых группируются остальные) и установление взаимосвязи между ними. Первым среди них следует назвать группу статистических материалов. Опубликованные в середине — второй половине XIX в. данные по статистике населения Урала получены на основе агрегированного анализа сведений церковного учета, т. е. определения числа родившихся, смертных случаев, заключенных браков по годам и их колебаний по месяцам (изучение сезонности). Если численность населения известна, то вычисляли относительные показатели рождаемости, смертности и брачности. Среди опубликованных сведений достаточно редко встречались повозрастные данные. Поэтому автору пришлось восполнять их недостаток обработкой первичных материалов ревизских сказок и подворных описей второй половины XVIII — начала XIX вв. Они не входили в систему учета населения, однако содержали уникальный набор демографической информации, поскольку объединяли в себе сразу два основных источника данных о населении: переписи и текущий учет демографических событий за значительный промежуток времени. Соединение осуществлялось на основе данных о возрасте, а календарные характеристики демографических явлений представлены в этих источниках намного хуже. Поэтому их сведения использовались для получения повозрастных показателей и расчетов жизненного цикла семьи.

В следующую группу вошли источники описательного характера. Описания различных местностей появились довольно рано. Однако материалы о народонаселении занимали в них далеко не главное место. Большую роль в развитии этого жанра сыграли программы РГО середины XIX в., которые акцентировали внимание авторов на “наружности поселян” (в том чис-

ле и изменения в ней вследствие заболеваний), обычаях и поверьях при рождении, крещении, браках, похоронах и поминках по умершим. Вскоре подобная проблематика получила широкое признание. Написанные по подобному плану сочинения пополняли архивы центральных и местных научных обществ (РГО, УОЛЕ), выходили отдельными публикациями и появлялись на страницах периодической печати (в данной работе из периодики чаще всего используются не хроника и публицистика, а описательные сообщения). Задача авторов состояла в освещении образа жизни населения определенной территории. В нашей работе использованы описания следующих заводов Урала: Дедюхинского, Ирбитского, Васильевско-Шайтанского, Березовского, Лысьвенского, Ижевского, Камбарского, Мотовилихинского, Чермозского, Воткинского, Кусье-Александровского, Нижнетагильского, Невьянских, Кушвинского, Юговского (Кнауфа), Верхне-Уфалейского, Миасского, Богословских, Полевского, Северского, Сысертского. Достоинство подобных источников — широта охвата и сопоставимость материалов. Хотя среди них можно выделить определенные типы сочинений: если автор был священником, то больше внимания уделяется истории прихода, а если медиком — вопросам гигиены и санитарии. К источникам подобного рода примыкают так называемые “Летописи церквей”, которые представляют историю приходов и составлены в конце XIX в. священниками по строго определенному формуляру. Довольно рано наметилась специализация описания: по народной медицине, народному календарю, отдельным семейным обрядам.

Чаще всего авторы описаний принадлежали к жителям данной местности и в силу своих профессиональных обязанностей постоянно общались с горнозаводским населением (священнослужители, врачи, учителя). Метод “включенного наблюдения”, с помощью которого ими собиралась информация, гарантировал ее достоверность, представительность и точность. В целом авторы уважительно относились к народу и нейтрально — к существующим порядкам. Исключение составляют работы врачей, которым была свойственна публицистическая заостренность на негативных сторонах окружающей действительности. Из данной группы источников можно получить обобщенные представления о поведении людей с точки зрения наблюдателя, а не участника событий.

Информация, полученная от участников конкретных событий, содержится в следующей группе источников, к которой относятся судебные дела и текущее делопроизводство заводских, медицинских и церковных учреждений (в их материалах могли также встречаться фрагменты описательного характера). Это документы, реагирующие на “злобу дня” По имеющему место прецеденту заводили судебное дело, по конкретному поводу возникала переписка инстанций. Они дают представление о пове-

дении конкретного человека в конкретной ситуации, о формах девиантного поведения и степени его отклонения от нормы, позиции, занимаемой общественным мнением, и действиях властей по конкретному поводу. Отразившиеся в них события запечатлены обычно с разных точек зрения, например, истца и ответчика, заводовладельца и подвластного ему населения. Многоплановость подобных источников способствует проверке их сведений на достоверность и увеличивает информационную отдачу.

Достаточная степень изученности фольклора как источника по истории семьи [23] освобождает нас от специального анализа фольклорных материалов.

Х. Э. Палли указывал на имманентно присущую статистическим материалам способность соединяться с другими видами источников [24]. Выделенные три группы источников также “стыкуются” между собой, создавая массив данных о населении. Различия между ними обуславливают необходимость перекрестной проверки и уточнения сведений, а также способствуют более полному описанию изучаемого явления. Следовательно, взаимные проверка и дополнение внутри такого массива служат образованию наиболее достоверного свода данных о населении. Другой гарант достоверности (особенно при изучении массовых представлений и поведения) — использование серийных источников: серий ревизских сказок, описаний, судебных дел и пр. Из каждого извлекаются повторяющиеся мотивы. Все это позволяет считать используемые источники “массовыми”, по мнению Б. Г. Литвака, соответствующими следующим параметрам: ординарность обстоятельств возникновения; однородность, повторяемость содержания; однотипность формы, тяготеющей к стандарту, первичность, понимаемая как определенная близость к отображаемому или фиксируемому факту действительности [25].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 46. Авторы монографии “Население Урала. XX век. История демографического развития” Екатеринбург, 1996, описывая демографический переход в крае, за нижнюю хронологическую границу также взяли конец XIX в.
2. Caldwell J. C. Theory of fertility Decline. L.; N. Y Press, 1982; Caldwell J. C. The socio-economic explanation of high fertility. Canberra, 1986.
3. Family Forms in History Europe/ Ed. by R. Wall in Collaboration with J. Robin and P. Laslett. Cambridge, 1983; Mitterauer M. Komplexe Familienformen in sozialhistorischer Sicht // Historisch-anthropologische Familienforschung: Herausgegeben Forgestellungen und Zugangsweisen. Wien; Koeln, 1990. S. 87—130.
4. Волков А. Г., Дарский Л. Е. Демографическое развитие семьи // Демографическое развитие в СССР. М., 1985. С. 53.

5. Fleury M., Henry L. Des registres paroissiaux à l'histoire de la population. Manuel de dépouillement et d'exploitation de l'état civil ancien. P., 1956; Палли Х. Э. Естественное движение сельского населения Эстонии (1650—1799). Т. 1. Таллин, 1980.
6. Household and Family in past time. Cambridge, 1972.
7. Berkner L. K. The Use and Misuse of Census Data for the Historical Analysis of Family Structure // J. of Interdisciplinary History. Spring, 1975. Vol. 4; Mitterauer M. Familiengroesse — Familientypen — Familienzyklus: Probleme quantitativer Auswertung von oesterreichischem Quellenmaterial // Geschichte und Gesellschaft. 1975. N 1.
8. Family Forms
9. См. библиографию: Пушкарева Н. Л. Русская семья X—XVII вв. в “новой” и “традиционной” демографической истории // СЭ. 1996. N 3; Бессмертный Ю. Л. Новая демографическая история // Одиссей. Человек в истории. М., 1994. С. 244.
10. См. библиографию: Александров В. А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. N 3. С. 78—96; Он же. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX вв. М., 1984; Власова И. В. Структура и численность семей русских крестьян Сибири в XVII — первой половине XIX в. // СЭ. 1980. N 3. С. 37—50. Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987; Семейный быт народов СССР. М., 1990; Горская Н. А. Историческая демография России эпохи феодализма (итоги и проблемы изучения). М., 1994; а также Вишневский А. Г. Роль исторических знаний в объяснении современных демографических тенденций (на примере метаморфозы семьи) // Проблемы исторической демографии в СССР. Киев, 1988. С. 26—34; Социально-демографические процессы в российской деревне (XVI — начало XX в.). Таллин, 1986; Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
11. См. библиографию: Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987; Семейный быт народов СССР. М., 1990; а также Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
12. Историками написано большинство работ по структуре семьи [6]. См. также: Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Миронов Б. Н. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. // Брачность, рождаемость, семья в России и в СССР. М., 1977, С. 83—104; Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979; Культурно-бытовые процессы у русских в Сибири XVIII—XX в. Новосибирск, 1985.
13. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начала XIX вв. М., 1984; Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. М., 1991.
14. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX — начало XX в.). М., 1971.
15. На путях из Земли Пермской в Сибирь: очерки этнографии североуральского крестьянства XVII — XX вв. М., 1989.

16. Злобина И. В., Пихоя Р. Г. Семья на Урале в XVIII — первой половине XIX вв. // *Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия*. Свердловск, 1986. С. 131—144.
17. Арсентьев Н. М., Нечаева М. Ю. Черкасова А. С. Семья рабочих в первой половине XIX в. по материалам замосковских и уральских заводов (типология и состав) // *Демографические процессы на Урале в эпоху феодализма*. Свердловск, 1991. С. 123—128.
18. Нечаева М. Ю. Методика выявления типичного жизненного цикла семьи феодального периода по переписям (на примере переписи Златоустовского завода 1801 г.) // *Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период*. Свердловск, 1990. С. 93—104; Нечаева М. Ю., Голикова С. В. Домохозяйство населения Златоустовского округа на рубеже XVIII—XIX вв. (по материалам подворных описей) // *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период*. Екатеринбург, 1992. С. 150—156.
19. Бессмертный Ю. Л. От редактора // *Женщина, брак, семья до начала нового времени*. М., 1993. С. 3—6.
20. Бессмертный Ю. Л. Демографическое поведение и демографические процессы во Франции IX—XV вв. // *Женщина, брак, семья...* С. 9.
21. Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (древний период). М., 1965; Этнические стереотипы поведения. Л., 1985; Байбурин А. К. Этнографические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // *СЭ*. 1985. N 2. С. 36—46; Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М., 1990; Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991; а также серия "Фольклор и этнография"
22. Бессмертный Ю. Л. От редактора... С. 6.
23. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М., 1958; Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня. М.; Л., 1962; Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1969; Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988.
24. Палли Х. Э. Система "взаимной проверки" при обработке источников по исторической демографии Эстонии // *Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. IV Всесоюз. конф.* Днепропетровск, 31 октября — 2 ноября, 1983. М., 1983.
25. Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М., 1979. С. 287.

1.1. СТАТИСТИКА БРАЧНОСТИ

Календарная статистика брачности Анализ календарных данных о брачности предполагает выявление их динамики путем сравнения. Чтобы абстрагироваться от их неизбежных колебаний, целесообразно использовать средние показатели за несколько (5—10) лет, а чтобы избежать влияния роста народонаселения — относительные величины. С учетом специфики имеющихся данных, самым простым является определение числа жителей, приходящихся на один брак. Данные табл. 1 обнаруживают рост показателя от 90,98 жителей на один брак в 1800—1811 гг. в Верх-Исетском заводе до 125 в 1888—1892 гг. в Северском.

Каким образом происходило снижение брачности в начале века, показывает постоянное увеличение числа жителей, приходящихся на один брак в Верх-Исетском заводе (табл. 2). Такой же рост был зарегистрирован И. Андржеевским в 1839—1878 гг. у населения Ижевского завода. Если в 1839—1842 гг. на один брак на этом заводе приходилось 77 жителей, то в 1866—1872 гг. — 114,67 жителя, следовательно, за тридцать лет произошел рост показателя и, соответственно, отмечается падение брачности почти наполовину. Изначально ниже (95,93 чел. на один брак) показатели брачности у жителей Кусье-Александровского завода. В дальнейшем произошло их значительное уменьшение — до 130,88 чел. на один брак. Однако падение брачности происходило неравномерно: она то понижалась, то вновь повышалась, достигнув в 1858 — 1863 гг. максимума — 74,51 чел. на брак.

Следовательно, у горнозаводских жителей Урала на протяжении XIX в. наблюдалась тенденция к падению брачности. О масштабах этого процесса в конце столетия свидетельствует доля не вступившего в брак бракоспособного заводского населения. Как показывают данные табл. 3, по заводам Екатеринбургского уезда в 1881 г. такие люди составляли от 17,26 до 22,58 % всего бракоспособного населения. В такой ситуации термин “поголовная” брачность вряд ли уместен. Абсолютные значения показателей табл. 3 свидетельствуют, что безбрачие особенно актуально для женской части населения: везде число незамужних превышало число холостых. За исключением Рудянского завода, процентные показатели безбрачия женского пола были также выше таковых

Таблица 1

Соотношение количества браков с численностью горнозаводского населения Урала

Запод	Годы	Кол-во браков на жителей
Верх-Исетский	1800—1811	90,98
Чермозский	1855—1866	117,0
Васильевско-Шайтанский	1870—1889	107,41
Северский	1888—1892	125,0

Примечание. По данным: Говорилиных Э. Медико-топографический очерк Чермозского запода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 298; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заподe // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 189; Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1894. № 7. С. 436; расчеты автора: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об. — 157.

Таблица 2

Динамика соотношения количества браков с численностью горнозаводского населения Урала (XIX в.)

Завод	Годы	Кол-во браков на жителей
Верх-Исетский	1800—1802	80,23
	1803—1805	82,89
	1806—1808	94,36
	1809—1811	106,44
Ижевский	1839—1842	77,0
	1842—1848	91,15
	1848—1854	91,1
	1854—1860	100,52
	1860—1866	105,28
	1866—1872	114,67
	1872—1878	100,0
Кузье-Александровский	1838—1842	95,93
	1843—1847	119,57
	1848—1852	99,69
	1853—1857	103,60
	1858—1863	74,51
	1865—1870	94,69
	1871—1875	130,88

Примечание. По данным: Андриеевский И. Болотные болезни на севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 45; расчеты автора: Хлопин Г. Движение населения Кузье-Александровского запода Пермской губернии и уезда с 1838—1875 г. // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 296; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об. — 157

Таблица 3

**Показатели безбрачия среди бракоспособного горнозаводского населения
Екатеринбургского уезда (1881 г.)**

Завод	Мужчины	Женщины	Всего
Невьянский	822/21,11	1221/24,18	2043/22,84
Верхнейвинский	224/20,77	321/24,04	543/22,58
Быньговский	207/19,06	323/23,0	530/21,28
Рудянский	127/21,1	140/20,49	267/20,82
Шураминский	80/15,18	153/23,21	233/19,64
Верхнетагильский	180/17,5	233/18,43	413/18,04
Петрокаменский	99/15,71	135/18,62	234/17,26

Примечание. В числителе — абсолютные величины, в знаменателе — проценты. Расчеты автора: Колпалевский В. Результаты однодневной переписи, произведенной Екатеринбургским земским врачом Колпалевским в 1881 г. в заводах: Невьянском, Петрокаменском, Верхнетагильском, Быньговском, Шураминском, Рудянском и Верхнейвинском. Екатеринбург, 1881. С. 3, 7, 10, 13, 19, 22.

мужского: доля холостых в общей численности мужского населения колебалась от 21,11 в Невьянском до 15,18 % в Петрокаменском заводе, а доля незамужних варьировала от 24,18 в Невьянском до 18,43 % в Верхнетагильском заводе.

Сезонность брака Согласно каноническим правилам, венчать не разрешалось в течение всех четырех постов, в сырную и пасхальную недели, в святки. Кроме того, в русской православной церкви бракосочетания не совершались накануне постных дней, накануне и в дни Усекновения главы Иоанна Предтечи и Воздвижения Креста Господня. Не принято было жениться в субботу, накануне двенадцатых, великих и храмовых праздников [1]. В остальное время священнослужители могли беспрепятственно совершать таинство венчания.

Народный календарь подходил ко времени заключения брака строже. Придерживаясь его правил, население не спешило использовать предоставленные церковью более широкие возможности и стремилось обвенчаться в определенное обычаям время: зимой — от Крещения до Масленицы и осенью — от Покрова до Филиппова заговенья. Иные календарные сроки рассматривались как исключение и использовались в случае самой неотложной нужды (например, смерть матери-хозяйки в многодетной семье побуждала ее мужа к быстрому браку). Следовательно, русской традиционной свадьбе было присуще такое качество, как сезонность. Брачных сезонов было два, и, как весь крестьянский календарь, они были порождены ритмом сельскохозяйственных работ, поэтому не могли приходиться на время весенних полевых работ, летнюю страду и сбор урожая в начале осе-

ни. Для проведения свадеб было выбрано более свободное время — поздняя осень и зима. По свидетельству П. И. Рычкова, в XVIII в. сельское население Урала соблюдало эти обычаи: “В январе, так и в феврале обыкновенно почти стараются они женить молодых и холостых людей, считая оба оные месяца в житее своем наиспокойнейшими” То же самое он сообщал про октябрь [2].

У горнозаводского населения не было надобности согласовывать время вступления в брак с ритмом сельскохозяйственных работ. Заключение браков в осенний и зимний сезоны было данью традиции, которую на протяжении XVIII—XIX вв. население заводов соблюдало.

Подмастерье Сылвенского завода Михайло Татарченков припоминал, что “женился в 1742 г. в январе или феврале” [3]. В январе 1759 г. оформлял документы для будущей женитьбы молотовой работник завода императрицы Анны Сергей Меншенин [4]. Житель Каслинского завода Андрей Кочнев “женился перед прошедшей масленицей” 1823 г. [5]. Брак жителя Ревдинского завода Карпа Шевелева с девкой Феклой был заключен 18 января 1837 г. [6]. Разрешение для венчания жителям Нижнетагильского завода Андрею Шамарину и Евгении Шиловой [7] было выдано 8 января 1846 г. В Дедюхинском заводе, по наблюдениям Д. Петухова, в середине XIX в. женились “преимущественно в рождественский мясоед” [8].

Статистические данные за вторую половину XIX в. показывают, что население продолжало придерживаться осеннего и зимнего брачного сезонов. Из 44 первых браков, свенчанных в 1852 г. во Вхоиерусалимской церкви Нижнетагильского завода, 17 было заключено в январе, 21 в сентябре—октябре. Венчание в другие сроки практиковалось редко (6 браков). Предпочтение отдавали осеннему брачному сезону. По сравнению с зимним, на который пришлось примерно 40 % браков, осенью состоялась половина свадеб (50 %), остальные 10 % пришлось на прочие месяцы [8а].

Жители Ижевского завода, напротив, отдавали предпочтение зимнему свадебному сезону. Из тысячи браков, заключенных там в 1862—1878 гг., 343 совершилось в январе, 177 — в феврале, а в октябре всего 140 [8б].

Так же в 1870—1889 гг. поступало население Васильевско-Шайтанского завода (табл. 4). В остальные периоды времени брачность потеряла свою ярко выраженную сезонность. В месяц заключалось от 13,48 до 1,62 % браков. Показатели осеннего брачного сезона за сентябрь и октябрь (соответственно 5,27 % и 8,41 %) на этом фоне выглядят более чем скромно. В последнее десятилетие XIX в. у жителей Камбарского завода наблюдалась сезонность в заключении брака. Чаще всего женились в зимний мясоед (28,2 %). По сравнению с ним число браков, заключенных осенью, было несколько меньшим (22,8 %).

Таблица 4

Сезонная брачность горнозаводского населения Урала (последняя треть XIX в.)

Показатель	Январь	Февраль	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь
Васильевско-Шайтанский завод (1870—1889 гг.)										
Число браков	262	162	49	80	82	133	16	52	83	68
%	26,5	16,4	4,9	8,1	8,3	13,5	1,6	5,3	8,4	6,9
Камбарский завод (1890—1899 гг.)										
Число браков	190	81	17	21	6	53	21	63	154	168
%	28,2	12,0	2,5	3,1	0,9	7,9	3,1	9,3	22,8	10,0

Примечание. По данным: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 190; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901. С. 3—4.

Таким образом, сохраняя традиции сезонного вступления в брак, горнозаводское население Урала в конце XIX в. стало больше руководствоваться сроками церковного календаря.

Брачный возраст

Нижняя граница брачного возраста зависела от законодательства и на протяжении XVIII—XIX вв. имела тенденцию к постепенному возрастанию. Стоглав определял ее с 12 лет для девушек и с 15 лет для юношей. Закон 1744 г. повысил бракоспособный возраст до 13 лет женщинам. По указу 1830 г. отдавать замуж можно было с 16, а женить с 18 лет. Епархиальные архиереи могли сделать исключение из этих правил, если на момент совершения венчания жениху или невесте до достижения брачного возраста не хватало нескольких дней [9].

По достижении брачного возраста заводские жители не намерены были откладывать свадьбу. В середине XIX в. население Невьянского округа четко придерживалось определенных законом сроков: мужчины вступали в брак с 18, а женщины с 16 лет [10]. “Как только исполнится узаконенный срок для женитьбы, родители и родственники начинают нахвалять невест”, — писал о нравах, царивших в середине XIX в. среди жителей Дедюхинского завода, Д. Петухов. Однако большую часть браков заключала молодежь в возрасте 20—21 года. Автор считал их “очень ранними” так как “иной жених” с виду был как мальчик и только через несколько лет после женитьбы превращался в настоящего мужчину [11].

Обобщенные данные о возрасте вступления в первый брак горнозаводского населения Пермской губернии на середину XIX в. приводит Х. Мозель: “Молодые парни большей частью вступают в брак от 18 до 25 лет, а девушки выходят замуж от 16 до 25 и редко старше” [12]. Как видно

из табл. 5, население Нижнего Тагила также не было склонно откладывать браки и стремилось как можно скорее осуществить предоставленное законом право. Большинство юношей успевали вступить в брак за довольно коротким промежутком времени — от 18 до 20 лет. Возрастной интервал максимальной брачности девушек был несколько растянут за счет нижней границы, но также заканчивался к 20-и годам. После этого возраста большинство населения состояло в браке.

Как повсюду в России, у горнозаводского населения Урала состав семьи оказывал самое непосредственное влияние на вступление в брак. Из мужчин в более раннем возрасте женились сироты и те, у кого “мать старая, а сестер нет” или единственные дети в семье. Не торопились с женитьбой юноши, имевшие много сестер или женатых братьев. При выдаче замуж дочерей придерживались обычая не выдавать младшую дочь прежде старшей [13].

Явление отсрочки брачности было почти незнакомо горнозаводскому населению по причине снабжения его бесплатным (или льготным) провиантом. В начале XIX в. родительская семья получала провиант на девушек до достижения ими 15 лет (т. е. бракоспособного возраста), а с этого возраста, по мнению горных властей, им “пристало” выходить в замужество и получать провиант в качестве жен мастеровых, которые с самого начала “вступления в работы” имели право получать провиант не только на себя, но и на жену и детей [14]. Зависимость брачного возраста от снабжения провиантом констатировал для жителей Дедюхинского завода в середине XIX в. Д. Петухов: “К ранней женитьбе побуждает их отличие в способах пропитания семьи казенным провиантом, отпускаемым на жену со дня брака, а на детей со дня рождения” [15]. В сложившейся ситуации для вступления в брак у юношей не было экономических препятствий, а у девушек имелись прямые экономические стимулы.

На изменение ситуации после 1861 г. повлияли как отмена “обязательных отношений” так и введение всеобщей воинской повинности. Как свидетельствуют данные о жителях Ижевского завода, практика отсрочки браков в пореформенное время коснулась в первую очередь мужской молодежи. И. Андржеевский сопоставил средний возраст брачующихся до увольнения оружейников в 1867 г. и после него. У женщин данный показатель остался неизменным и составил 20,15 лет. У мужчин он вырос с 23,18 лет в 1863—1867 гг. до 23,36 лет в последующее время [16]. Как видно из табл. 6, из 147 юношей, проживавших в 1870—1889 гг. в Васильевско-Шайтанском заводе, правом вступить в брак с 18 до 20 лет воспользовались только 5 человек. У девушек положение осталось прежним: за первые пять лет в брак вступило $\frac{3}{4}$ женского поколения. Для мужчин решающим периодом вступления в брак (табл. 7) было пятилетие от

Таблица 5

**Возраст вступления в первый брак во Входуиерусалимской церкви
Нижнетагильского завода**

Возраст, лет	Мужчины	Женщины
16	—	9
17	—	10
18	10	8
19	14	6
20	12	10
С 21 до 30	8	2
Итого	44	45

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы).

Таблица 6

Брачное состояние молодежи Васильевско-Шайтанского завода (1870—1889 гг.)

Статус	Мужчины (18—20 лет)	Женщины (16—20 лет)
Безбрачные	142 (96,6 %)	63 (24,23 %)
Состоящие в браке	5 (3,4 %)	197 (75,77 %)

Примечание. По данным: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т 1. С. 178.

Таблица 7

**Половозрастной состав брачующихся среди молодежи Васильевско-Шайтанского
завода (1870—1889 гг.)**

Возрастной промежуток	Мужчины	Женщины
До 20 лет	167	651
20—25 лет	515	229

Примечание. По данным: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т 1. С. 190.

Таблица 8

**Доля не вступивших в брак среди населения Васильевско-Шайтанского завода
(1870—1889 гг.), %**

Возрастная группа, лет	Холостые	Незамужние
21—25	54,79	13,99
26—30	16,44	6,37
31—35	1,23	4,91
36—40	1,43	2,2
41—45	1,02	2,34

Примечание. По данным: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т 1. С. 177.

20 до 25 лет. У женщин данный возрастной промежуток уже не был типичным для брачного возраста.

В 1860-х — 1870-х гг. абсолютный брачный возраст девушек в Ижевском заводе укладывался в промежуток от 16 до 20 лет, у юношей — от 20 до 25 лет [17]. Об аналогичной ситуации в последнее десятилетие XIX в. среди молодежи Камбарского завода сообщает В. Ф. Предтеченский: “ мужчины вступают в брак позже 20 лет, до 20 же лет из 674 мужчин женились только 148, или 21,9 %. Женщины, наоборот, вступают в брак в большинстве случаев раньше 20 лет; из 674 женщин вступило в брак в этом возрасте 397, или 58,8 %” [18]. Таким образом, просматривается тенденция: временем вступления в брак были два следующие друг за другом пятилетия (15—20 лет для женщин и 20—25 лет для мужчин), рубежом между которыми был 20-летний возраст. Большинство женщин выходили замуж до достижения этого возраста, большинство мужчин — после.

Хотя мужчины вступали в брак позже женщин, шансов остаться холостыми у них было меньше. После окончания периода активного вступления в брак ситуация в женском поколении была несколько лучше, чем в мужском — безбрачными оставались 16 % мужчин и только 14 % женщин. Она менялась к 30-летнему возрасту, поскольку мужчины быстрее вступали в брак. В возрасте 31—35 лет холостыми оставались чуть более 1 % мужчин, а незамужними — почти 5 % женщин (табл. 8).

В конце XIX — начале XX в. аналогичное положение было в Нижнетагильском заводе. Брачный возраст женщин варьировал в интервале 16—18 лет. После 20 лет девушка могла рассчитывать только на брак с вдовцом, выходила “на детей” Мужчины женились, смотря по обстоятельствам, в 18—20 лет или уже после отбытия воинской повинности — в 25—26 лет [19].

На законодательном уровне задавалась определенная разница в возрасте супругов: бракоспособный возраст мужчин был выше такового у женщин. Поскольку горнозаводское население в вопросах брачного возраста соблюдало букву закона, есть все основания предполагать, что оно реализовывало именно официальную модель брачности. Как показывают данные табл. 9, из трех возможных вариантов: муж старше жены, жена старше мужа, супруги в одинаковом возрасте — жители Златоустовских заводов рубежа XVIII—XIX вв. предпочитали первый. Отношение числа браков, в которых муж старше жены, к числу браков, где жена старше мужа, у них было примерно 3 к 1. Преобладали супружеские пары с разницей в возрасте, не превышавшей 1—3 лет.

Аналогичная модель брака имела место в середине XIX в. у жителей Нижнетагильского завода. Как показывает табл. 10, из 44 пар, свенчан-

Таблица 9

Соотношение возраста супругов на Златоустовских заводах (1799—1801 гг.)

Разница в возрасте, лет	Златоустовский		Саткинский		Миасский	
	Муж старше	Жена старше	Муж старше	Жена старше	Муж старше	Жена старше
1	71	50	36	25	13	6
2	76	31	41	14	22	10
3	64	27	37	14	19	4
4	30	17	28	9	7	3
5	51	9	24	7	11	2
6	31	5	18	4	5	2
7	24	15	14	2	5	—
8	22	1	10	1	1	1
9	11	—	2	1	1	—
Более 10	54	6	29	7	10	—
Итого	439	150	239	84	95	28

Примечание. Расчеты автора: РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 249, 250, 251, 484, 493; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1927; ГАЧО. Ф. И.-225. Оп. 1. Д. 6.

Таблица 10

Соотношение возраста венчавшихся во Входонерусалимской церкви (1852 г.)

Разница в возрасте, лет	Муж старше	Жена старше
1	9	1
2	8	5
3	11	—
Более 4	5	1
Итого	33	7

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы).

ных за один год, женихи были старше невест в 33 случаях. Только в семи браках возраст жены превышал возраст мужа. Разница в возрасте в большинстве случаев также не превышала трех лет.

В Дедюхинском заводе, по словам Д. Петухова, в середине XIX в. ситуация была совершенно иной. “Заявленный жених, — сообщает он, — редко бывает с невестой в одних годах, а еще реже, что невеста бывает моложе жениха; по большей части она бывает старше его” [20]. Чувствуется некоторая противоречивость с заявлением того же автора, увязывавшего возраст вступления в брак с выдачей казенного провианта, из чего следует, что родители были не заинтересованы содержать дочерей бракоспособного возраста. Возможно, определенную роль здесь сыграли тради-

ции сельского населения Урала, которое по экономическим соображениям практиковало отсрочку брака женщин.

В конце XIX — начале XX вв. возрастная модель брака не изменилась. Обычно жених был старше невесты на 1—2 года. Военная обязанность способствовала лишь увеличению разницы в возрасте. Вернувшись из армии, юноши брали в жены сверстниц, которых считали “перестарками”, а девушек помоложе. В таких случаях разница в возрасте вырастала до 6—8 лет [21].

1.2. ВЫБОР БРАЧНОГО ПАРТНЕРА

Для традиционного общества признаком того, состоялся человек или нет, было его вступление в брак и обзаведение собственной семьей. Окружающие и семья стремились привить индивиду качества, необходимые для вступления в брак, позволявшие ему быть приемлемым (или желанным) партнером.

В условиях горнозаводского Урала XVIII—XIX вв. брачный выбор зависел от желания вступающих в брак людей и от воли их семей. Семья направляла этот выбор, но от поиска брачного партнера в большинстве случаев отстранялась, оставляя за собой право окончательного решения. В ситуации выбора находились как юноши, так и девушки, но поскольку инициативу должен был проявлять сильный пол, начнем с того, какие требования предъявлялись невестам. В первую очередь внимание обращали на ее внешний вид. Пословица “По одежде встречают” находила здесь самое прямое воплощение. Интегральным показателем достатка семьи, умений и работоспособности самой девушки был ее гардероб. Поэтому наряды дочерей на выданье являлись объектом пристального внимания их родителей. Памятуя о брачных планах девиц, семейные стремились освободить их от домашней работы и отправить “на люди” где они могли бы “себя показать” Выходные наряды девушек долгое время были близки к народному костюму, но выполнялись из более дорогих материалов: белые кисейные рубахи с широкими рукавами, красные или голубые сарафаны с позументом. Когда стали перенимать городскую моду, молодежь стремилась одеться в заводской ситец, а не домотканину, и круглые сарафаны, напоминающие платья барышень. Невест одевали не только модно, но и богато. В 1862 г. Татьяна Суханова из Невьянского завода гуляла по вечерам в шали из муслина, в гарусном шарфе, в серебряных серьгах и перстнях [22]. В конце XIX в. девки на выданье имели туалеты “с пузырями на рукавах” и с “капюшоном”

Не последнюю роль в приобретении нарядов играл заработок самих дочерей. “Девушки даже самого бедного разряда” — сообщали о Суксун-

ских заводах в 1880-е гг. “Пермские губернские ведомости”, — в праздники щеголяли нарядами, купленными на свои деньги, “не обременяя родителей” Зарабатывали суксунские девки плетением бумажных кружев, лучшие из которых шли на украшение их собственного костюма [23].

Свое значение при выборе невесты имел здоровый и “миловидный” внешний вид. Она должна была быть “плотна, работяща, вынослива” “По убогому ее здоровью нельзя и думать, чтобы кто согласился иметь с нею любовное знакомство” — говорила о своей дочери жительница Уткинского завода Томиловская [24]. Девушки “неприятного виду и лицом немилостивые” стремились себя приукрасить: “белились” “румянились” Но парни внешнюю привлекательность не ставили на первое место, более того, противопоставляли ее “уму”, который, по их мнению, действительно был ценным качеством женской натуры. Герой одной из песен признается, что любит девушку “за ум, не за красу” поясняя далее, что ему не нужно “красоты в лице нисколько/ был бы ум при дорогой” [25]. Под умом подразумевались не столько интеллектуальные способности, сколько поведенческие качества: ответственность за свои поступки, воспитанность, умение себя вести, ладить с людьми, уживаться с ними. Соседи Настасьи Бубновой из Шайтанского завода, характеризуя ее как женщину умную, добавляли: “и доброго поведения” [26].

Цель женитьбы заводских парней, как сообщал в середине XIX в. Х. Мозель, “заключалась главным образом в том, чтобы иметь хозяйку и работницу в доме” [27]. По сравнению с деревней в заводах это понятие вкладывали несколько иной смысл. Хорошая хозяйка не была сведуща в полевых работах, зато знала все премудрости домоводства. Невеста должна была уметь “и суп сварить и мясо и дичь изжарить, приготовить хорошее тесто и испечь пирог”, быть чистоплотной, опрятно содержать дом [28]. В заводах отдавали должное умениям невесты шить, вязать, плести и т. п. Для бюджета будущей семьи навыки жены-мастерицы были хорошим подспорьем.

Добрачный сексуальный опыт девушек неоднозначно влиял в будущем на возможность вступления в брак. При распространенности разврата по заводам “также в женском поле” нередко возникала ситуация, когда возлюбленная была “опытнее” парня. При отсутствии целомудрия имели все основания пострадать не только мужская гордость молодого человека, но и надежды девушки на брак с ним.

Утрата девственности была одной из причин отказа от невесты. Угольный ученик Верх-Исетского завода Василий Рыков в 1778 г. не хотел жениться на Стефаниде Перфильевых из-за “чинимых ей с протчими кроме ево блудодеяниями” [29]. В 1831 г. свой отказ взять в жены Степаниду Потаскуеву Николай Теткин из Сысертского завода объяснял теми же причинами: она “якобы до него была уже лишенною девства” [30].

Общественное мнение в этом случае было на стороне женщин. Оно считало “блуд” грехом, но не поводом для безбрачия, что помогало девушкам обрести мужа и семью. По мнению окружающих, “опозоренную” девушку следовало “пристроить” любыми способами. Если это по каким-то причинам было невозможно с ее соблазнителем, искали другую кандидатуру. Когда в 1753 г. Борис Гобов из Каменского завода стал хлопотать о разводе, чтобы жениться на Анастасии Селменских, церковные власти заявили ему, что “беснующаяся жена” не повод для расторжения брака, а его близкие отношения с Анастасией не что иное, как “блуд”, и посоветовали девке искать другого жениха. Вскоре она стала супругой Кирилла Шаркина [31]. Марфа Кочнева из Каслинского завода “лишилась девства”, родила незаконноприжитого младенца, а после этого благополучно вступила в брак (1810-е гг.) [32]. Марфа Кудрина из Пышминского завода имела продолжительную связь с Семеном Устюжаниным, прижила с ним ребенка, что не помешало ей впоследствии выйти замуж за мастерового Евстафия Волкова (1850-е гг.) [33]. Таким образом, слова пословицы: “Худа славушка пройдет, никто замуж не возьмет”, сбывались далеко не всегда. По наблюдениям Д. Петухова, в середине XIX в. “вольное поведение не препятствовало” выходить замуж девушкам в Дедюхинском заводе. Однако на выгодную партию рассчитывать уже не приходилось: “Промысловые работники обегают деторожавших девиц, которых берут за себя только вдовцы” [34].

Иногда сила чувств молодого человека была так велика, что он был готов жениться на девушке вопреки всему. В 1838 г. Домна Чекапина из Нижнесергинского завода была уличена в прижитии незаконного ребенка и ложно обвинила в этом своего соседа Александра Власова. “Имевший неотложное намерение на ней жениться” Александр заявил следствию: “...несмотря на то, что она ныне разрешилась от бремени, показывая на меня, на извет ее снисхожу, так как, любя ее, беру за себя в замужество” [35].

Заводские невесты также были разборчивы и в первую очередь обращали внимание на внешний вид кавалера. Поэтому молодые рабочие одевались “щеголевато”. Тагильские парни даже на работу стремились надеть запон (фартук) побогаче, ибо от этого зависело уважение девчат. В середине XIX в. выходной костюм заводского франта включал брюки в клеточку, пиджак с крупными фалдами, котелок, “штиблеты” и тросточку [36]. Со второй половины XIX в., подражая служащим, рабочая молодежь “ходила стриженной” в сюртуках, даже в сухое время года “носила длинные щегольские сапоги с калошами” [37]. В конце XIX в., “отправляясь по вечерам шататься” тагильский “холостяжник” был одет в барашковую тужурку, суконный синий костюм-тройку: брюки, пиджак, жилетку,

полотняную вышитую рубаху, на голову полагалась пуховая шляпа, в руках непременно была гармонь. Престижной одеждой парни обзаводились с ведома родителей. Отправляя сына “на люди” они обязательно обращали внимание, во что он одет. “Очень хорошая на мне одежда была — отец нас чисто водил” — вспоминал один из тагильских рабочих [38].

Если девицам поначалу было достаточно “выставляться на обозрение” то парням для достижения их благосклонности приходилось на деле демонстрировать свой мужской характер, силу, молодчество, удасть, балагурство. Собираательный образ такого заводского молодца выведен в одной из сказок: “...здоровый такой, веселый. В драках первый человек” [39].

Таким образом, выбор молодежи во многом был основан на личных качествах партнера. Так, Александр Власов из Нижнесергинского завода, объясняя, почему он хочет жениться на своей соседке, говорил, что знает ее “довольно” и живет с ней дружно [40].

Отношения в образовавшейся паре складывались на основе ухаживания. По отзывам современников, “мужское ухаживание носит характер молодчества, а достигнутый успех ни к чему не обязывает” [41]. Надо отметить, что в добрачных сексуальных отношениях насилие со стороны парней встречалось крайне редко. Даже если оно происходило, то сопровождалось “уговорами” жертвы. Чаще всего девки “учиняли прелюбодеяние” по собственному желанию.

“Согласить” на него можно было разными путями. Самый надежный — пообещать жениться. В 1833 г. 15-летней Степаниде Пролубниковой из Каменского завода хватило одного намека на предстоящую свадьбу. Как только сводня сообщила ей, что “уже платье и денег 20 рублей готовы” она без колебаний отправилась к “жениху” [42]. Более опытные требовали от претендентов на их руку клятвенного обещания. В 1831 г. Николай Теткин из Сысертского завода “склонил к прелюбодеянию” Степаниду Потаскуеву, “обещаясь с клятвой перед Богом, чтоб взять за себя в замужество” Степанида “не могла сие перенести и начала до праздника Ивана Чудотворца с ним связь” [43]. Некоторые соблазнитель добивались определенных гарантий верности со стороны партнерши. В середине XVIII в. подканцелярист Каменского завода Борис Гобов и девка Анисья Селменских стали жить “блудно” “утвердив” обоюдную клятву: “ему ее взять за себя замуж и ей до того иного жениха не искать” [44]. Соблазнитель чаще всего эксплуатировали такую черту женской натуры, как любовь к подаркам. Дочки состоятельных родителей могли “польститься” на обещание любовников “по молодости лет и глупому разуму” но большинство толкала на это бедность. Так, Марфа Кудрина из Пышминского завода в середине XIX в. согласилась на прелюбодейную связь с мастеровым Семёном Устюжаниным, “увлекаясь получить от него по бедности своей шаль

и платье, как он обещал” [45]. Женщины с такой мотивацией в дальнейшем “вдавались в распутство”, т. е. “составляли себе из одного ремесла и имели от того пропитание” В середине XIX в. так поступила жительница Сысертских заводов Настасья Турыгина. После “взяникова” который за деньги “растлил” ее, у Настасьи были разные мужчины, за “любодеяние” с которыми она “получала плату, употребляя таким образом распутство свое в ремесло для себя” [46]. В Дедюхинском заводе, по мнению Д. Петухова, именно “бедность чаще всего бывает причиною гибели молодых красоток, увлекающей и девиц к вольному поведению” [47].

Среди девушек встречались своеобразные натуры, предпочитавшие законному браку незаконную связь. В 1847 г. любовник жительницы Быньговского завода Зиновии Коротковой рассказывал следствию, что поначалу долго уговаривал ее вступить с ним в брак, но она согласилась только на связь. Причина такого оригинального поведения кроется, вероятно, в том, что Зиновия была раскольницей [48]. Однако чаще всего ситуация была обратной, соответствуя шуточной присказке: “Не идет Федора за Егора? — Федора-то идет, так Егор-то не берет”

Если парень “уклонялся от данного обещания” а девица уже “чувствовала себя обремененной”, она обращалась к священнику, чтобы тот “увещевал” обманщика. В заводской конторе уговорами не ограничивались. Когда приказчик Верх-Исетского завода Заверняев узнал, что девка Стефанида Перфильевых “прижила в утробе младенца” от Василия Рыкова, то “принуждал” его жениться, “заклучив” на неделю в цепи [49].

Изнасилование также влекло за собой принудительную женитьбу насильника на его жертве. Весной 1836 г. Ермолай Татарченков с Верх-Исетского завода “учинил блудное воровство” над Агафьей Смирновой. Ермолая предупредили, если он на ней не женится, будет отвечать по закону. С Агафьи взяли подписку, что она согласна вступить с ним в брак. В сентябре того же года они стали мужем и женой [50].

На матримониальные планы детей сильное влияние оказывали их родители. Семья выбирала, с кем породниться, по иным, нежели молодежь, критериям. Являясь социальным институтом, она при выборе учитывала не только личные качества человека, но и характер семейной группы, с которой предполагалось породниться. Основой брачного выбора выступал статус семей в обществе. Осуществление выбора должно было происходить без умаления достоинства заинтересованных сторон. Эти выводы В. Томаса и Ф. Знанецкого, полученные при анализе традиционной польской семьи [51], вполне применимы к горнозаводскому Уралу. В распространенных здесь пословицах: “По Сеньке и шапка, по горшку и крышка” “Против стопки и клетка” [52], отражено не столько желание молодежи всту-

пить в брак с “ровнюшкой”, сколько стремление родственников породниться с равной им социальной группой.

В заводах считалось нормой иметь собственное хозяйство, “упражняться в скотоводстве” С семьей, в которой, по словам свахи, “и покосик-от на коровушку ешь, домик тоже, хошь и небольшой, и лопатинка вылюдная праздничная тоже есть” [53], стоило породниться.

Благополучие горнозаводской семьи было тесно связано с профессиональными занятиями ее мужской половины. Престижным считался брак с рабочими, занимающими достойное место в заводской иерархии, в первую очередь по квалификационным и другим показателям. По материалам третьей ревизии Нижнетагильских заводов, в которых собраны сведения по 1763 г., уже четко прослеживается тенденция к родству между семьями высококвалифицированных рабочих. Молотовой мастер Василий Бородин был зятем молотового мастера, его родственник Константин Бородин — тестем молотового мастера. Распространены были также браки с мастеровыми других специальностей. Молотовой подмастерье Стефан Глазунов был женат на дочери доменного работника. Молотовой мастер Пантелей Козицын взял в жены дочь дощатого подмастерья. Молотовой мастер Алексей Симбирцев выдал свою дочь за “печаталщика чугунных припасов” Обращают на себя внимание широкие брачные связи рода Косяковых, специализировавшегося в доменном производстве, с семьями молотовых рабочих. Двух своих младших дочерей Иван Косяков выдал за мастера и за подмастерья молотового цеха. Невестку себе, жену сыну Матфею, тоже взял из семьи работника молотового цеха. Эти же традиции продолжало следующее поколение. Степан Косяков породнился сразу с двумя семьями молотовых мастеров. В одну он выдал дочь, а из другой взял себе невестку. Углежогги Матфеевы предпочитали родниться с семьями, которые также занимались приготовлением древесного угля. Анна, жена Никиты Матфеева, была дочерью кучеосыпщика, Матрена, жена Ивана Матфеева, — кучеклада. Подобные традиции сохранялись и в младшем поколении этой семьи. Так, угольного жжения мастер Алексей Матфеев женил своего старшего сына Федора на дочери кучеосыпщика [54]. Таким образом, родство через брачные связи способствовало появлению рабочих династий, из которых состояли замкнутые группы типа “тагильского мастера” и пр.

Понятие “ровни” было близко к понятиям схожести и подобия. Оно включало в себя не только равенство, но и возможность компромисса, иначе выбор был затруднен. Уступать приходилось, пристраивая в чем-то ущербных детей: заболевших, забеременевших, опозоренных и пр. Если семьям удавалось договориться, личные качества партнера игнорировались. В 1828 г. девка Лукерья из Нижнетагильского завода вышла замуж уже

беременной, причем не от своего будущего мужа Василия Лабазова [55]. В середине XIX в. девка Парасковья из Каменского завода, “проживая в услужении у разных лиц, вдалась в распутство” и даже незаконно прижила ребенка. Ее мать видела единственный выход из создавшегося положения — выдать Парасковью замуж. Она быстро “приискала” ей жениха и настояла на свадьбе с Николаем Брюхановым, который также “в брак вступил по добровольному согласию родственников” [56].

Правилом в рабочей среде были браки, заключенные по воле родителей, а с чувствами молодых людей считались мало. Завязавшиеся между ними отношения могли привести к браку, если родители с той и другой стороны находили его “подходящим” в противном случае сватовство расстраивалось.

Нельзя сказать, что критерии выбора брачного партнера у молодых людей и их родственников были совершенно разными. Свахи, рассчитывая в первую очередь на благосклонность старшего поколения, рисовали следующий портрет идеального жениха: “ смиренной, работающей, из году в год в казенной работе робит, не упиватся, не вор, не мотушка, не в песне, не в басне не слышно; за што не примется, все в руках родится; в черную работу с лопатой не пошлют, лаптей (жена) убирать не будет; на страде... в руках-то кипит, топор из руки не выпадет, обуточек-от для себя-то сам шьет” [57]. В нем сочетались черты, привлекательные как для невесты, так и для ее родителей. Вряд ли девушка не хотела, чтоб ее избранник был работающим и трезвым человеком. Но у нее были и личные склонности, которые семья могла принести в жертву ради достоинств жениха. Девушки не решались идти наперекор родительской воле. В 1852 г. девка Парасковья Исаева из Каменского завода “в замужество выходила по желанию матери своей” [58].

Последнее слово в выборе невесты оставалось не за женихом, а за его родителями. Мать Василия Лабазова из Нижнетагильского завода в 1828 г. единолично решила судьбу своего двадцатилетнего сына, взяв ему в жены “девку беременную” [59]. Не осмеливаясь идти против решения родителей, парни поневоле оказывались обманщиками в глазах любимой девушки. В 1831 г. Николай Теткин из Сысертского завода в свое оправдание говорил Степаниде Потаскуевой, что “сам собой, без воли родительской” взять ее в замужество не может [60].

В отдельных случаях твердая позиция родителей выручала их детей из затруднительного положения. Приказчик Верх-Исетского завода Заверняев наверняка вынудил бы Василия Рыкова жениться на беспутной девке Стефаниде, если бы не быстро поданное его отцом в Екатеринбургское духовное правление “доношение” В нем намекалось на заинтересованность заводской конторы в данном браке, ибо Рыковы были государственными людьми, а “она девка господская крепостная”

1.3. УСЛОВИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ БРАКА

Законный брак мог быть заключен при отсутствии к нему церковно-канонических препятствий. Выяснением этих формальностей наряду с церковными занимались заводские власти. На протяжении XVIII—XIX вв. прерогативы тех и других претерпели существенное изменение. Поначалу заводская контора почти всю предварительную работу брала на себя.

В крепостную эпоху население частных и посессионных заводов, желающее вступить в брак, “испрашивало позволение помещика”, после чего заводская контора проводила “обыск”: “по своей ли воле жених невесту за себя емлет, а невеста за нево в замужество желает” и нет ли других препятствий к заключению брака? Не ограничиваясь собственным “дознанием”, контора требовала от жениха и невесты поручителей. Только на этом основании она выдавала “аттестат” (см. далее приложения 1—5), в котором говорилось: “крестьянин NN и крестьянская девица NN желают через бракосочетание посягнуть друг на друга, потому заводская контора предписывает причту повенчать их” [61].

Брачность дочерей горнозаводских жителей также находилась под контролем частных владельцев. Для венчания им выдавались подобные аттестатам “письменные виды”. Если, выдавая дочь “на сторону” родители девушки не согласовывали вопрос о ее замужестве с приказчиком, она считалась беглой. Выражение “брак убегом” означал поэтому не только беглую свадьбу, но и выход заводских девок, как, например, Дарьи Пузановой из Режевского завода, замуж без разрешения. В последних числах 1790 г. Дарья отправилась гостить в Невьянский завод. Оттуда она была увезена своею родственницею в Ревдинский и выдана там в замужество за куренного надзирателя Федора Пимова. Узнав об этом, ее отец сделал “объявление” конторе, но брак был уже свенчан. Оставалось только обратиться в суд. В явочном прошении алапаевскому нижнему земскому суду, доношении в алапаевское духовное правление, а затем в “прозбе” Екатеринбургскому духовному правлению произошедшее было квалифицировано со стороны девки как “самовольный побег” а со стороны помогавших ей родственников как “отдача за чужого человека в замужество”. По “силе изданных узаконений” контора требовала за “вывод господской крепостной” деньги [62].

Число бежавших девок по заводам Яковлевых тем не менее год от году увеличивалось. В 1778 г. контора Верх-Исетского завода сообщала об единичных случаях: “сего мая 2 числа здешняго завода крепостная девка крестьянина Семена Банникова дочь Федосия подговорена воровски и отдана в замужество за находящегося в городе Екатеринбурге дворового человека, а как ево зовут и чей прозванием неизвестно, которые и свенчаны

во оном же Екатеринбурге церкви Вознесения Господня священником Александром Воинственным” В 1790-х гг. на предприятиях тех же владельцев побегі стали массовым явлением. Сотник Верх-Исетского завода рапортовал, что в мае 1790 г. в замужество бежали три девки. На следующий год из Режевского завода, не считая Дарьи Пузановой, только зимой бежало еще пять девок “деревень Осиповки крепостного крестьянина Анисима Толстухина дочь девка Татьяна, Кунары крепостной же вдовы Матрены Васильевой Ивановых дочь девка Марья, Режевского завода вечноотданного крепостного переселенного с Невьянского завода молотового мастера Веденя Кадашникова падчерица девка Гликерия Матвеева, написанного здесь по ревизии вечноотданного же крепостного сторожа Данила Менкина падчерица ж Анисья Никитина из домов от отцов и матерей своих по поводу их в ночные времена бежали и в том своем побеге вышли в замужество, первая Толстухина Черемисовской волости деревни Шаитанки за крестьянина Василия Яковлева Хазова, коя свенчаны за силою указов без всякого писменного виду, как есть беглая, в Аятском приходе в церкви Святыя Троицы, священником Иваном Машаниным, вторая Ивановых Шегринской волости деревни Нешиловой за крестьянина Устина Яковлева Налимова, третья Кадашникова Глинской волости деревни Першиной, за крестьянина Силу Никифорова Олькова, четвертая Менкина Липовской волости за крестьянина Евина Софронова, которые и свенчаны в Покровском приходе в церкви Покрова Пресвятыя Богородицы старшим и то запрещенным священником Иваном Пузыревым как есть суще беглые з государственными крестьянами” [63].

Контора апеллировала к церковным и судебным властям, так как беглянки были вне ее досягаемости, в остальных случаях с нарушителями порядка расправлялись сами. Артамон Степанович Голицын, работавший “на угле” в Черноисточинском заводе, “задумал жениться и не спросился у управителя” за что по 7 суток отсидели и сам Артамон и его жена [64].

Участие владельцев заводов и заводских контор в устройстве браков населения не сводилось к простым формальностям. “Барская воля” оказывала серьезное влияние на брачность, особенно на этапе формирования населения заводов. В качестве анекдота по уральским селениям ходил рассказ о том, “как Демидов ссыльных женил”: “...собрал на площадь всех одиноких людей, пожилых и молодых, а то совсем девчонок или совсем стариков. Велел по росту встать: в одну линию, значит, особ мужского пола, в другую — женского. Подошел Демидов к мужчинам: “Хотите жениться? Хотите семьей обзавестись?” — “Ну, как не хотеть! Желательно” — отвечают. Он к женщинам: “Хотите замужем быть? Опору в жизни иметь?” — “Ну, как не хотеть. Желательно” — отвечают. — “Тогда сходитесь! Кто против кого окажется, тому мужем и женой быть. Не-

важно, если он старик безобразный, а она девка красавица, все еще в соку” [65]. Подобный курьез имел под собой вполне реальные, хотя не столь масштабные основания. Жена плотника Евфимия объявила в 1752 г. священнику Васильевско-Шайтанского завода, что “якобы она под неволей дворянина Евдокима Демидова за плотника в супружество отдана от живого мужа, а законный де муж ея отдан в солдаты и таковых де нас под неволею отданных в супружество есть человек 20” [66]. В этой связи справедливой кажется следующая оценка роли заводских властей в устройстве браков населения: «Браки совершались по прихоти помещиков, и духовенство в этом случае было лишь слепым орудием произвола “господ”» [67].

В XIX в. контора и причт поменялись местами. Заводуправления в качестве разрешения на брак стали выдавать так называемый “билет” (см. приложения 6, 7), общий для жениха и невесты, если они были жителями одного завода и венчались в своем приходе, и отдельный, если они жили в разных заводах и принадлежали к разным приходам. “Все предписанные Правительством изыскания для удостоверения в законности браков” переходили в ведение церкви. После 1861 г. церковные власти стали полностью ведать вопросами заключения брака, ибо надобность в разрешении со стороны заводуправления отпала.

Прежде чем совершить венчание, священники должны были удостовериться в законности брака, т. е. безбрачии жениха и невесты, их “правильных летах” отсутствии между ними плотского и духовного родства. Для этого устраивали трехкратное объявление, или оглашение. В случае с жителями Ревдинского завода Иваном Козыриным и Верой Блохиной на это ушло время с 29 декабря 1830 г. по 19 февраля 1831 г. [68]. Каждый, кто знал, что оглашенные нарушают законодательство о браке, мог сообщить об этом священнику.

Церковь признавала только единобрачие. Многоженство наравне с многожеством противоречило христианскому закону. В народе все нарушавшие брачные обычаи, как-то: “бабы-самокрутки” “двоежны” “троежны” — издавна считались могущими изурочить, а следовательно, нежелательными существами.

Однако, по свидетельству покаяльной практики, состоявшие в браке постоянно совершали различные прегрешения против седьмой заповеди. В конце XIX в. принцип единобрачия стали открыто игнорировать. “Немало есть таких, — писал священник Быньговского завода, — которые изгоняют от себя законных жен и живут открыто с наложницами, много и таких женщин, которые, бросив своих мужей, живут по своей воле” [69]. О распространении “незаконных сожительств” в конце XIX — начале XX вв. сообщал священник Выйского прихода [70].

Церковь безусловно отвергала подобное поведение. Однако в начальный период существования заводов, когда была сильно ощутима нехватка женского пола, а мастеровые и работные люди искали жен повсюду и были не всегда разборчивы и склонны закрывать глаза даже на явный обман, прихожанам, а особенно прихожанкам, удавалось обмануть священнослужителей и получить благословение на брак “из-за живого мужа” Как правило, ему предшествовал побег от законного супруга. Обосновавшись подальше от него, беглянки благоразумно выдавали себя за вдовых женщин. Так, Марфа Чепчугова из д. Крутихинской, скрывшись в очередной раз от мужа, изводившего ее побоями, в Китайском остроге “сказывалась, что у нее якобы прежнего мужа уже не имеется” Это помогало им ввести в заблуждение появившихся претендентов на свою руку и в качестве вдов вступить в новый брак. Марфу в Китайском остроге заприметил приехавший повидаться с родственниками конюх Сылвенского завода Родион Жирных. При сватовстве и венчании ей удалось ввести в обман не только жениха, но и священника, который выдал супругам “вечную память” “Подлинно в неведении” насчет прошлого жены Родион продолжал находиться, пока церковные власти не вскрыли обман и не доказали ему, что Марфа “поята им неправильно” По каноническому праву это означало расторжение брака, тем более что первый муж хотел вернуть беглянку. Родион отстаивал свое семейное благополучие до последней возможности, ведь Марфа с “мнимым” мужем “прижила” за 8 лет троих детей: “Екатерину седми, Семена дву лет, да третьяго во утробе” Он заявил, что не только его жена нарушала законы, и назвал следующих лиц: Спиридона Уфаева, механика Татарченкова, молотового подмастерья Никифора Хомякова и фабричного сторожа Егора Вахромеева. Семью Родиона донос не спас, но позволил церкви провести тщательный розыск и осознать масштабы незаконных “посягательств” В результате были обнаружены новые жертвы женского обмана. Так, было установлено, что “первовенечный муж” жены молотового подмастерья Никифора Хомякова Ирины “подлинно находится в живых в г. Кунгуре Вятской епархии” [71].

В XIX в. упорядочение образа жизни горнозаводского населения и строгие меры церкви свели многообразие к единичным случаям. Став известными, они влекли за собой судебное разбирательство и строгое наказание. Особенно сурово, вплоть до запрещения, церковь карала священнослужителей. В начале XIX в. было установлено, что священник Ребрин обвенчал мастерового Аликина “из-за живой жены с другою” По мнению церкви, мотив совершенного преступления отягощал вину ее служителя, ибо священник пошел на это “из-за корыстолюбия за 50 рублей” Ему запретили служить, и разрешения он добивался до 1828 г. [72]. В резуль-

тате большинство священников ...сомнительные браки венчать не осмеливалось” и женихам, а особенно невестам, приходилось идти на обман.

Раскрыть его удавалось благодаря инициативе “первовенечных мужей” Посланный в Оренбургские заводы мастеровой Андриан Пелевин узнал, что оставленная им на прежнем месте жительства жена незаконно “посягнула за второго мужа” Не желая ее терять, в 1809 г. Андриан объявил о происшедшем властям, подчеркнув, что “взять ее по-прежнему в сожительство желает” [73]. В начале 1830-х гг. сбежавшую жену Александру искал крепостной Невьянского завода Трофим Анфалов. Он приказывал ей самой “промышлять хлеб, неоднократно посылал воровать”, а если она не слушалась, бил “бесчеловечно” Когда муж по делам службы отсутствовал, Александра убежала “самовольно из места жительства в Кушвинский завод и в прикрытии того, что беглая, переименовала себя вдовой умершего мастерового Нижнетуринского завода Максима Иванова Настасьей” Ей удалось “вовлечь обманом” во второй брак вдовца Ксенофонта Гилева. Однако мнимая Настасья продолжала бояться своего первого мужа. “Чтоб не попасть к нему в руки” женщина решилась уйти от второго супруга и тут уже не избежала правосудия [74].

Вернуть супруга стремились также из-за установки на единобрачие, ведь церковь разрешала повторный брак только овдовевшим и после тщательной проверки факта смерти их супруга. Солдатки, мужья сбежавших жен, жены, брошенные мужьями, оказывались в двусмысленном положении. На законных основаниях вступить в новый брак они не могли, что толкало их на прелюбодеяние: одних “по молодым летам своим”, других по хозяйственным соображениям. Так, весенней ночью 1820 г. муж Анны Козловой из Нижнесергинского завода встал с постели, оделся и, не сказав ей ни слова, исчез в темноте. Потеряв надежду на возвращение мужа, через некоторое время она сошлась с бывшим квартирантом, предпочитая одиночеству прелюбодейную связь. За три года до случая с супругами Козловыми аналогичная неприятность постигла в том же заводе Мирона Рожкова. Жена, с которой он прожил вместе 20 лет, “по уснутии ево неизвестно куда в ночи и отчево отлучилась” Мирон стал “житьльствовать” со своей соседкой, вдовой Василисой Верхоланцевой, уверяя окружающих, что при этом “никаких законопротивных поступков не производит” [75].

“Правильность лет” т. е. достижение женихом и невестой брачного возраста, если это были его прихожане, священник проверял по метрическим книгам. Ведение метрических книг было постоянным предметом законотворческой деятельности синода и консистории. Уральские губернии в этом случае не были исключением. Священники, по словам Х. Мозеля, отлично знали, что записи о рождении и крещении в первую очередь понадобятся им для “удостоверения в летах жениха и невесты” [76], и все же

небрежность ведения метрических книг создавала много спорных вопросов. Так, в Ревдинском заводе в 1837 г. родители Карпа Шевелева и Ивана Козырина утверждали, что их сыновья родились в 1818 г. и, следовательно, на начало 1837 г. уже достигли брачного возраста. В метриках записи о рождении их детей были датированы 1819 г. Причина этого казуса, по словам родителей, заключалась в том, что дьякон “в настоящее время после крещения новокрещенных в церковные книги не записал” и только “по прошествию нескольких месяцев спрашивал о воспитанниках для внесения в метрические книги” Пожелавший вступить в брак уроженец того же завода Трофим Кабальнов вообще не был найден в метриках. В этой ситуации священник Дмитрий Флоровский в дополнение к “билетам” выданным конторой, взял письменные удостоверения с отцов и “восприемников” и “уведомился” что все трое упомянутых жениха имеют от роду 18 лет [77].

Если в судебном порядке признавалось, что обвенчанные не достигли “законного” возраста, их брак мог быть расторгнут. Чтобы не допустить этого, супруги давали подписку о том, что “после вступления в законный брак проживали в совершенном согласии и желали до конца жизни пребыть в брачном союзе” [78].

Чтобы убедиться, что вступающие в брак не находятся в близком родстве, священники должны были “учинить справки о рождении и браках всех лиц, через которых новобрачные находятся” в родстве (через общего предка) или свойстве (породнившись через брак). Степени кровного родства считались по “юродности” В свойстве счет шел на число браков. Породнившиеся через один брак состояли в родстве двухродном, через два — в трехродном. Сочетание приемов счисления родства и свойства в некоторых случаях крайне затрудняло выяснение данного вопроса. Безусловно запрещалось венчать кровных родственников вплоть до четвертого колена, при свойстве двухкровном — до третьей, при трехкровном — при первой степени [79].

По народным воззрениям близкое родство также являлось существенным препятствием к браку. Жившие в Пышминском заводе Марфа Кузьмина и Семен Устюжанин не рассчитывали вступить в брак, поскольку приходились друг другу свойственниками в четвертой степени родства [80]. Однако масса дел о кровосмешении и близких степенях родства, разбираемых со второй половины XIX в. в судах свидетельствуют, что население стало менее строго относиться к запретам на вступление в брак родственников, особенно дальних.

Родство духовное, обретенное через восприимчивость при крещении, продолжало оставаться серьезным препятствием к браку. Запреты соблюдались как кумовьями, так и их духовными детьми. В 1753 г. крестьянин

Верхнесергинского завода Федот Сазонов “в пьяном виде” признался, что его и жену “при крещении от святой купели един восприемник принимал” но до вступления в брак они этого “не ведали” а узнали уже позже. Окружающие сочли это достаточно веским поводом для доноса, а церковные власти — для разбирательства” [81].

Кроме того, желающие сочетаться таинством брака обязаны выполнить последнее предписание церкви и подготовить себя к принятию его “благодати” постом и покаянием. Жених и невеста говели, а в день венчания вместе причащались. В реестре бывших у исповеди и святого причастия Входоиерусалимской церкви Нижнетагильского завода за 1773 г. читаем: “Черноисточинского завода Григорий Гришанов с невестой перед браком исповедались” и далее: “Висимоуткинского завода Федор Матвеев Котов с невестой Евдокией перед браком исповедались” [82].

Проведение “изысканий” усложнялось, если один или оба брачующихся были из чужого прихода. Сомнения разрешались так называемыми “сведениями” Когда Ананий Чернобровин решил венчаться в приходской церкви своей невесты, священнослужители Преображенской церкви Невьянского завода, где он жил, сообщили своим коллегам из Входоиерусалимской церкви Нижнетагильского завода, чьей прихожанкой была его невеста, что “прихода нашей церкви крепостной крестьянин Ананий Яковлев Чернобровин, желающий вступить в первый законный брак с девицей Парасковьей Агаповой Осиповой, от роду имеет девятнадцать лет, у Исповеди и Св. причастия был марта 17 1851 г. по троекратному оглашению, сделанному в нашей церкви, родства между Чернобровиным и Осиповой никем не объявлено” [83].

Иногда последнее препятствие к браку молодые люди встречали в лице самих священнослужителей. По этому поводу прихожане не раз жаловались церковным властям. В XVIII в. жители Северского завода обвиняли своего священника в мздоимстве и волоките: “Буде у кого случалось обвенчать свадьбу, то он усиленно брал сверх обязательной нашей подписки излишние денги, а без того оные требы не исправляя и всех волочил нас подолгу и напрасно и тем причинил немалые обиды. Вот с конюха за венчание сына его взял 60 коп. да сверх того у церкви со свадьбою стояли полдни” [84]. Подобные “несносности” по отношению к пастве, как следует из жалобы митрополиту от 1763 г., позволял себе священник Шайтанского завода. Меньше чем за 50 копеек он не венчал, “так что многие желающие к бракосочетанию не венчаны из церкви вон выходили” что, по мнению конторы, было крайне “опасно” ибо молодые люди могли впасть “в блуд и беззаконие” [85].

О совершении венчания делалась запись в обыскной книге церкви (см. приложение 8), и до 1765 г. на руки новобрачным выдавался документ

под названием “вечная память” При отсутствии церквей в заводах на начальном периоде существования их жителям не всегда удавалось получить ее вовремя. Подмастерье Сылвенского завода Михайло Татарченков, венчавшийся в 1742 г., не взял памяти из Невьянского заказа, так как не мог отлучиться с работы, а просил “взять память священника и в том священник его обнадежил” Жителю того же завода Никифору Хомякову не удалось взять память также “за отдалением” Торговского острога, где он венчался, от Кунгурского заказа, в ведении которого находился острог [86].

1.4. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ И СВАТОВСТВО

В зависимости от соблюдения церковных и народных обрядов заключение браков горнозаводского населения Урала XVIII—XIX вв. делилось на три категории: свадьба “добром”, когда совершались венчание и весь комплекс свадебных обрядов, свадьба “убегом” когда ограничивались только венчанием, и сводный брак, все церемонии которого проходили без участия церкви. От первой половины XIX в. до нас дошло несколько описаний свадебных обрядов горнозаводского населения [87].

Инициатива сватовства исходила от семьи жениха. В Ирбитском заводе сватать ехала крестная мать жениха, в Дедюхинском — она же или мать, замужняя сестра и другие родственники, в Богословском — отец и даже не родственники (сватовщики и сватовщицы), в Суксунском — родители или крестные родители. Поскольку, как и в крестьянской традиции, “высватать невесту” в среде горнозаводского населения было длительным и не простым делом, то сохранялась вера в приметы, обеспечивающие успех задуманного. Смотрели, кто идет навстречу, стучали пятками о порог, старались не плотно прикрывать двери. Если предполагаемая невеста попадалась им на пути, подходили к ней, трепали по плечу, приговаривая: “Будь наша невестушка” Во время сватовства решали материальные вопросы: родителям невесты могло назначаться “денежное пособие с харчевыми припасами” (в 1848 г. оно состояло из 6—9 рублей серебром, двух пудов пшеничной муки, полпуда или пуда говядины, платья либо шали). В качестве приданого невеста получала вполне традиционные предметы: “постель” белье, одежду [88].

Предсвадебный цикл обрядов включал в себя сговор, смотрины, рукобיתье, просватание, обручение, подготовку приданого, девишник, вечера, посиденок. Центральное место среди них занимала публичная встреча желающих породниться семей и их родственников. Называться она могла по-разному: в Ирбитском и Богословских заводах — просватанием, в Пожевском — обручением, в Невьянском — большим обручением, в Суксун-

ском — рукобительем и пропиваньем. В Дедюхинском заводе встреча разделялась на две церемонии: сговор-рукобителье и обручение. Проводили ее в доме невесты. Сохранялись обычаи перед отправлением туда жениха благословить и снабдить его оберегами.

Церемония могла вмещать в себя смотрины (благословения невесты и вывод ее из кути), рукобителье, обручение (с участием священника), “круговую попойку”: взаимное угощение и одаривание, “вытье” невесты и “припевание” гостей девушками. Строго придерживались обычая садить за стол жениха и невесту на ковре или войлоке и давать им на двоих одну вилку. При обручении гости под предлогом горечи предлагаемого им вина отказывались его пить и жених с невестой вынуждены были целоваться.

До свадьбы невеста с подружками должна была готовить себе приданое. При этом сохранялся обычай причитать (Суксунский, Пожевской заводы), ежевечерне происходили свидания жениха с невестой (Суксунский, Дедюхинский) или “забавы” девушек с парнями (Суксунский, Ирбитский). В заводских селениях Соликамского, Пермского, Оханского уездов в предсвадебный период невеста объезжала своих родственников, которые угощали ее пельменями. В Суксунском заводе накануне свадьбы мать жениха посещала невесту.

В канун свадьбы устраивали девичник. Либо с соблюдением традиций (Пожевской, Дедюхинский заводы) — “прощание с дивьей красотой”, обрядовая баня (в нем участвовали только женщины, которые расплетали го-лосящей невесте косу), либо девичник представлял из себя (в Невьянском, Ирбитском заводах) праздничную вечерку (со свободным входом для всех желающих и угощением от жениха). В Суксунском заводе в последний день перед свадьбой устраивали также баню и “пир, называемый обручением” который был аналогичен пропиванью с рукобительем. “Отданье дивьей красоты” там происходило утром в день свадьбы.

По традиции свадебный поезд собирался у жениха и ехал за невестой, состав поезжан мог варьироваться. В Ирбитском заводе его обязательными фигурами были тысяцкий и дружки, в Невьянском у жениха и невесты были два дружки, тысяцкой, две или более свахи, в Березовском и Кушвинском заводах — тысяцкий и сваха [89]. В Дедюхинском в его состав со стороны жениха входили тысяцкой, большой и меньшей бояре, дружки, поддружья, сваха. Ими становились ближайшая родня жениха и его духовные родители. В Пожевском и Суксунском заводах жених приглашал к себе в поезд тысяцкого (крестный отец), бояр и дружек (братья или дяди), а также сваху (крестная мать или сестры жениха, а также жены его братьев или крестного отца). Далее возможны три варианта развертывания обряда: поезжане вместе с женихом сразу отправлялись за невестой (Богословские, Пожевской), предварительно невесту навещали

дружки, затем к ней ехал весь поезд (Дедюхинский), свадебный поезд разделялся: жених с тысяцким направлялись в церковь, дружки — за невестой (Ирбитский). Перед отъездом обязательно выполнялся обряд благословения жениха. От горнозаводского населения дошло гораздо меньше, чем от сельских жителей Урала, обрядов в доме невесты перед отправлением к венчанию и оберегающих свадебный путь. Невесту выводили из куты и благославляли. Во время пребывания у жениха и невесты поезжане закусывали, а новобрачные соблюдали запрет на принятие пищи. Дом невесты продолжал фигурировать в свадебном обряде. После “возложения венцов” дружки (Богословские, Дедюхинский заводы) покидали церковь и отправлялись с сообщением об этом к родителям невесты. Либо новобрачные сначала заезжали к родителям молодой (Ирбитский), где происходила церемония “дарения” — дружки за гривну, пряник и т.п. выкупали у брата невесты места для молодой супружеской пары.

При въезде в дом жениха следовало помолиться (Ирбитский завод), его родители иконами, хлебом, солью встречали и благославляли молодых. Большая важность придавалась обряду окручивания молодой — изменения ее прически и головного убора, которые свидетельствовали о том, что она стала “мужней женой”. Далее были возможны два варианта развития событий: первый — увод молодых на “подклет” и свадебный “пир” происходили параллельно, и следовательно, молодые на нем не присутствовали; второй — между ними делали паузу, и к началу пира молодых поднимали с постели (Богословские, Дедюхинский заводы). В Суксунском заводе его даже переносили на второй день свадьбы. При проведении “большого стола” угощение устраивалось “преизобильно, сколько кто может приготовить” и присутствующие до утра “приусердно” его потребляли.

Священник Югоснауфского завода Василий Протопопов, отвечая в 1849 г. на анкету РГО, сообщал, что “свадебных причуд немного, потому, всего вероятнее, что некогда забавляться: народ постоянно в работе” [90]. Если проведением одного свадебного вечера не ограничивались, во второй день полагалось топить баню, ездить на поклон к родителям молодой, кататься на лошадях, устраивать “шалости”: “пачкаются сажей, бабы наряжаются в шубы навыворот, с горбом из сена, надевают широкие штаны, набивая под их сено. Бросают кого-либо в снег и загребают, набивают снег бабам за пазуху и куда попало”. В тот же день проводили “пирожный” (Дедюхинский завод) или “блинный” (Богословские заводы) “стол”, а в Суксунском — два стола сразу: в обед — “большой” “по вечеру” — “пирожный”. На третий и четвертый день гостей принимали у себя тысяцкой и дружка или они покупали вино вскладчину. Угощение в третий день носило весьма символическое название — “похмельный стол”.

В Суксунском заводе “все свадебные череды” завершались “хлебными или пирушкой родственников той и другой стороны в доме тестя”

Чадородие, о котором молил священник во время венчания и на которое намекали веселые гости (в пожеланиях типа “Ложитесь вдвоем, а вставайте троим”), начинало осуществляться с первой брачной ночи. На это однозначно указывает расчет статистикой населения времени зачатия рожденных младенцев. Чаще всего сведения подобного рода относятся уже к пореформенному времени. В Ижевском заводе в 1860-е и 1870-е гг., по наблюдениям доктора И. Андржеевского, максимумы зачатий четко увязывались с периодами свадеб: “Наибольший максимум... (в январе) соответствует наибольшему числу брачных союзов... самый меньший, октябрьский... объясняется значительным числом браков в этом месяце” Максимум зачатий в последнее десятилетие XIX в. у жителей Камбарского завода также приходился на месяцы свадеб — февраль и октябрь [91].

Неспособность молодого мужа к интимным отношениям объясняли его “слабым естеством” По наблюдениям М.И. Мизерова и Н.Л. Скалозубова, в конце XIX в. с новобрачными Красноуфимского уезда эта “болезнь” случалась часто. Причину ее искали “в воздействии” на больного злых, недоброжелательных людей, которые “сделали” “подшутили” “надсмеялись” [92]. Соответственно этому выбирали способы предупреждения и лечения импотенции — “всевозможными наговорами и отговорами” В Верхнетуринском заводе от подобных “чародействий колдунов” жениха ограждали заранее, обвязав его ногу корой волчьего лыка. Знахари Дедюхинского завода объясняли мужское бессилие тем, что жених выпил из поданного через порог ковшика и в качестве лечебного средства предлагали “постоянно мочиться на пол или столб” [93].

Колдовство в первую брачную ночь могло быть направлено не только против мужчины. В Дедюхинском заводе верили, что “колдуны скрадывают у новобрачной причинное место и молодой, сколько ни бьется, не может удовлетворить своего желания” Естественные причины неудачи заводское население полностью игнорировало. Как писал доктор Д. Петухов, “станешь уверять, что детородицы не находят новобрачный либо по неопытности, либо по излишней торопливости, согласятся, но останутся в двояком убеждении” [94].

Невеста до брачной ночи должна была сохранять целомудрие, лишить которого, по народным воззрениям, ее имел право только муж. В крепостную эпоху сластолюбивые помещики не гнушались правом первой ночи и случалось, что новобрачная “делила ложе” прежде всего с ними [95]. Но чаще потеря девственности была результатом распространенных по заводам Урала добрачных связей молодежи, или, как тогда говорили, “разврата” Среди заводского населения представления о том, что “отыскать че-

стную девуку можно с трудом” уживались с выполнением обрядов и предписаний, свидетельствующих о целомудрии невесты. Общепринятым было демонстрировать ее рубаху. Отблагодарить тестя и тещу за честную дочь молодой муж мог или кланяясь им в ноги, или разбивая поднесенную ими рюмку вина, или вырезая сердцевину из праздничного пирога. Такое поведение было в глазах окружающих неоспоримым свидетельством девственности молодой; напротив, если он резал пирог как попало, то конфузил тем жену и ее родителей, а в Богословских заводах “подгулявшие гости” начинали им делать “насмешки” В Дедюхинском заводе свидетельство жениха о сохранении его невестой целомудрия также приобретало форму ритуала. На второй день свадьбы, угощая зятя вином, невестина родня спрашивала: “Здорово ночевали?” Если все было в порядке, то жених отвечал: “Баско!” После этого ему подавали блины, закрытые двумя тарелками, которые нужно было ловко открыть и угостить ими тестя и тещу [96].

Каким образом “неблагополучным” невестам удавалось найти выход из щекотливого положения, покажем на примере Марфы и Андрея Кочневых, справлявших свадьбу в 1820-е гг. в Каслинском заводе. В брачную ночь Андрей обнаружил, что Марфа “была не девственна” Когда она попросила его помочь “скрыть ее стыд”, он в обход свадебных обычаев предложил ей следующее: “Пойдем в баню, снимем рубахи, намочим в воде, и тем скроется” Она не согласилась, “взяла нож, скинула с себя рубаху и тем ножом ткнула мизинец правой ноги с намерением добыть крови, из которого шедшей кровью замарала тою рубаху, надела на себя” Утром Марфа отдала ее свахе, чем, по словам ее мужа, “и скрыла потерянное ею прежде девство” [97].

Марфа воспользовалась наиболее безопасным способом, а в Дедюхинском заводе, по слухам, в первой половине XIX в. “знахарки молоденьких девушек, лишившихся невинности, подучают в день свадьбы накалывать наружные части детородицы булавками, надрезать ножиком и натирать квасцами” [98].

1.5. “БЕГЛЫЕ СВАДЬБЫ” И СВОДНЫЙ БРАК

“Беглые свадьбы”, состоявшие из одного венчания, могли быть истинными и мнимыми. В первом случае несогласие на брак родителей невесты и, как уже говорилось, препятствия к нему со стороны заводовладельцев толкали девок на совершение побега, который готовила родня жениха. Не исключено, что, если задержка была только за конторой, побегу могла способствовать семья девушки. В Нижнетагильском заводе таким образом особенно часто заключались браки между православными и старообрядцами [99]. Причиной мнимого побега было желание избежать расходов на

свадьбу, поэтому происходил он с тайного согласия родителей невесты и, по свидетельству А.И. Лазарева, получил в заводах Урала также большое распространение [100].

Сводный брак старообрядцев оказал на брачность горнозаводского населения Урала большое влияние. Священник Быньговского завода видел его в том, что “разврат, поддерживаемый сводными и разводными браками раскольников, глубоко проникает в семейную жизнь православных” [101]. История раскольниковых сводов показывает, конечно, не столько падение нравов, сколько осмысление народом самого понятия брачности и всего с ним связанного. В старообрядческом чине венчания, по замечанию Т.Г. Диченко, синтез элементов церковного венчания и народной свадьбы очень интересен. Большое значение в нем придавалось обряду плетения косы невесте. По одним данным, им заканчивали венчания, по другим — его совершали во время венчания. Невесту отводили в каморку, заплетали ей две косы, надевали женский головной убор — сороку, после чего венчание возобновлялось [102].

Общеизвестно, что до введения венчания обряд “чесания голов” собственно и означал собой заключение брака. У православных он сохранился, но происходил после венчания, во время свадебного пира. Введение его в церковную церемонию несомненно свидетельствует о сильном народном влиянии. Другим таким свидетельством являлось участие поезжан — свахи, дружки — в самом венчании [103]. Церковь при совершении этого таинства обходилась без привлечения мирян.

В появлении сводного брака синтез элементов церковного венчания и народного свадебного обряда сыграл решающее значение. Возникновение сводов было вызвано насущной необходимостью и спровоцировано действиями самой официальной церкви, которая лишила старообрядцев их священников, полагая, что для отправления необходимых каждому христианину обрядов они будут вынуждены обратиться к ней. На первых порах это дало результаты — ради вступления в брак некоторые раскольники присоединились к церкви. Но большинство стойко “терпело великую нужду по своему быту”. Заставили своих родителей перейти от пассивного неприятия таинств официальной церкви к активному обрядотворчеству “холостые обоюбого пола дети, дошедшие многие уже до 30 лет”. Переступить через привычное понятие таинства венчания, которое должен совершать только священник, поначалу было не просто. Когда раскольник Черепанов одним своим благословением свел жить вместе сына Евфтифия и девку Екатерину, многие думали, что это только приготовление к законному венчанию. Старообрядцы сомневались, что можно совершать браки без священника, через одни взаимные брачующихся и их родителей согласия, с благословением иконами, при посторонних свидетельствах и письменном

условии. Но многолетний дефицит подходящего свадебного обряда сделал свое дело. В январе 1835 г. в Невьянском и Быньговском заводах в течение одной недели было совершено восемь сводных браков. Официальная церковь и власти встревожились. Сводные браки были признаны незаконными и приравнены к “прелюбодейному сопряжению”, а все принимавшие в них участие взяты под арест, причем перед женихами и невестами поставили условие, если они не согласятся обвенчаться в церкви, их брак будет расторгнут [104].

Несмотря на это, своды нашли многих подражателей и быстро вошли в обычай. В Нижнетагильский завод “дурное семя сводных супружеств, сопрягаемых старейшинами” было занесено курганскими торговцами-раскольниками в конце 1838 г. Уже в 1839 г. своды начал составлять раскольник Троицкого общества Федот Ушаков, одновременно с ним взялись за дело раскольники Черноисточинского завода. Лидерство в распространении сводных браков сохраняли Невьянский и Быньговский заводы. Только за январь здесь было сведено 20 пар. В ноябре того же года практика сводов дошла до Ревдинского завода. Его житель Алексей Казанцев свел своего сына Ивана с девкой Советовой “на совместное житье” [105].

Церемония сводного брака совершалась следующим образом: в доме невесты по прочтении канонов Христу, Божьей Матери и разным святым родители в присутствии свидетелей благословляли молодых иконами и хлебом. То же повторялось в доме жениха. Потом подписывалось условие, называемое “Благопопечение родительское о детях” форма которого в районе Быньговского завода хранилась у крестьянина Ивана Рогаткина, к нему и обращались все желающие. С некоторыми сокращениями приведем текст этого интересного документа: “...по общему обеих сторон согласию родителей Юды Лукоянова и матери Варвары Васильевой Даниловых и воспитательницы бабушки Акулины Петровой и отца крестного Якимя Горбунова детей своих Николу и Марфу благословляем вступить в законный брак дети наши Никола и Марфа, и по собственному своему согласию и любви в законный брак вступили, о которых мы свидетельствуем и утверждаем: 1) что они оба старообрядцы и веру православную исповедуют... 2) между ними плотского и крестного духовного родства и крестного братства не имеется, 3) что они в целом уме и не безумные, 4) лета имеют правильные, 5) к бракосочетанию между собой согласие честное, по состоянию тайны сея вольное и непринужденное, 6) со исполнением родительских благословений жених и невеста первым браком. И притом завещаем вам: будьте в вере Христианской непоколебимы, закон Божий во всем храните, родителей чтите, друг друга любите как истинные христиане, за каковое воли нашей родительской власти исполнение воздаст вам всемогущий Господь Бог без-

смертное спасение души и тела, и да будет на вас Божие благословение и наше родительское отныне и до века” [106].

Если заводской приказчик исповедовал православие, сводный брак старались заключить тайно, ибо меры, принимаемые к сведенным светскими и духовными властями, могли быть очень жесткими. Их забирали в полицию и наказывали розгами, могли отправить для увещевания к священнику или миссионеру, а иногда даже развести. В Невьянске молодых людей, вступивших в сводный брак, на неопределенное время сажали в знаменитую башню. Корреспондент РГО в 1848 г. сообщал, что в Богословские заводы “посылаются на жительство с других заводов беглопоповской церкви раскольники за сводные браки” [107].

Естественным путем до этих северных районов края сводный брак дошел гораздо раньше. По сведениям конторы Баранчинского завода, в феврале 1838 г. его совершили Мирон Мурашев с девкой Елизаветой, в апреле того же года — Иван Волков с девкой Марфой и Петр Смирных с девкой Аксиньей. В январе следующего года свершились три подобных брака, один — в апреле и еще один — в октябре. В январе 1840 г. были сведены Павел Мурашев и девка Ксения. И это далеко не полная статистика. Первой мерой властей была изоляция “сводителей браков”: мастеровые Егор Лисин, Аксен Смирных и Константин Перфильев в 1842 г. были “отосланы за кавказский край” [108]. Затем начальство приступило к “узаконению” отношений “сведенных” супругов. Существовавшая к тому времени процедура требовала получения (отдельно от мужа и жены) подписки, “...о том, желают ли они незаконно сведенные браки освятить венчанием в православной Церкви” К мужчинам администрация относилась как к лицам, находящимся у нее на службе: “Вследствие донесения Баранчинской заводской конторы о неосвящении беззаконного брака в православной церкви Филипом Лисиным с девкой Родионовой, Кушвинская контора предписывает на место Лисина избрать в конные работники другого, а Лисина употребить для удобнейшего присмотра за ним в работы как мастерового” [109]. Если раскольник “по закоренелости своей” и дальше отказывался от венчания, его вместе с “незаконной” семьей отсылали на Богословские заводы. Такая участь, по сведениям Баранчинской конторы, постигла Лаврентия Семенова с женой Аксиньей, Тимофея Масленникова с женой Варварой, Савы Слободчикова с женой Агрофеной [110]. После подобных карательных мер мужчины, как правило, “сдавались” первыми, женщины, по отношению к которым у администрации заводов не было столь сильных мер, держались гораздо дольше. Поначалу они выдвигали аргументы “морального” плана. Татьяна Смирных, например, написала: “Даю сию подписку... что со сведенным со мною в незаконный брак конным работником Леонтием Перфильевым... свенчаться в

Православной церкви несогласна, по неблагословению меня на то родителей” [111]. Если женщины, “почитая сводный брак законным” вообще не давали требуемых властями подписок, их, как “незаконно сведенную” с Тимофеем Масленниковым “девку” Варвару Слободчикову, могли “препроводить” к местному священнику “для увещания” Следующей мерой была отправка в богадельню. Так поступили с незаконной женой Перфильева Татьяной Смирновой. А жену уже упомянутого Филипа Лисина посадили в Кушвинский тюремный замок. Столкнувшись с упорным сопротивлением женщин, полицмейстер Кушвинского завода предложил считать сводных супругов людьми неженатыми, каковыми для официальной церкви они и являлись. Ввиду этого разлучить их — “немедленно водворить сводных девок в те семейства, в которых вступали они в сводный брак”

В конце концов меры властей стали приносить результаты. Дав расписку, раскольники получали от конторы свидетельство на венчание (приложение 9), с которым “узаконить брак” чаще всего отправлялись в Нижнетагильскую Никольскую единоверческую церковь (своя в Кушвинском заводе была построена позднее). Священник этой церкви Дмитрий Козельских сообщал, что 26 января 1844 г. узаконил два брака, а в марте того же года уже девять супружеств и, в свою очередь, для передачи конторе вручил обвенчанным свидетельства (приложение 10). По сводке, составленной на основании этих документов Баранчинской конторой, только в январе 1844 г. было обвенчано девять пар. Из сводки следует, что в целом раскольники прожили в “беззаконном браке” от четырех до шести лет. Сведения конторы, содержащие число разводов среди “сведенных” супругов, свидетельствуют об издержках этого вида брачных отношений. По ее данным, за это время “разошлись и не живут вместе” Ларион Епимахов с “девкой” Анной, Осип Токарев с “девкой” Феклой, Феопент Слободчиков с “девкой” Ириной, Дементий Денисов с “девкой” Марфой [112].

После отмены крепостного права официальная церковь в деле искоренения сводных браков лишилась столь важной для нее поддержки заводских приказчиков. Раскольники стали совершать своды беспрепятственно, причем название это перешло и на браки православных с раскольниками. Первая из православных, принявшая в 1864 г. сводный брак, сообщал священник Быньговской церкви, была вдова Настасья Доронина. Она свела с раскольником свою дочь Наталью. Ее примеру, по словам священника, последовали многие. Так, в 1866 г. дочь одной вдовы, “православная по происхождению и воспитанию” вышла сводом в д. Нижние Таволги за раскольника, несмотря на то, что ей были сделаны “самые тщательные увещания” [113].

* * *

Считается, что до демографического перехода регуляция демографических параметров, прежде всего рождаемости, осуществлялась через брачность. Поэтому вступление в брак являлось не личным делом индивида, а было поставлено под жесткий социальный контроль. Для обеспечения высокой рождаемости нужна была ранняя и “поголовная” брачность. После перехода социальный контроль ослаб и матримониальное поведение людей стало более избирательным [114]. Таким образом, суть демографического перехода в брачности — это потеря обществом контроля над ней.

В условиях горнозаводского Урала XVIII—XIX вв. вступление в брак воспринималось как важнейшее событие в жизни человека. Аналогичное значение придавали ему установки обычного права, церковных и светских властей. Чаще всего их реакция принимала форму ограничений. Церковно-каноническое право, например, выдвигало перед брачующимися ряд условий, которые так и назывались — “препятствия”. В некоторых случаях, например, по вопросу о времени вступления в брак, обычай выставлял более жесткие требования, чем церковь. Относительно позиции властей следует согласиться с мнением М. К. Цатуровой, которая писала, что вплоть до XVIII в. “...законодатель не стремился облегчить заключение брака. Не было сделано ни одной попытки отменить какое-либо условие или смягчить его действие. Тенденция была иной: вводились новые ограничения” [115]. В 1765 г. все-таки был отменен венечный сбор и, следовательно, венечная память. В остальном наблюдения М. К. Цатуровой можно отнести на более позднее время, вплоть до конца XIX в.

Прежде всего внимание уделяли формированию представлений об ограниченном круге брачных партнеров. Запреты вступали в силу при девиантном поведении. Общепринятые нормы направляли брачный выбор молодежи. Затем семья, общество, светские и церковные власти либо санкционировали его (при совпадении с их ожиданиями), либо навязывали индивиду свою волю (если он обрекал себя на безбрачие или нарушал условности). В силу этого брак горнозаводского населения Урала нельзя было назвать личным делом двух молодых людей.

Прерогативы обычая и властей в течение XVIII—XIX вв. не оставались неизменными. В XVIII в., особенно на этапе формирования населения заводских поселков, конторы в полной мере использовали свои права (принуждение к вступлению в брак, активное противостояние “беглым свадьбам”), сводя церковный причт к простым исполнителям. Затем разрешение на брак превратилось в простую формальность. А роль заводских властей была сведена к оказанию помощи священникам в спорных случа-

ях. После 1861 г. вопросы брака выпали из компетенции заводской администрации и полностью сосредоточились в руках церкви.

Обрядовое оформление бракосочетания, прежде всего обычаи сватовства — как соглашения двух семей на брак их членов, и публичность свадьбы имели место на протяжении всего изучаемого времени. Следует лишь отметить, что при отказе населения некоторых заводов от “плачей” свадьба стала превращаться в увеселительное мероприятие, праздник по поводу бракосочетания.

Регламентация брачности различными инстанциями не только ужесточила контроль, но предоставила горнозаводскому населению возможность маневрировать между ними. Старообрядцы отдавали предпочтение союзам, не освященным церковью. Решаясь на беглый брак, люди, напротив, венчание в церкви считали более важным, чем согласие родителей или владельца, а также соблюдение свадебных обрядов. Брак убегом и сводный брак появились не на горнозаводском Урале, но получили здесь широкое распространение прежде всего потому, что отсутствие либерализма в условиях заключения обычного брака вело к тому, что рост числа брачных союзов не поощрялся. Оставаясь за бортом общепринятого брака, население искало пути выхода. В результате массовое сознание считало господствующей нормой венчание в церкви с соблюдением народных обычаев. Однако, не выводя убог и свод за грани приемлемого и допустимого, оно проявляло к ним относительную терпимость. А на практике эти отклонения от нормы явным образом конкурировали с обычным браком.

Аналогичным образом горнозаводское население относилось к добрачным сексуальным связям, приводящим к временному сожителству. При распространенности “разврата” в заводских поселках “прелюбодейных” связей не стыдились не только юноши, но и девушки. Тем более, что прижитые дети не препятствовали официальному замужеству.

Таким образом, горнозаводской Урал в XVIII в., и особенно к концу XIX в., мало напоминал общество “поголовной” брачности при абсолютном господстве единственно законной формы брака. Ситуация в промышленных районах края во многом напоминала современную. В XIX в. происходило падение брачности, в 1880-е гг. вне брака находилась значительная доля бракоспособного населения. Ослабевали ограничения на внебрачные сексуальные связи, возникло расхождение между юридическим и фактическим браком. Существование подобных явлений свидетельствует о вариативности матримониального поведения. Следовательно, ослабление общественного контроля над брачностью в условиях горнозаводского Урала происходило парадоксальным образом — через его ужесточение.

Возрастные параметры брачности горнозаводского населения удивительно напоминают выделенный Дж. Хаджналом неевропейский тип брач-

ности, получивший, по его мнению, распространение к востоку от линии Санкт-Петербург — Триест: ранний брак для обоих полов, в котором муж на 2—3 года старше жены [116]. Однако это не свидетельствовало о приращенности традициям, а было связано с условиями выдачи льготного провианта. При смене обстоятельств брачный возраст, особенно у мужчин, изменился довольно быстро. Более традиционными элементами брачности следует признать свадебные обряды, начиная с сезонности их совершения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М., 1983. С. 297.
2. РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 382. Л. 57, 58 об.
3. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 32 об.
4. Там же. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 6—7.
5. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 640. Л. 11.
6. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476. Л. 38.
7. Там же. Ф. 602. Оп. 1. Д. 49. Л. 3.
8. Петухов Д. Горный город Дедюхин и окольные местности. СПб., 1864. С. 142.
- 8а. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы).
- 8б. По данным: Андриеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 44.
9. ГАСО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.
10. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 23 об.
11. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 117, 142.
12. Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба, Пермская губерния. Ч. 2, СПб, 1864. С. 533.
13. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 116, 142.
14. ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 312. Л. 14.
15. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 117.
16. Андриеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 43—44.
17. Там же. С. 43.
18. Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901. С. 39.
19. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 74.
20. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 148.
21. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 74.
22. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1725. Л. 12 об.
23. ПГВ. 1883, № 53. С. 278.
24. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 859. Л. 13.
25. Бирюков В. П. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск, 1953. С. 39.
26. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1500. Л. 19.
27. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 2. С. 533.
28. Архангельский И. И. Этнографические очерки горнозаводского населения Урала. Отдельный оттиск из ПГВ, 1890. С. 11.
29. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 55. Л. 614.

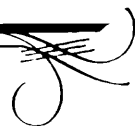
30. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 969. Л. 3.
31. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 394.
32. Там же. Д. 476. Л. 38.
33. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1655.
34. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 117.
35. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1616. Л. 7.
36. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972. С. 204.
37. Архангельский И. И. Этнографические очерки... С. 10.
38. Были горы Высокой. Рассказы рабочих Высокогорского рудника о старой и новой жизни. Свердловск, 1960. С. 68.
39. Бирюков В. П. Урал в его живом слове... С. 56.
40. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1616. Л. 7.
41. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1914. Т. V С. 182.
42. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2004. Л. 38.
43. Там же. Д. 969. Л. 3.
44. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 394. Л. 1 об.
45. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1655. Л. 32 об.
46. Там же. Д. 1658. Л. 14 об.
47. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 116.
48. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1381.
49. Там же. Ф. 72. Оп. 2. Д. 55. Л. 614.
50. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011.
51. Томас В., Знанецкий Ф. Крестьянская семья: Польша начала столетия // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 42.
52. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 2. С. 549.
53. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 144.
54. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 102. Л. 1,4 об.—5,8 об.—11,12 об., 16 об.—17.
55. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 858.
56. Там же. Д. 1486.
57. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 143—144.
58. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1486. Л. 17.
59. Там же. Д. 858. Л. 5.
60. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 969. Л. 3.
61. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 206.
62. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 199. Л. 65—66.
63. Там же. Л. 67; Д. 192. Л. 167.
64. Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала. Вып. 2. Народная проза. Свердловск, 1976. С. 19.
65. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 54.
66. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 206.
67. Там же.
68. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476. Л. 8.
69. Краткий исторический очерк Быньговского храма и прихода // ЕЕВ. 1897. № 1. С. 14.
70. ГАСО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 54. Л. 11.
71. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396.

72. Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1894. № 14. С. 351—352.
73. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 299.
74. Там же. Д. 1068.
75. Там же. Д. 1973.
76. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 1. С. 299.
77. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476.
78. Там же. Л. 29.
79. Настольная книга священнослужителя... С. 299.
80. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1655. Л. 32 об., 38.
81. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 399.
82. Там же. Ф. 602. Оп. 1. Д. 2 (листы не нумерованы).
83. Там же. Д. 28 (листы не нумерованы).
84. Материалы для истории... ЕЕВ. 1894. № 13. С. 333.
85. Там же. ЕЕВ. 1893. № 19. С. 784.
86. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 31 об.—32, 32 об.—33.
87. Даль В. И. Свадебные обряды в горных заводах (Урала) // Литературное наследство. Т. 79. Материалы из архива П. В. Киреевского. М., 1968. С. 450—504 (Суксунский завод, 1830-е гг.); АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 3—4; Д. 22. Л. 2 об.—4 (Богословские, 1848—1849); ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 29—30 (Невьянский округ, 1855); Калмыков А. Описание свадебных обрядов жителей Соликамского уезда, Пожевского завода с окрестностями // ПГВ. 1862. № 2. С. 24—27; Удинцев И. Ирбитский завод. С. 399 (1862); Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 142—185 (1864).
88. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... С. 533.
89. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 635. Л. 12, 39 об. 42 об.
90. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
91. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере. С. 47; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод... С. 29.
92. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине в Красноуфимском уезде // Пермский край. Пермь, 1893. Т. 2. С. 250.
93. Там же; Крылов П. О народных лекарственных растениях, употребляемых в Пермской губернии // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1876. Т. 5. Вып. 2. С. 35; Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 187, 190.
94. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 187—188.
95. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 206.
96. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 4; Крупянская В. Ю. Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 80; Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 183.
97. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 640. Л. 11.
98. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 197.
99. Там же. С. 75.
100. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 82.
101. Краткий исторический очерк... // ЕЕВ. 1897. № 1. С. 14.
102. Диченко Т. Г. Чин венчания в уральской певческой традиции (по материалам певческих книг XIX—XX вв.) // Уральские археографические чтения. Свердловск, 1989. С. 45—46; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 79.
103. Там же.

104. Краткий исторический очерк... // ЕЕВ. 1897. № 5. С. 134—137; № 6. С. 170; № 15. С. 414.
105. Там же. № 6. С. 171—174, № 17. С. 467.
106. Там же. № 15. С. 416—420; № 17. С. 467—468.
107. Там же. № 1. С. 18; АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 5 об.
108. ГАСО. Ф. 603. Оп. 2. Д. 122. Л. 9, 135—135 об.
109. Там же. Л. 94.
110. Там же. Л. 26 об.—27.
111. Там же. Л. 16.
112. Там же. Л. 27, 71—72, 135—135 об.
113. Краткий исторический очерк... // ЕЕВ. 1897. № 1. С. 15, 18.
114. Вишневский А. Г. Демографическая революция. М., 1976. С. 119, 139, 159.
115. Цатурова М. К. Русское семейное право... С. 20.
116. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века. М., 1979. С. 14—70.

2.1. СТАТИСТИКА РОЖДАЕМОСТИ

Календарная статистика Рождаемость горнозаводского населения Урала отличалась высокой стабильностью. Об этом свидетельствует отношение числа родившихся к общей численности населения. По данным табл. 11, в начале XIX в. в Верх-Исетском заводе в среднем на одного родившегося приходилось 21,32 жителя. Насколько позволяет судить статистика по Невьянскому округу, к середине XIX в. положение не изменилось. В 1853—1855 гг. по трем его заводам — Невьянскому, Быньговскому и Петрокаменскому — на одного новорожденного приходилось от 22,15 до 19,91 жителя. Чуть ниже данный показатель в 1855—1866 гг. был в Чермозском заводе — 18 человек. К концу века доля новорожденных в населении оставалась прежней. В Сысертском округе в 1888—1892 гг. этот показатель варьировал от 22,18 жителя на одного родившегося в Полевском заводе до 17 — в Сысертском. Его верхняя граница почти совпадала с таковой в последнем десятилетии XIX в. у жителей Камбарского завода: ровно 23 человека на одного новорожденного.

Таблица 11

Соотношение горнозаводского населения Урала с числом родившихся (XIX в.)

Завод	Годы	Число поворожденных на одного жителя
Верх-Исетский	1800—1813	21,32
Быньговский	1853—1855	22,15
Петрокаменский	1853—1855	20,13
Невьянский	1853—1855	19,91
Чермозский	1855—1866	18,0
Сысертский	1888—1892	17,0
Северский	1888—1892	18,78
Полевской	1888—1892	22,18
Камбарский	1890—1899	23,0

Примечание. По данным: Говорливых З. Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 298; Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1067, 1894; № 6. С. 157; № 17—18. С. 437; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901. С. 36; расчеты автора: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об.—157; Д. 575. Л. 37 об.—38.

Таблица 12

**Соотношение горнозаводского населения Урала с числом родившихся
(1839—1878 гг.)**

Годы	Число новорожденных на одного жителя	Годы	Число новорожденных на одного жителя
<i>Кусье-Александровский завод</i>		<i>Ижевский завод</i>	
1838—1842	13,7	1839—1842	17,8
1843—1847	13,91	1842—1848	17,67
1848—1852	13,74	1848—1854	17,44
1853—1857	15,46	1854—1860	15,73
1858—1863	15,26	1860—1866	18,36
1865—1870	17,12	1866—1872	19,9
1871—1875	15,76	1872—1878	19,7

Примечание. По данным: Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 46; расчеты автора: Хлопин Г. Движение населения Кусье-Александровского завода Пермской губернии и уезда с 1838 по 1875 г. // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 287—289.

Данные И. Андржеевского о соотношении населения и новорожденных в Ижевском заводе за значительный промежуток времени — с 1839 по 1878 г. — также свидетельствуют о стабильной рождаемости и некотором ее снижении в 1860—1870-е гг. (табл. 12). Аналогичным за тот же период времени было положение на Кусье-Александровском заводе: стабильность рождаемости на протяжении 1838—1852 гг., ее незначительный рост в следующее десятилетие, достижение в 1865—1870 гг. максимума и возврат к прежнему уровню в 1871—1875 гг. Следовательно, рождаемость у жительниц этого завода начиная с 1850-х гг. несколько снизилась, но и после этого оставалась рекордно высокой для горнозаводского Урала: чуть более 15 человек на одного родившегося.

Сезонность зачатий

Распределение зачатий и, следовательно, рождений по временам года имело свои особенности. В распоряжении исследователей с середины XIX в. находились не первичные данные о времени зачатия ребенка, а полученные в результате вычета девяти месяцев с момента его рождения. В Ижевском заводе в 1860—1870-е гг. максимум зачатий наблюдался в январе, апреле и октябре, а минимум — в марте, декабре и июле. Относительно причин данного явления врач И. Андржеевский отмечал, что “два меньших минимума зачатий (март и декабрь), очевидно, соответствуют постам. Третий же и наибольший (в июле), совершенно своеобразный в заводе, приходится на так называемую “уволку”, во время которой оружейники заняты спешной уборкой своих лугов. Наибольший максимум зачатий (в январе) соответ-

ствуется окончанию рождественского поста и, кроме того, наибольшему числу брачных союзов; за ним следует несколько меньший, апрельский максимум, соответствующий окончанию великого поста, и самый меньший, октябрьский, общий для всей России и объясняющийся значительным числом браков в этом месяце" [1].

У жителей Васильевско-Шайтанского завода с 1870 по 1889 г. при сохранении январского и апрельского максимумов зачатий наблюдался спуск осеннего максимума с октября на сентябрь. Минимальные значения данного показателя здесь также отмечены в июле, ноябре и декабре, а мартовского снижения числа зачатий не происходило [2].

В последнее десятилетие XIX в. у населения Камбарского завода максимум зачатий пришелся на февраль и октябрь, а ярко выраженный минимум наблюдался только в августе. В связи с этим доктор В. Ф. Предтеченский отмечал, что "...естественный космический максимум зачатий в Камбарке не имеет места: ни весной, ни летом — в июне или июле много зачатий не бывает, и максимум зачатий почти совпадает с максимумом браков, бывающих в январе и октябре" Августовский минимум он также связывал с огородными работами и уборкой сена [3].

Таким образом, у горнозаводского населения Урала наблюдалась сезонность зачатий, которая приводила к сезонности рождений. Подобные явления, с одной стороны, были обусловлены соблюдением церковных постов и связанных с ними сезонов вступления в брак, с другой — единственным в году периодом сельскохозяйственных работ (прежде всего заготовкой сена). Сделанные по данным второй половины XIX в. выводы могут быть распространены на более раннее время, так как для горнозаводского населения Урала причины, порождавшие сезонность зачатий и рождений, были традиционны.

Повозрастная статистика Календарные данные о рождаемости вполне позволяют говорить о ее высокой стабильности. Выяснить причину такой стабильности во многом помогает анализ сведений о возрасте рожениц. С наступлением у женщин физиологического репродуктивного периода, который демографы определяют с 15 или 18 лет, повозрастная рождаемость стремительно набирала темп (рис. 1) и за очень короткое время — к 20-летнему возрасту женщин — достигала максимальных высот. Пик графика приходится на 24-летний возраст. Значения показателя были очень высокими и примерно одинаковыми у женщин в возрасте с 20 до 30 лет, поэтому данный возрастной интервал можно считать периодом максимально высокой рождаемости. Затем наступал спад — число рождений уменьшалось. В отличие от подъема он был более растянут во времени и происходил не столь быстро. Таково было положение во второй половине XVIII в. у жительниц девяти Нижнетагильских заводов. Данные

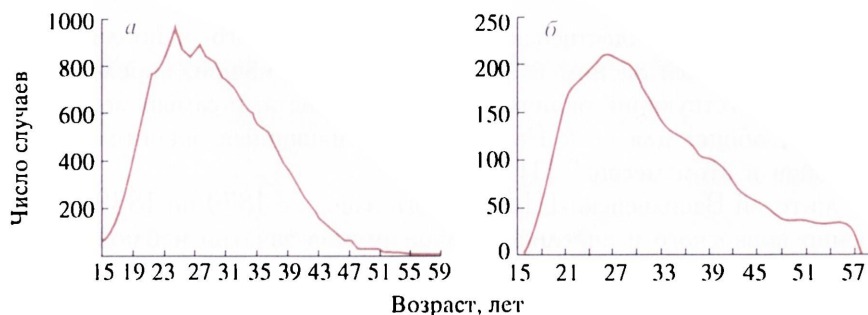

Рис. 1. Повозрастная рождаемость на Нижнетагильских (а) и Златоустовских (б) заводах (вторая половина XVIII в.).

Рассчитано по данным: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 101, 102, 105, 106, 234, 235, 236, 242, 244, 245, 249, 250, 310, 311, 313, 314, 315, 316, 319 а (по Нижнетагильским заводам) и РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 249; ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1927; ГАЧО. Ф. И—225. Оп. 1. Д. 6. (по Златоустовским заводам)

Златоустовских заводов за это же время свидетельствуют об аналогичном явлении — высокие показатели с первых лет брака, их постоянный рост, удержание наивысшего уровня в течение нескольких лет и постепенный спад. Сравнение графиков показывает, что совпадают возрастные промежутки выделенных этапов: до 20 лет — подъем, 20—30 лет — максимум, с 30 лет — этап поздней рождаемости.

По данным Нижнетагильских заводов, период плодovitости женщин не был строго ограниченным и продолжался после достижения ими 45—46 лет, хотя подавляющее большинство женщин этого возраста уже не рожали. Количество детей, рожденных матерями в возрасте 45 лет, было в 100 раз меньшим, чем в период максимума рождаемости, который приходился на 24 года.

Таким образом, кривая повозрастной рождаемости во второй половине XVIII в. имела выпуклую форму с выраженным максимумом, соответствующим определенному возрасту. Наряду с этим второй особенностью было явление поздней рождаемости.

Замужние женщины рожали в течение всего репродуктивного периода. По данным ревизских сказок второй половины XVIII в., у жительницы Нижнетагильского завода Дарьи Архиповой он продолжался 23 года. Она имела семерых детей, которых рожала в 18, 22, 28, 30, 36, 38 лет и в 41 год. По материалам третьей ревизии, в семье молодого дровосека Андрияна Михайлова по прозвищу Медведь, жене которого было 20 лет, детей еще не было, но вскоре появилась дочка, а затем рождение детей следовало одно за другим с интервалом примерно в два года. К четвертой ревизии, т. е. через 19 лет, в семье было уже 8 детей. Затем родилось еще

двое, причем последний когда матери исполнилось 45 лет. По свидетельству ревизских сказок, жена жителя Выйского завода Афанасия Киселева родила девять детей. Первого она родила в 23 года, последнего в 45 лет [4]. Следовательно, до тех пор, пока женщина сохраняла естественную плодовитость, беременности и рождения следовали непрерывно. Только достижение “годов климактерических” вследствие которых наступало полное биологическое бесплодие, избавляло женщин от обязанности деторождения.

В демографической литературе бытует мнение о быстром падении плодовитости женщин после достижения ими 30-летнего возраста, особенно у населения с традиционной демографической структурой. Это происходило из-за широкого распространения венерических болезней, частых выкидышей, недоедания, тяжелого труда, нарушения элементарных гигиенических требований во время беременности, последствий родов в антисанитарных условиях, слишком раннего начала половой жизни. На Урале сторонником подобных взглядов был Р. Рума, который в 1892 г. аргументировал их следующим образом: “У нас период плодовитости женщин довольно короткий, отчасти вследствие дурных гигиенических условий их жизни вообще, но главное от того, что они сильно истощаются частыми родами, в свою очередь зависящими от очень значительной детской смертности, благодаря всему этому роды после 35—40 лет явление довольно редкое” [5].

С подобными рассуждениями можно согласиться лишь отчасти, ибо они мало соответствуют рассмотренному нами процессу повозрастной рождаемости, в частности, они отказывают в существовании поздней рождаемости. Спад рождаемости после 30 лет действительно наблюдался, но довольно высокие значения данного показателя отмечались у женщин более старшего возраста. Достаточно сказать, что в Нижнетагильских заводах женщины 40-летнего возраста рожали приблизительно такое же количество детей, сколько женщины в 18 лет.

2.2. РЕГУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ

Биологические регуляторы рождаемости: мертво- рожденные

У замужних женщин не существовало причин для отказа от рождения детей. Искусственное прекращение беременности считалось грехом. Не принималось за уважительную причину прерывания беременности болезненное состояние организма, когда дальнейшее вынашивание плода и роды явно угрожали жизни самой женщины. Акушер М. Белоголов приводит такой знаменательный факт. В 1859 г. работник В. “со слезами объявил” что его жена, родив ребенка, исходит кровью. Кровопотеря была весьма значительной: рубашка, юбка, постель

Таблица 13

Осложнения при родах (1843—1863 гг.)

Вид осложнения	Число
Роды одноплодные: затылком, затылком с обвившейся вокруг шеи пуповиной, макушкой, лицом, задницей, коленками, коленками с растянута между ног пуповиной, нижними конечностями при выпадении одной ножки, плечом при выпадении наперед ручки	284
Роды двойней: при выпадении наперед ручки у предшествовавшего ребенка, вместе сросшихся грудью и головкой	9
Роды одноплодные при предшествовавшем маточном кровотечении	63
Роды тройней при предшествовавшем маточном кровотечении	2
Выкидыши 3- и 7-месячных вследствие маточного кровотечения	12
Роды во время припадков эпилепсии	1
Роды при выпадении наперед пуповины	34
Роды при приросшем детском месте к заднице ребенка	1
Роды задницей мертвого ребенка, от вытекания околоплодной воды	1
Роды трудные от чрезмерной величины ребенка	2
Роды трудные от чрезмерной крепости околоплодного пузыря	44
Крепкое приращение последов	57
Слабость родовых потуг от изнурения и потери сил	106
Кровотечение из матки послеродовое	50
Остановка послеродового кровоотделения	39
Ущемление последов при внутреннем маточном кровотечении	63
При наружном маточном кровотечении	36
При кровотечении по рождении двойни	1
При кровотечении при рождении тройни	1
Опущение матки и выворот маточного рукава после родов	1

Примечание. По данным: Белоголов М. Важный общественный недуг в нашем крае (оттиск из ПГВ, 1881, № 41—47, 50, 51, 53, 55, 66, 69, 70, 75, 77. С. 72—92.)

больной были как бы “обмакнуты” в кровь. Врач спас женщину. Замечательным, по его мнению, было то, что в дальнейшем ни ей, ни ее мужу не пришлось в голову из-за этого случая отказаться от деторождения. Женщина бывала беременною почти каждый год, а вышеупомянутой операции подвергалась “четыре года сряду” [6].

Влияние здоровья на плодovitость женщин показывают 20-летние наблюдения за населением Западного Урала (в том числе и заводским) врача М. Белоголова. Самым распространенным осложнением при родах являлось неправильное положение плода (табл. 13), за ним следовали различные маточные кровотечения (в сумме 216 случаев), следующее место занимала слабость родовых потуг, еще реже случались крепкое приращение последа и выпадение наружу пуповины. Остальные осложнения происходили крайне редко.

По данным М. Белоголова, отношение трудных родов к общему числу родоразрешений составляло весьма незначительную величину —

0,0418. Шансы женщины получить осложнения при родах были еще меньше, поскольку соотношение числа трудных родов и числа всех рождений составляло всего 0,0043 [7]. Об этом же свидетельствовал опыт дедюхинского доктора Д. Петухова. “Участвуя при трудных родах, — замечал он, — я убедился, что искривленность и узость таза, неправильное положение плода — чрезвычайно редки” [8].

Отсутствие месячных очищений, бели воспринимались как прямое последствие заболеваний матки и яичников и являлись в глазах народа, по свидетельству врача М. И. Мизерова, “видимой причиной страдания женщины, мешающей ей добросовестно исполнять свои обязанности” по продолжению рода [9]. Врач Б. О. Котелянский, описывая в 1889 г. гинекологические заболевания, привел сведения, касающиеся жительниц заводов. Его пациентка из Нижнеисетского завода заболела на двадцать втором году жизни, т. е. в достаточно молодом возрасте. У нее приостановились регулы и появились боли в низу живота, затем месячные вернулись, но были часты, обильны и очень болезненны. В результате женщина стала “худая, бледна, малокровна”. Для специалиста эти симптомы означали кисту яичников. Другая его пациентка, старообрядка из Каслинского завода, получила аналогичное заболевание в 27 лет. Регулы превращались у нее в кровотечения, которые, не прекращаясь по два—три месяца, совершенно ее измучили. “На вид много старше своих лет” казалась еще одна больная, сорокалетняя вдова из Уфалейского завода. Опухоль, сопровождавшаяся кровотечениями и болью в низу живота, появилась у нее три года назад и за это время выросла с “отроческую головку”. Не меньше страданий приносили женщинам заболевания матки. Жительница Билимбаевского завода рассказывала Б. О. Котелянскому, что на 41-м году жизни “раз почувствовала боли в низу живота, наутро заметила, что матка опухла, с тех пор так и осталась”. Представ перед врачом через 10 лет, она выглядела “малокровной” а боль при вправлении матки была столь сильна, что больная не могла ее переносить даже “лежа” [10].

Сам народ гинекологические заболевания у женщин детородного возраста называл “случайностями” что означало, по-видимому, не столько редкость их появления, сколько преходящий характер. М. И. Мизеров сообщал, что в конце XIX в. среди жителей Красноуфимского уезда, в том числе и заводских, была значительная доля гинекологических больных, но, как замечал он далее, народная медицина обладала столь же значительным запасом средств для их излечения [11].

Полная потеря женщиной способности к деторождению до достижения ею 45-летнего возраста воспринималась как аномалия и связывалась с вмешательством потусторонних сил. “Многие болезни, особенно женские, — сообщал Х. Мозель, — здешние простолюдины предписывают порче”

приводя пример подобного суеверия: “беременные женщины, из утробы которых ведьмам удалось украсть младенца, по мнению народа, оставались больными на всю жизнь” [12]. В бесплодных женщин детородного возраста чаще вселялись нечистые духи, превращая их в кликуш. Врачи, исследуя кликушество среди неперменных работников Уткинской слободы в 1837 г., обращали внимание на то, что “больные состоят все почти из женщин” Замечательным, по их мнению, однако, было то, что половина из более чем сорока кликуш были женщинами бездетными, а еще у двоих наблюдались “неправильные периодические очищения” [13].

Во многом представления народа о высокой плодовитости женщин основывались на том, что патологии беременности и родов, хронические гинекологические заболевания не оказывали значительного влияния на репродуктивные возможности женского организма. Женщины, перенесшие в возрасте даже старше 30 лет осложнения при беременности и родах, сохраняли способность к деторождению. В августе 1849 г. врач М. Белоголов был приглашен к 35-летней жене работника Г Несмотря на то, что она рожала далеко не в первый раз, роды были трудными. Они начались с сильных, частых и чрезвычайно болезненных потуг, которыми больная мучилась уже третьи сутки. Она без умолку кричала, говорила, что не может более переносить своих страданий, совершенно вышла из сил и скоро должна умереть. Врач оказал ей помощь и через пять дней вынужден был констатировать, что она совершенно поправилась. Впоследствии его бывшая пациентка каждый год “родила детей благополучно” [14].

Риск тяжелых родов, мертворождений, выкидышей увеличивался к 40-летнему возрасту. Сама женщина могла также получить серьезные послеродовые осложнения (например маточное кровотечение). Так, со времени замужества и до 45 лет жительница Петрокаменского завода Ваганова родила 11 детей. Рождение этой “болезненного вида и слабого телосложения” женщиной двенадцатого ребенка стало причиной маточного кровотечения. Оно длилось 9 недель и совершенно измучило больную. Летальный исход был предотвращен только благодаря оказанию квалифицированной медицинской помощи в госпитале [15]. Но спасти жизнь роженицам в этом возрасте удавалось далеко не всегда. Как видно из рис. 2, у жительниц Нижнетагильских заводов во второй половине XVIII в. в период поздней рождаемости наблюдался подъем смертности.

Повторяющиеся случаи рождения мертвых детей также служили показателем серьезных нарушений в половой сфере. Жительница Невьянского завода Парасковья Усолкина в 41 год ждала своего тринадцатого ребенка. Надежды на благополучный исход были минимальны, поскольку три ее последних младенца рождались мертвыми. И на этот раз продолжавшиеся более двух часов болезненные роды окончились мертворождением [16].

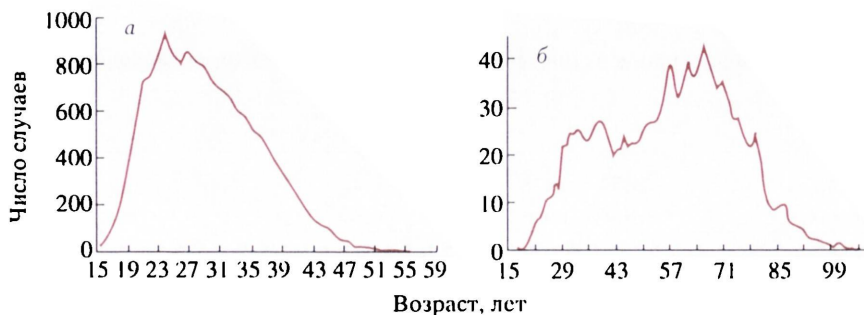

Рис. 2. Повозрастные рождаемость (а) и смертность (б) женщин Нижнетагильских заводов (вторая половина XVIII в.)

Данные рис. 3 свидетельствуют, что смертность матерей и их детей в период поздней рождаемости имела много общего. Сходство наблюдается как в общей динамике, так и в совпадении максимумов этих показателей и свидетельствует, что роды после 30 лет были менее благоприятны и для самой роженицы, и для здоровья появившегося на свет малыша.

В категорию мертворожденных входили «недоноски» появившиеся в результате выкидыша, как правило, на третьем и седьмом месяцах беременности, и собственно мертворожденные, вполне доношенные, родившиеся в срок, но уже мертвыми младенцы. В отличие от последних недоношенный плод при преждевременных родах часто был жив, но совершенно не жизнеспособен вне материнского организма. Рождение мертвого ребенка кроме ухудшения здоровья беременной женщины в связи с ее возрастом могло произойти из-за тяжелого течения родов или умерщвления плода, вызванного искусственными способами (ядовитыми веществами, ударами и пр.). Разграничить эти причины в статистике мертворождений не представляется возможным. Данные такого рода появились достаточно поздно.

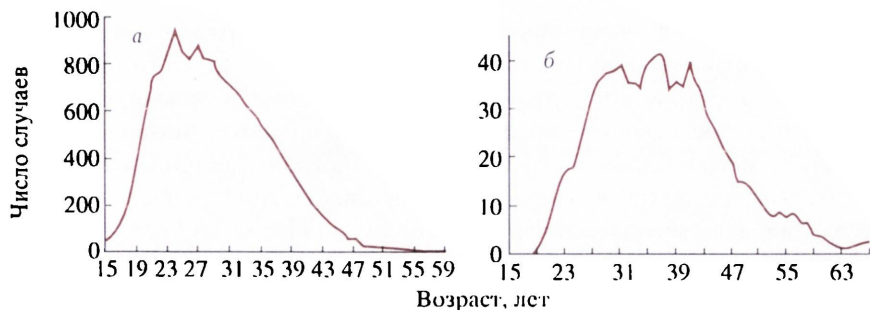

Рис. 3. Распределение рождаемости (а) и случаев детской смертности (б) от возраста матери на Нижнетагильских заводах (вторая половина XVIII в.)

Таблица 14

Число мертворожденных у горнозаводского населения во второй половине XIX в.

Завод	Годы	Среднегодовое число мертворожденных	Доля к общей рождаемости, %
Ижевский	1854—1878	—	2,07
Туринский	1861—1866	—	0,5
Васильевско-Шайтанский	1870—1889	1,1	0,4
Сысертский	1888—1892	—	1,0
Полевской	1888—1892	1,6	0,5
Северский	1888—1892	—	Более 2
Камбарский	1890—1899	—	0,8

Примечание. По данным: Андржеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 47; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901, С. 31; расчеты автора: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 141; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 195; Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1067; № 6. С. 157; № 17—18. С. 438.

Таблица 15

Число мертворожденных у населения Васильевско-Шайтанского завода (1870—1889 гг.)

Годы	Среднегодовое число мертворождений
1870—1874	1,2
1875—1879	1,4
1880—1884	1,4
1885—1889	0,4

Примечание. Расчеты автора: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 195.

Так, врач И. Андржеевский считал, что рождение мертвых детей в Ижевском заводе правильно обозначалось только с 1854 г. С этого времени, сообщал он, “сведения относительно мертворождений в заводе можно считать вполне удовлетворительными. Мертворожденные, по-видимому, все попадают в метрические книги — при содействии полиции и по той еще причине, что кладбище в заводе одно, и приход для православного народонаселения, собственно говоря, тоже один” [17].

В нашем распоряжении имеются сведения за вторую половину XIX в., позволяющие показать динамику мертворождаемости. От общего числа рождений она составляла очень незначительную долю. Об этом свидетельствуют данные как по Туринской волости середины XIX в., где за шесть

лет произошло три мертворождения, так и по Северскому заводу конца этого века, где мертворожденные составляли 2% от числа всех родившихся (табл. 14). Какова была частота появления мертвых детей в общей рождаемости, показывают данные по Ижевскому заводу, доля мертворожденных в котором также была довольно значительна. В период 1854—1866 гг. там на 53,35 живорождений приходился один мертворожденный, в 1866—1878 гг. этот показатель сократился до 45,66 живорождений, т. е. мертворождения стали происходить чаще. Доктор И. Андржеевский, обнаруживший эту разницу, считал ее “весьма чувствительной” и, что немаловажно, напрямую связывал с “ухудшением положения женщины в заводе с 1867 г., т. е. после увольнения оружейников” [18].

На примере сведений за 20-летний промежуток по Васильевско-Шайтанскому заводу видно, что этому явлению было скорее присуще состояние стабильности с колебаниями, которые “гасили” друг друга. Как показывает табл. 15, в начале 1870-х гг. в среднем за год было 1,2 мертворождения, затем показатель стал чуть больше, в течение 10 лет не меняя своего значения, в конце 1880-х гг. число мертворождений довольно резко пошло на убыль, составив всего 0,4 случая в год.

Социальные регуляторы рождаемости: незаконно- рожденные

От описания биологических регуляторов рождаемости перейдем к рассмотрению социальных. Считается, что в большинстве традиционных обществ регуляция рождаемости осуществлялась через брачность, поскольку поощрялась лишь брачная рождаемость. Ребенок вне брака был ребенком вне закона, т. е. “незаконнорожденным”

В России юридические последствия вызывало уже зачатие такого ребенка — он признавался “незаконноприжитым”

Однако увеличение доли вдов и солдаток среди горнозаводского населения сильно пошатнуло традиционную приемлемость только брачной рождаемости. Об этом свидетельствует ряд известных из источников фактов. Так, через год после смерти мужа прижила незаконного сына жительница Верх-Исетского завода Татарченкова. С вдовой мастерового Ревдинского завода Авдотьей Мельковой это случилось через три года после смерти мужа. Открыто “допускали себя до позора деторождения” даже девки. Девушка Татьяна Чемезова “во время бывающих в Каменском заводе ярмарочных торжков с неизвестными торговцами имела любовную связь, от коей рожала” Жена мастерового Каменского завода Парасковья Брюханова вспоминала, что “еще в девках рожала незаконно прижитого младенца Козьму” В 1859 г. жителям Пышминского завода “была известной” беременность девки Куриловой [19].

Размеры данного явления в XVIII в. можно представить по благотворительности владельцев Нижнетагильских заводов, выделявших деньги

...на воспитание несчастнорожденных от вдов и девок, подкидываемых к разным жителям мужеска и женска пола младенцев” Всего в Нижнетагильском заводе было 44 таких ребенка, в Нижнесадинском — 2, в Черноисточинском — тоже 2, в Висимошайтанском — 1 и в Висимоуткинском — 3 [20].

Рост числа незаконных рождений в дореволюционной литературе связывался с освобождением от крепостной зависимости. Аргументация авторов была проста: в горнозаводской промышленности стали использовать труд женщин, а совместное пребывание мужчин и женщин на работе сильно пошатнуло нравы. Так, священник Свято-Троицкого собора Кушвинского завода считал, что незаконные сожителства порождаются “условиями самой заводской жизни, отхожих промыслов и приисков, в особенности последних, где молодые люди — мужчины и женщины — спят в общих казармах” [21]. Падение нравов наглядно иллюстрируют данные по Ижевскому заводу. До увольнения оружейников в 1860—1866 гг. один незаконнорожденный приходился на 64,9 младенцев, в 1866—1872 гг. — на 28,68, в 1872—1878 гг. — на 23 [22]. За десятилетие произошло падение показателя более чем в два раза.

На протяжении XIX в., как показывают данные табл. 16, доля незаконнорожденных детей постепенно возрастала. В начале столетия у жителей Верх-Исетского завода она составляла 0,6%, в середине его у населения Ирбитского завода выросла до 2,53%, Ижевского — до 3,03%, а Чермозского — даже до 8,2%, к концу века в Северском заводе, считавшемся селением захолустным, достигла 4% от общей рождаемости.

Распространение незаконных рождений привело к тому, что уже в середине XIX в. общественное мнение перестало считать беременность до брака особым проступком. Осуждалась не столько сама незаконная беременность, сколько детоубийство, так как большинство женщин предпочитало избавиться от ребенка после тайных родов. Скрывали беременность чаще всего за счет одежды. Девка Парасковья Тезякова одевалась так, чтобы ее не заподозрили в беременности, т. е. “носила свободное платье” Дочь служителя Уткинского завода Ефросинья Плотникова с этой же целью “всегда навязывала запон выше груди” Чаще всего это была ненужная уловка, так как окружающие догадывались, и возникали слухи [23].

Если по каким-то причинам от ребенка не удавалось избавиться во время родов, стремились сделать это в первые дни его жизни, пока организм новорожденного не окреп. В 1828 г. Василий Лабазов из Нижнетагильского завода, питая “подлинную злобу” к незаконнорожденному ребенку своей жены, запретил ей кормить девочку, готовить для нее рубашки и пеленки [24]. Оставленный на “произвол судьбы младенец” умирал через несколько дней, но уже как бы по “воле Божьей” Подобная практи-

Таблица 16

Внебрачная рождаемость на заводах Урала в XIX в.

Завод	Годы	Среднегодовое число незаконнорожденных	Доля к общей рождаемости, %
Верх-Исетский	1800—1813	0,65	0,6
Ирбитский	1853—1861	2,77	2,53
Чермозский	1855—1866	22,7	8,2
Ижевский	1860—1878	—	3,03
Васильевско-			
Шайтанский	1870—1889	5,9	2,19
Сысертский	1888—1892	21,0	3,6
Полевской	1888—1892	11,2	3,54
Северский	1888—1892	7,6	4,2
Камбарский	1890—1899	—	2,2

Примечание. По данным: Андреевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 49; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901. С. 36; расчеты автора: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об.—157; Удннцев И. Ирбитский завод // ПГВ. 1862, № 28. С. 399; Гопорлиных З. Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 296; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 195. Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1067, 1894; № 6. С. 156—157; № 17—18. С. 436—438.

ка была известна, но отделить “Божий промысел” от злой воли родителей в конкретном случае было сложно. Так, в 1828 г. благодаря общественному мнению в Уткинском заводе удалось предотвратить умерщвление рожденного девкой Еленой Томиловской младенца. Но через пять дней ребенок умер “Божьей волей” [25].

Существовали и не столь криминальные, узаконенные традицией способы избавления от нежеланного ребенка. Его можно было подкинуть или “отдать на воспитание” Причины, по которым женщины шли на это, могли быть разными. Сбежавшей в 1840-е гг. от мужа жительнице Кушвинского завода Анисье Савиной нужно было самой зарабатывать себе на жизнь. С младенцем делать это было “неудобно” Из-за материальных трудностей отдала в 1802 г. своего ребенка и Марина Миронова из Верхнетуринского завода. Видимо, бедность была лишь одной из причин такого поступка женщины, ибо “спустя шесть недель после отдачи младенца” она вышла замуж за мастерового Якима Егорова. Вероятно, ребенок мешал ей устроить личную жизнь. С появлением незаконнорожденного младенца в 1857 г. возникли сложности у солдатки Ирины Стариковой из Невьянского завода. Она решилась избавиться от него из-за “боязни к мужу, ожидаемому в отпуск из военной службы” [26].

Подкидывали младенцев обычно в ночное время. Так, в 1849 г. Елена Зверева постучалась под окном и, сотворив молитву, “известила” хозяев, “что на завалину положен младенец” Люди, которым подбрасывали детей, описывают случившееся примерно так же. “Я была одна дома и спала, — вспоминала в 1857 г. вдова из Невьянска Зобова, — в это время к окну избы подошла женщина, которая помолитствовалась и сказала мне: “...не заморость ребеночка” поэтому я поспешно вышла из избы на улицу и взяла младенца” [27].

Для подкидышей существовали специальные приемные дома. Перед нижнетагильскими властями проблема спасения жизни незаконнорожденных детей встала уже во второй половине XVIII в. Р. С. Паллас упоминает о существовании здесь с 1766 г. “дома для приносных детей” К середине XIX в. надобность в подобных заведениях возросла и они появились в Нижнесалдинском, Черноисточинском и Висимоуткинском заводах. По мнению штаб-лекаря Ильинского, это была действенная мера к прекращению детоубийств. За шесть лет после их учреждения в округе с огромным населением произошел лишь один подобный случай [28].

В Нижнем Тагиле в начале XIX в. существовали прообразы современных семейных детских домов. Так, 70-летней Аграфене Лабазовой контора давала на воспитание детей “из платы по шесть рублей в месяц” Всего у нее было шесть разновозрастных воспитанников. Староста наблюдал, насколько усердно она с ними водится [29]. Возможно, такие дома существовали уже в XVIII в. В документе нижнетагильской конторы от 1786 г. говорилось, что некоторые приемные родители воспитывали сразу нескольких детей. У “девки” Анны Шабашовой были подкинутая девочка и подкинутый мальчик [30].

Как показал врач И. Андржеевский, в дореформенное время в Ижевском заводе в число подкидышей попадала определенная доля законнорожденных детей. Причина крылась в снабжении населения льготным провиантом: “При казенном управлении, когда правительство выдавало пек на детей как законных, так и незаконных, многие бездетные оружейники принимали к себе чужих (законных) детей и записывали их подкинутыми” Сопоставление частоты подкидывания детей до и после увольнения оружейников от обязательных работ показывает, насколько искусственным образом удавалось завышать цифровые данные. В 1860—1866 гг. на одно подкидывание приходилось 26,01 рождений, в 1866—1872 гг. — 64,95 рождений, в 1872—1876 гг. — 55,81 рождений. Возможно, по этой же причине была высока доля незаконнорожденных в Чермозском заводе за 1855—1866 гг. [31].

Существовали и специальные учреждения для воспитания детей “до совершенных лет” Приюты Нижнетагильского округа в середине XIX в.

были рассчитаны на 200 детей. Два из них находились в Нижнем Тагиле, по одному в деревне Никольской и селе Воскресенском [32].

Нередко солдаты и вдовы сами занимались воспитанием своих незаконнорожденных детей. В этом случае они также могли рассчитывать на материальную помощь. Когда вдова мастерового Татарченкова объявила, что у нее незаконнорожденный сын, то управление Верх-Исетского завода “делало содержание по 1 пуду 10 фунтам в месяц до 11 лет, а после взяло /ее сына/ в работу, и тогда платили по 2 пуда” Как сказала вдова, по распоряжению заводууправления мальчик был “усыновлен к Татарченкову первому моему мужу” [33]. Нижнетагильская контора уже в XVIII в. оплачивала провиант и молоко девкам и вдовам, воспитывавшим собственных внебрачных детей. К примеру, девка Агафья Надеждина получала помощь на незаконнорожденную дочь Марию, а вдова Екатерина Белякова на всех своих четырех незаконнорожденных детей [34].

2.3. БЕРЕМЕННОСТЬ

Верным признаком зачатия ребенка было отсутствие месячных очищений. В более поздние сроки беременность диагностировали по “шевелению” плода. Так, Пелагея Макарова из Сысертских заводов поняла, что беременна, потому что “ребенок имел большое движение в утробе” [35].

Главной опасностью для плода во время его вынашивания был выкидыш. Выкидыши, по мнению горнозаводского населения, могли происходить по искусственным, естественным и сверхъестественным причинам. В первом случае внутрь принимали сильнодействующее вещество, которое вызывало искусственные роды. Некоторым из них предписывали особую силу. В Дедюхинском заводе верили, что если беременная выпьет мифическую “разрыв-траву” то и плод ее “разорвется в утробе” [36]. Однако травы в качестве изгоняющего плод средства фигурировали достаточно редко. Жительница Каслей Марфа Кочнева в 1821 г. покаялась, что “когда была еще девкой, хотя скрыть стыд свой, прижитого ею незаконнорожденного младенца женского пола посредством какой-то травы преждевременно родила” Траву эту, зашив в рубашку, она сохранила. Потом Марфа пыталась доказать следствию, что оговорила себя в пылу ссоры, вспыхнувшей между нею и свекром, а травой этой лечила посеченную ногу и оставила ее “для убережения на будущее для подобного случая” [37]. Возможно, это была “прыгун-травы” или “кукушечьи слезы” которую, как сообщал П. Крылов, некоторые считали способной вытравлять плод [38].

Большинство женщин отдавали предпочтение такому веществу, как порох. Молодые девушки, пытаясь избавиться от незаконноприжитого ребенка, находили более опытную в этом деле женщину, тайно открывались ей

и скрытным же образом получали совет, как нужно действовать. В 1858 г. Пелагея Макарова из Сысертского завода обратилась к своей знакомой, жене мастерового Зеновии Грачевой. Та “подала совет”: выпить растворенный в воде порох, уверяя, “что по принятии его ребенок будет истлевать и наконец беременность кончится только лишь исходом из детородных частей красок, т. е. кровей” [39]. Жительница Каменского завода Парасковья Брюханова имела в 1852 г. “тайный разговор” с девицей Татьяной Чемезовой, “уже рожавшей незаконных детей” Парасковья, обеспокоенная долгим отсутствием месячных, считала себя “едва ли не беременной” Татьяна посоветовала использовать порох, поставив в пример себя — “она порохом выжила две беременности и третью хочет выжить” [40].

Пелагея Макарова выпила две хлебальные чашки растворенного пороха. В такой дозе средство подействовало очень эффективно. Беременная почувствовала боль в животе и спине, при которой произошло “преждевременное извержение носимого в утробе младенца” Родился он сразу мертвым. Парасковья Брюханова также пила порох в воде, чае и квасе. Но ее доброжелательница вдова Агафья Свицина порекомендовала ей более надежное средство — “завернутый в темную бумагу, приготовленный в виде свечи какой-то состав” Парасковья развела его в воде и выпила. В результате у нее произошло изгнание плода и ребенок сразу родился мертвым [41]. Вероятно, доктор И. Андржеевский имел в виду женщин, подобных Агафье Свициной, сообщая, что “между знахарками есть и такие, специальность которых состоит в производстве выкидышей” [42].

Выкидыши могли происходить по более прозаическим причинам. Жительница Полевского завода Екатерина Добрынина в 1845 г. носила в избу с реки воду, на крыльце поскользнулась, упала и ушиблась. В результате у нее были преждевременные роды и мертвый младенец. Другая беременная “страхнула брюхо, спуская в погреб кадку с молоком” [43]. Следовательно, “повредить” беременность можно было, занимаясь обычной домашней работой. Например, сестра жительницы Нижнесергинского завода Мавры Ситиной советовала ей “поелику она моет пол, носит воду и исправляет прочую домашнюю работу, то береглась бы всемерно не повредить ребенка” [44]. Родственницы не только предупреждали, но и оберегали беременных, помогая им по хозяйству. Жительница Быньговского завода Козлова в 1819 г. по пятницам ходила к сродной сестре вымыть в избе “по случаю ею носимаго бремени” [45].

“Как-то я на тех порах ходила, — рассказывала одна из героинь Д. Н. Мамина-Сибиряка о своем муже, — а он повалил меня да коленом в брюхо, — тут же я мертвенького младенчика выкинула” Ее оценка действий мужа: “Пряменько сказать супостат был” [46], — полностью сов-

падала с общественным мнением, осуждавшим любую жестокость по отношению к беременной. Однако подобные случаи не были редкостью. Описывая в конце XIX в. нравы жителей Мотовилихинского завода, Р. Рума отмечал, что от пьяных мужей “ударами безразлично наделяются женщины, иногда беременные” [47]. Подобное отношение было чревато серьезными последствиями для здоровья женщин. Настасья Турыгина, жившая в Сысертских заводах, полагала, что в 1859 г. у нее “выкинутие мертвого младенца последовало от побоев” в ходе которых она упала и ударила живот о бревно. Одновременно с этим, по ее словам, “почувствовала боль в животе, а на другой день началось у меня истечение месячных кровей, и с этого времени я постоянно страдала болью в животе до самого выкидыша мертвого младенца” [48].

Особенно кощунственными в глазах населения были наказания беременных женщин. Характеризуя злодеяния Максима Походяшина, его работники приводили следующий пример: “Брюхатая женщина была сечена в кольцах и выкинула младенца” Потом выяснилось, что высекли жену крестьянина Захарова, которая не была беременной, а только долгое время после наказания находилась в болезни [49]. Однако показателен сам выбор такого примера особой бесчеловечности и беззакония. Житель Нижнетагильских заводов Марков в 1823 г. подал в суд на надзирателя Выйского завода Мензина, который во время работы избил его беременную жену палкой. Формально Марков выиграл дело — Мензин заплатил штраф, хотя заводской доктор Нехведович считал, что условия труда повлияли на исход беременности куда больше, чем удары палкой. “Что относительно причин выкидыша, то один удар по пояснице кажется недостаточным, — писал он в медицинском свидетельстве, — а как она в то время работала на руднике, то легко могло случиться, что она подняла что-либо тяжелое или пала и даже самое поскользновение сопровождается иногда большим сотрясением тела, что беременная не может перенести онаго и плод свой выкидает” Судя по рассказу о происшедшем самой Марковой, прав был доктор. Во время работы эта беременная женщина напару с еще одной таскала носилками землю. С утра и до обеда они сносили не более 10 носилок. А после обеда она стала “скудаться брюхом” но работу не бросала, хотя “едва смогла проробить до вечера” Как только вечером муж довел ее с рудника до квартиры, она выкинула младенца, не доходя до “настоящего времени” 5 недель [50].

Следует заметить, что в рудной работе нижнетагильских и златоустовских женщин использовали “издревле” В начале XIX в. на Высокогорском руднике летом на работу выходили до 400 женщин. Конторе этого было недостаточно, и она просила у горных властей “дозволения” использовать их труд на вновь открытом медном руднике [51].

“Женский пол” в Шурминском и Буйском заводах Мосолова “находился в куренных работах при рубке дров” По сообщению корреспондента РГО, в Николае-Павдинском заводе “рубка дров и ронка бревен” производились “отчасти женщинами” [52]. А “вследствие тяжелой работы при кучах, по мнению штаб-лекаря Мичерлиха, могли происходить выкидыши”: “При поднятии и перенесении тяжести и усиленной работе топором при рубке дров (в чем и состоит работа при кучах) повреждение беременной матки весьма легко может случиться, и примерно потрясением и отделением последа от дна матки можно причинить смерть ребенку” [53].

Народ знал, что не только заводская, но и летняя сельскохозяйственная работа, участие в которой для женщин многих заводов было “обыкновением”, являлась вредной для беременной. “Для камбарских женщин, занимающихся огородными работами и убирающих сено, — сообщал в конце XIX в. врач В. Ф. Предтеченский, — быть беременной именно в летнее время, время наибольшей работы, — явление неблагоприятное” [54]. О том же свидетельствовало повышение летом числа мертворождений. Медик Ижевского завода И. Андржеевский объяснял его тем, “что летнее страдное время есть самое тяжелое в году время для женщины в заводе” В пореформенный период оно стало еще тяжелее. “В последние годы в особенности, — сообщал он в 1880 г., — целые толпы заводских женщин расходятся летом по окрестным деревням для полевых работ” Проанализировав за 20 лет статистику мертворождений, А. Топорков пришел к аналогичным выводам: в приходе Васильевско-Шайтанского завода “наибольшее число мертворождений падает на лето, когда матери несут тяжелые полевые работы” [55].

В случае с жительницей Нижнесергинского завода Домной Чекасиной с особой наглядностью проявилось действие тех и других причин. “Полагаю, — рассказывала она в 1858 г., — что преждевременное рождение мертвого ребенка последовало от того, как я занималась нынче летом дома на сенокосной, потом недели три в селе Поташках на жнитвенной страде, наконец также рубила недели две в курене при кладке куч, где поднимала тяжелые бревна” [56].

Женщины верили, что причиной выкидыша могло стать вмешательство потусторонних сил. Показателен случай с жительницей Березовского завода Авдотьей Колупаевой, произошедший в 1829 г. Она полагала, что “преждевременное и ненормальное разрешение от беременности последовало с ней через колдовство или чародейство” Ходившая на 29-й неделе Авдотья увидела во сне, что “якобы пришла в избу какая-то неизвестная женщина и стала к ней между ног, а другая с нею что-то разговаривала и щупала у ног ее перст” “Находясь в затмении” она не могла шевелиться и говорить, а утром почувствовала в пояснице сильную боль и в тот же

день родила, но не младенца, а завязанный в тряпицу веник-голичок [57]. В этом происшествии просматривается аналогия с широко бытовавшими на Урале представлениями о ведьмах-“вещицах”, которые были наделены способностью похищать младенцев из утробы матерей. Жители Дедюхинского завода так и полагали, что, “вынимая детей у молодушек” ведьмы подменяли их “вехтем” (т. е. веником). В Верхнеуфалейском заводе женщина, как только чувствовала в себе “зачатие плода” просила со своего мужа пояс и носила его на своей сорочке до самого рождения младенца, будучи уверенной, что вещица не может вынуть у нее ребенка из-под пояса [58].

Беременности угрожали не только выкидыши, но и другие заболевания. В холодные и ветреные зимы, сообщал доктор З. Говорливых, в Чермозском заводе беременные женщины умирали от воспаления брюшины [59].

Самой распространенной лечебной процедурой этого периода, в том числе и при угрозе выкидыша, оставалось “правление” живота. Кроме этого, повитухи Саранинского завода готовили беременной особое питье: брали двухстворчатые речные раковины, высушивали и размельчали их содержимое, а затем растворяли в воде. Если после ушиба или падения начинались преждевременные роды, то, по словам доктора Д. Петухова, беременных поили сырыми яйцами, дрожжами и банной сажей [60].

2.4. РОДЫ

Роды происходили “где придется”: в доме, на покосе. В 1844 г. Федосья Кузнецова родила двойню по дороге из куреня в Ревдинский завод, жительницей которого она была [61]. Однако традиционным местом родов считалась баня. Жительница Нижнетагильского завода Лукерья Лабазова рожала в бане своего дома. Дым над ее крышей в неурочный час свидетельствовал о начале родов. Так, “замеченная в беременности” девка Елена Угольникова была отдана полицией Шайтанского завода под надзор пожилым соседкам Степаниде Носовой и Ефимии Куренковой. 28 сентября во дворе, где жила девка, ими была “усмотрена рано утром топившаяся баня” Поспешив туда, они действительно обнаружили Елену с новорожденным сыном [62]. Иногда роды наступали столь внезапно, что баню истопить не успевали. В 1814 г. Федосье Горбуновой из Пышминского завода пришлось рожать в нетопленной бане [63]. Заботливая свекровь, сообщал Д. Петухов, если роды случались летом, “тишком уводит” невестку в нежилую избу, зимой “удаляется с ней скрытно в баню, которая нарочно топится для этого” [64]. Со временем роды, особенно тяжелые, все чаще происходили в жилом помещении. У мастерской женки в Березовском заводе Авдотьи Колупаевой они начались внезапно. По ее рассказу, она и

сестра “лишь пришли в дом, тогда я стала в угол, ухватясь за вешало, начала мучиться родами” Доктор М. Белоголов, приглашенный на трудные роды, заставлял рожениц обычно уже в стенах дома — на кровати, на скамье или лавке [65].

Криминальные роды происходили в хлеву, в сарае, а чаще всего в голбце. Лечебные учреждения — госпитали, больницы — не были ориентированы на оказание акушерской помощи. Беременные попадали туда в связи с каким-либо другим заболеванием. Так, из Березовского госпиталя в 1799 г. сообщали, что “находящаяся для излечения болезни присыльная женка Феврония Семикова от бремени рождением мертвого младенца освободилась, а по болезни и ныне в этом находится” [66]. В 1881 г. акушерка Суксунского завода принимала роды в больнице только в двух случаях из десяти. А VIII съезду врачей Пермской губернии, который состоялся в 1902 г., было доложено, что при заводских больницах всего два родительных покоя: в Добрянском заводе на две кровати и в Богословском — на пять. В последнем за 1899 г. произошло всего 15 родовспоможений. Эти факты позволили докладчику сделать следующий вывод: “Акушерки в строе заводской медицины являются положительным исключением” [67].

Даже нормальное течение родов сопровождалось болезненным состоянием организма. Поэтому хирург Забиякин считал, что если “роженица была предоставлена самой себе в самую критическую минуту, то рассчитывать на благоприятное окончание родов трудно” [68]. При трудных и неправильных родах, которые, по словам М. Белоголова, “были весьма нередки” родовспоможение являлось просто необходимым. Часто женщины находились в жестоких муках и беспамятстве. Так, рожавшая в первый раз 24-летняя жительница Уткинского завода Елена Томиловская “мучилась родами три дня и родила уже на четвертый в беспамятстве по жестокому мучению и чувствованию во всех членах немалой боли” [69]. Свою главную опору в такой ситуации роженицы видели в занимающихся повивальным искусством бабушках, верили, что они имеют какую-то сверхъестественную власть выгонять порчи, предотвращать призоры и уроки и всякие дурные последствия, ограждать роженицу от нечистой силы, способствовать скорому и правильному разрешению от беременности. Примечательно, что с XIX в. при заводах уже были “ученые и присяжные повивальные бабки, которые получали от них жалование” [70]. В Нижнетагильских заводах, по словам штаб-лекаря Ильинского, за каждого принятого младенца заводоуправление платило 50 копеек серебром. Для ознакомления бабок с повивальным искусством был приобретен даже “фантом” [71]. На уральских заводах они были предшественницами акушерок. Однако влияние последних на родовспоможение не стоит преувеличивать. По отчету

акушерки Суксунского завода Кашиной, в 1881 г. с января по июль она приняла только 10 детей. В двух случаях имело место неправильное положение плода и два случая (вероятно, те же самые) закончились рождением мертвых младенцев. По данным последнего года XIX в., акушерская помощь стала более эффективной. Акушерка Добрянского завода оказала помощь при 111 родах, Богословского — при 126. По отрывочным сведениям, всего за 1899 г. акушерками при заводах было оказано 379 родовспоможений [72].

Заводские доктора владели знаниями по акушерству, но население обращалось к ним крайне редко. Симпатии женщин были явно на стороне бабушек. “Роженицы всей душой верят в могущество, целебность их пустых нашептываний, заклинаний, разных шарлатанских фокусов-покусов, а акушеров считают кем-то вроде мучителей, людей, которые способны только сглазить, изурочить, испортить, уморить мать или ребенка” — резюмировал мнение народа М. Белоголов. “Только одна злая, критическая нужда, — сообщал он далее, — заставляет рожениц обращаться к помощи. А то всегда почти неученые, неопытные бабушки-повитушки предпочитают знающим и опытным акушерам” [73]. Примечательно, что лекарские ученики как низшее и поэтому ближе всего стоящее к народу звено медиков относились к повивальным бабкам более уважительно. По свидетельству одного из них, повитухами были женщины “престарелых лет и доброго поведения” [74]. С годами между повитухами и акушерами сложилось определенное разделение труда: бабушки принимали большую часть правильно текущих, нормальных родов, а лекари подключались при трудных или родах с осложнениями, а также оказывали врачебную помощь уже после родов. Так, в 1844 г. у жительницы Петрокаменского завода Вагановой в результате тяжелых родов возникло кровотечение. “До особого свидетельствования медиками” она была “взята” в заводской госпиталь [75].

Для населения это был наиболее приемлемый вариант, но на судьбы отдельных женщин он влиял не всегда положительно. Если роды, принимаемые повитухой, оказывались сложными, а врачебная помощь запаздывала, нередко, как в случае с женой работника Ч., описанном М. Белоголовым, наступал смертельный исход. Врач был вызван через сутки после родов, которые принимала повитуха, и застал больную в тяжелом состоянии — у нее не вышел послед и началось сильное маточное кровотечение. На его глазах через несколько минут женщина умерла [76].

Прибегнуть к родовспоможению успевали не все женщины. Например, в 1845 г. жительница Полевского завода Екатерина Добрынина рожала одна, так как за бабушкой послать не успела [77]. В таком случае беременные стремились заручиться поддержкой ближайших родственников.

Уже упомянутая Авдотья Колупаева, “дабы при рождении спасти жизнь свою, пошла к сестре своей родной, пала ей в ноги, сказала, что приходит время разрешиться от бремени, просила, чтоб она меня в таком положении не оставила” [78]. По словам доктора Д. Петухова, в многосемейных домах очень часто в роли повитухи выступали свекрови, “приступая к своему делу благовременно”, а если супруги жили отдельно, то роженица посылала мужа за тещей, свекровью или иной родственницей. Иногда сам “мужичок акушерствовал у своей хозяйки” [79]. Однако “мужнино акушерство” было успешным у многорожавших женщин.

“С началом первых болей (потуг) роженица бросала все дела и тайно скрывалась в такое место, где бы никто не мог ни видеть ее, ни слышать ее болезненных стонов и не мог бы взглянуть или изурочить, вследствие чего не пришлось бы ей мучиться лишний день или более за каждого человека, узнавшего о ее родах” — сообщал М. Белоголов [80]. Такого поверья придерживались почти все роженицы. По словам другого доктора — Д. Петухова, “из опасения дурных последствий” скрытность соблюдалась также тщательно. Роженицы, — сообщал он, — “утаивают время родов даже от родных от поверья, что за каждого узнавшего человека доведется мучиться в родах, а если узнает злой человек, то роды может перенести на мужа либо запереть их у роженицы” [81].

Войдя к роженице, повитуха ударяла ее по ляжке с приговором: “Боли пушке, отдай нашо” [82]. Пришедшей бабке родильница кланялась в ноги и “усердно просила не покинуть, не оставить без помощи” [83]. Начинала повитуха родовспоможение, снимая с беременной всю верхнюю одежду до рубашки, расплетая ей косы. В Верхнеуфалейском заводе с нее, кроме этого, снимали кольца, серьги, а в доме отворяли все замки. Делалось это для того, чтобы “роды развязались” т. е. последовали без всякого задержания [84]. Затем родильницу водили, не давая ей сесть, так как полагали, что от этого ей бывает легче [85]. Присесть или прилечь дозволяли только перед самыми родами, так как стоячее или полусидячее положение при родах считалось менее благоприятным, что могло повлечь за собой родовую травму. В 1852 г. Афросинья Вдовина из Ревдинского завода родила младенца сидя. Он, “вышед из матки, пал на землю и оборвал пуповину” Смерть младенца одной из жительниц Сысертских заводов произошла от “ушиба головы о тупое тело, что могло произойти при падении младенца во время родов, которые совершались в стоячем положении” Свидетельствуя в 1850 г. смерть младенца Парасковьи Усольцевой из Невьянского завода, врачи полагали, что “ежели родился в стоячем положении, то падая на землю, получил обморок” [86].

По словам доктора Д. Петухова, многие годы проработавшего в Дедюхинском заводе, “у первородящей дитя долго не родится” и повитухе

приходится применять разнообразные приемы. Начинает она с того, что берет трубку холста за “начинный” конец (с него начинали ткать) и под чтение “иисусовой” молитвы три раза макает его в ковш с водой, которой поит роженицу. “Если холщовое снадобье не начинает действовать, — повествовал далее о манипуляциях повитухи доктор Д. Петухов, — она берет кусок мыла, настругает его, сколько ей вздумается, в деревянное ведро, нальет туда воды поваренку, повертит воду в нем по уторам и выпаивает мыльный раствор роженице” Если это не помогало, брали лежащее под иконой пасхальное, преимущественно трехгодичной давности, яйцо, обмывали его в воде, которой снова поили роженицу (в Верхнеуфалейском заводе поили водой с обмытого ружья). Потом начинали поить ее постным либо деревянным маслом, толченым льняным семенем с водой или порошком с водой. Пытались открыть роды “через нечаянный испуг” выдвигали из переднего угла на середину избы стол, зажигали перед иконой венчальную свечу, которую хранили именно для таких случаев, водили роженицу вокруг стола или заставляли прыгать через лежащего мужа (в Верхнеуфалейском заводе, наоборот, муж шагал через жену). После этого к процессу родовспоможения активно подключался сам муж. Если он был сильным, то садил жену к себе на плечи, бегал с ней по избе и тряс, что есть мочи. При малосильном муже “роженицу кладут на пол, связывают ноги у лодыжек тряпичей, проводят меж ног опояску, которой и притягивают роженицу головой вниз, а ногами вверх к грядкам или палатному брусу на короткое время” В этот момент мучения беременной достигали своего апогея. “Подвешиванные рассказывали, — замечает Д. Петухов, — что во время висения у них меркло в глазах и они впадали в беспамятство” Если роды продолжались более трех суток, священника просили открыть царские врата. В Верхнеуфалейском заводе это была последняя мера, к которой прибегали, “когда ничто уже не помогает” ибо, по воспоминаниям жителей, “будто бы когда-то прежде это помогало” [87].

Истязания и столь сильнодействующие средства, как порох, постепенно исчезали из родовспомогательной практики. По наблюдениям М. И. Мизерова, известно, что в конце XIX в. среди жителей Красноуфимского уезда “российский обычай поить родильницу порошком, хотя и до сих пор держится, но слабо” [88]. Больше внимания стали уделять различным травам. В Верхнетуринском заводе для ускорения родов женщину поили настоем ромашки и речного плакуна, и если это не помогало, то давали щепотку измельченной до порошкообразного состояния спорыньи. В Саранинском заводе для возбуждения потуг роженицу поили отваром растения “петушки” [89].

Приняв младенца, бабушка первым делом обрабатывала его пуповину. Для выживания новорожденных это была очень важная процедура. При

криминальных родах стоило матери оборвать пуповину, ребенок умирал от потери крови. Официальное акушерство считало, что пуповину нужно перевязывать. Доктор Фелькнер советовал поступать в этом случае следующим образом: “Пупочный канатик острым орудием обрезать и толстой ниткой завязать по-надлежащему” Лучше, добавлял другой медик, если нитка будет “навощенная” [90]. Процедура повитух, как сообщал доктор Д. Петухов, была совершенно иной. “Повитухи не имеют обыкновения перевязывать пуповину при родах” — писал он. Обрезав пуповину в $1/4$ —2 вершках от пупа, дунув и плюнув на нее, они заговаривали кровь. Подобная практика, по мнению врачей, была далеко не безобидна. “Бывали примеры, — писал тот же Д. Петухов, — что дитя умирало в бане от пупочного кровотечения” или получало пупочную грыжу [91].

Если новорожденный “в жизни своей был опасен” бабка до прихода священника “погружала” младенца в воду и нарекала ему имя, опасаясь его смерти без крещения [92].

Окончание родов происходило после выведения последа (детского места). При его задержке повитухи Уткинского завода заваривали для родильницы чай из овсянки. В Саранинском заводе для изготовления средства, изгоняющего послед, бабушкам приходилось заниматься стряпней. Размочив дерябу, они рубили ее вместе с капустой, начиняли этой смесью пельмени и кормили ими роженицу. В Дедюхинском заводе они, как и при родах, начинали поить роженицу маслом, порохом, а также густым взваром льняного семени, но до пуповины, отмечал доктор Д. Петухов, “из опасения дурных последствий не дотрагивались” [93].

В обязанности повитух входило оказание помощи женщинам не только во время беременности и родов, но и в послеродовой период. “Все послеродовые болезни, как и большинство случайных заболеваний в продолжение первых шести недель после родов, ставятся в прямую зависимость от уменьшения или прекращения послеродовых очищений” — писал о жителях Красноуфимского уезда М. И. Мизеров. Для этого женщин после родов в Шемахинском заводе поили чаем из перелойной травы, отваром ромашки и “золотой головки” В Саранинском заводе готовили настойку на мокрице [94].

Маточное кровотечение образно называлось в народе “улевищем” В Шемахинском заводе его лечили отваром черныбыльника, если это не помогало, то растением под названием “богородицына слезка” Готовили лекарство уже не на воде, а на водке. При сильном кровотечении употребляли чай из растения “мыльце” Много знали разнообразных средств от маточного кровотечения жители Саранинского завода. Больных поили отваром или настойкой кровавика, петушка, лечили “головиком” и “атаман-травой” Набор трех разновидностей плакуна с “атаманом” считался самым

лучшим средством от “улевища” Воспаление влагалища и матки в Уткинском заводе лечили с помощью собранных во время цветения колокольчиков, настойкой повилики. Против белей использовали отвар многих растений: морковной травы, “белой сосульки” и пр. [95].

Если при родах обходились без повитухи, сам отец прикладывал хлебную корку к пуповине новорожденного и, перерезав ее на корке ножом, не перевязывал. Затем завертывал ребенка в тряпицу, “какая попадет на глаза, хотя бы то грязную” — замечал доктор Д. Петухов, клал на печь, предварительно дав соску из жеваного хлеба или пряника, завернутую в тряпку, и отправлялся топить баню, в которой мать уже сама обмывала младенца [96].

2.5. РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНАЯ ОБЯДНОСТЬ

Церковные обряды, связанные с появлением на свет новорожденного, начинались с “молитвы роженице” Произнесение ее считалось делом неотложным, и за попом отправлялись в любое время дня и ночи. С точки зрения церкви, это было “первое благословение матери и младенца” Народ склонен был рассматривать эту молитву скорее как очистительную. В Ирибитском заводе, например, все находящиеся в доме, где был младенец, считали нужным ее выслушать [97]. Отказ священника “обмолитствовать” младенца или волокита в этом жизненно важном деле могли послужить поводом для обращения с жалобой на него. Шайтанская заводская контора в 1763 г. доносила митрополиту, что их приходской священник, “егда случится послан будет с требами к родившемуся младенцу, то он по чиноположению церковному не исправя того, прежде требует себе за работу по 15, 20 к. и более. А без того младенца и обмолитствовать не хочет. А по крайней бедности неимущий даст за труды 5 к., тогда с превеликой и неподобной бранью обмолитствует” [98].

Духовное рождение ребенка происходило посредством таинства крещения. На него снисходила божья благодать, после чего ангелы могли отвращать от младенца различные опасности. В Нижнем Тагиле крестили, как правило, на третий день после рождения [99]. “Восприемников от святой купели” родители выбирали из своего ближайшего, не всегда родственного окружения, иногда совсем посторонних людей. В некоторых местностях круг людей, могущих быть ими, ограничивался. Так, в Верхне-уфалейском заводе полагали, что “женщина не праздная не должна быть восприемницей младенцев, если не хочет, чтоб плод ее в скором времени по рождении помер” [100]. Без уважительной причины отказываться стать восприемником было не принято, поскольку это считалось почетной обязанностью. Марфа Васильева “была приглашена принять от святой купели мла-

денца рожденного неизвестной ей женщины” Солдатка Невьянского завода Лукерья Смолина пригласила в кумовья своего знакомого Афанасия Нечкина. Житель Ревдинского завода Егор Шевелев в воспитанники к своему сыну позвал служителя заводской конторы Николая Люханова, а в воспитанницы “гг. Зеленцовых из дворовых девицу Филицету Николаеву” [101]. Крестили ребенка в доме. Дома же был крещен младенец того же завода Иван Козырин [102].

Крещение на дому священнослужители рассматривали как исключение. В большинстве случаев крестный отец и крестная мать, взяв младенца, отправлялись в церковь. Они же предоставляли необходимые для свершения обряда вещи. Кума — ризки, ситец, холст, кум — крест. За крещение с причтом расплачивался кум, а кума должна была дать попу “хороший” платок для обтирания рук [103]. Когда младенец рождался в рубашке-перепонке, жители Верхнеуфалейского завода “уверяли” что он будет счастливым, и изготовляли из нее во время крещения амулет. При погружении ребенка в воду старались обмакнуть эту оболочку в купели. Затем ее просушивали и, “свернувши в ком, привешивали на шею младенца ко кресту” [104].

При именовании руководствовались святцами. Тезоименитый святой становился небесным покровителем и заступником ребенка. Соблюдение данного обычая позволяло даже оспаривать записи метрических книг. Егор Шевелев из Ревдинского завода писал, что сын его “точно родился в 1818-м году в октябре месяце, так как имя ему наречено на память святых мучеников Карпа и Попилы в 5-е октября” [105].

Священники использовали этот момент для получения от родителей ребенка денег. Нарекая младенца именем, они не сообщали его отцу и матери. Поп Васильевско-Шайтанского завода говорил при этом: “Тогда-де объявлю, когда за молитву принесете” [106].

После обряда крещения родители младенца устраивали небольшое угощение. В Богословских заводах его проведение носило обязательный характер. “Хотя и бедного состояния родители, — сообщали оттуда в 1848 г., — стараются угостить воспитанников и родственников по возможности хлебным вином, а побогаче виноградным белым и красным винами, приготовить получше пищу” [107]. В Невьянском заводе гости поздравляли родителей “с новорожденным” выпивали поднесенную им рюмку вина и клали на поднос немного денег. Родильнице они желали быть здоровой, а отцу ребенка — “дите вскормить и на коня посадить” если новорожденный был мальчиком, или “за пряслицу посадить” если речь шла о девочке [108]. Затем обход гостей совершала повитуха. В Богословских заводах она подавала им по рюмке вина и получала по одной копейке серебром, но многие, отмечал наблюдатель, “за неимением

и просто пьют” [109]. Потом угощала их кашей (пшенной или рисовой в Нижнетагильском заводе, просяной или из всех круп — в Невьянском, крупяной или репной — в Богословских) [110]. Гости, отведав каши, снова вознаграждали ее за труды.

На уральских заводах был известен обычай ритуального кормления отца ребенка невкусной пищей в знак того, что “по его вине пришлось мучиться жене” В Ирбитском заводе это была тоже каша с соответствующими добавками: перца, соли, хрена, лука, уксуса и других приправ [111]. Сама церемония в середине XIX в. на Богословских заводах представляла из себя следующее: “Отцу по общему приговору обедающих приготовляют особенную ложку каши. Бабка подносит вино, а кумовья кашу, приговаривая: “Матери более достается при рождении младенца, а тебе не беда схлебнуть ложку каши” После чего, сообщает наблюдатель, отцы “мечают” ложку на полати [112].

Ближайшее окружение роженицы навещать ее “считало за обыкновенное” Родственники и соседи приходили не с пустыми руками. Они приносили пироги, пряники, пельмени, рыбу, овощи. В Нижнем Тагиле проводывающие вместе со сладким пирогом несли гостинец для роженицы. В Миасском заводе такое приношение называлось “на зубок” и состояло из пирогов и денег, которые клали под подушку [113].

Заключительным обрядом, связанным с рождением ребенка, было “размывание рук” Для роженицы и бабки его проведение носило очистительный характер. Происходила “размывка” после того, как повитуха делает родильнице последнюю баню. Роженица лила на руки бабке воду и в той же воде мыла свои, затем обе утирались одним полотенцем, которое по окончании церемонии дарилось бабке [114].

У горнозаводского населения Урала изучаемого периода внимание общества и властей к рождаемости в отличие от брачности приняло форму не ограничения, а попечения. Забота о репродуктивном здоровье женщин, жизни новых поколений со стороны обычного права выражалась в создании системы помощи женщинам начиная с беременности до окончания родов и даже в течение некоторого времени после них посредством повивальных бабок, в наличии у народной медицины значительного числа лечебных средств против гинекологических заболеваний, в придании беременной женщине особого статуса, охраняющего ее и плод (освобождение от тяжелой работы, осуждение насилия по отношению к ним).

Осуждение каноническим правом любого вмешательства в прокреационное поведение (даже при угрозе жизни женщины), признание посред-

вом таинства крещения ответственности родителей и церкви за судьбу младенца перед богом вносили свою лепту в поддержание высокого уровня рождаемости.

С помощью законодательства стремились предотвратить как аборты, так и детоубийство, отдавая забеременевших девок, солдаток и вдов на поруки. Кроме того, на горнозаводском Урале действовала беспрецедентная по масштабам того времени система поощрения рождаемости, во многом предвосхитившая мероприятия современной демографической политики.

Как это ни парадоксально, но заводчики были заинтересованы прежде всего в поощрении внебрачной рождаемости, ибо в XVIII в. незаконнорожденных разрешено было навечно оставлять при заводах. Для этого, во-первых, требовалось легализовать внебрачную рождаемость, во-вторых, обеспечить выживаемость незаконнорожденных. Поэтому в заводских поселках возникают приюты для младенцев и детские дома для детей постарше. Однако главный упор сделан на воспитание таких детей в рамках семьи, что значительно повышало степень их выживаемости. В силу этого среди горнозаводского населения широкое распространение получает институт усыновления подкинутых или отданных на воспитание детей, появляются прообразы семейных детских домов, матерям и приемным родителям оказывается материальная помощь (пособия на покупку молока, льготный провиант). При заводской медицине начинает формироваться акушерская служба. Реализация этих мер при наличии среди горнозаводского населения значительного количества солдаток и вдов увеличило число незаконнорожденных и привело к более терпимому отношению массового сознания к внебрачной рождаемости. Побочным результатом этого было увеличение свободы репродуктивного поведения женщин. Они могли рожать в браке и вне его.

Попечительские отношения между заводовладельцем и его рабочими объективно способствовали также сохранению высокой брачной рождаемости. По этому поводу В. Белов писал следующее: “Выдача провианта на всех малолетних, не исключая и только что родившегося, делало то, что каждый ребенок не составлял лишнего рта на один и тот же кусок, но, наоборот, своим появлением на свет вносил в семью улучшение в общем бюджете семейного хозяйства” [115].

Падение рождаемости, по крайней мере для российских ученых, во многом было и остается главным содержанием демографического перехода. По их мнению, ее снижение происходило следующим образом. При высокой рождаемости существовала “сцепленность” брачного, сексуального и репродуктивного поведения, т. е. процесс производства потомства рассматривался как неизбежное следствие нормальных половых отно-

шений в браке. Поэтому через брачность можно было регулировать рождаемость. Затем перечисленные виды поведения обособляются, репродуктивное поведение становится автономным, и человек исходя из своих жизненных обстоятельств решает, сколько иметь ему детей. Регуляция рождаемости через брачность становится неэффективной, и общество может влиять на репродуктивные установки людей, воздействуя на их жизненные обстоятельства средствами демографической политики [116]. “Важно понять, — пишет А. И. Антонов, — что в прежней “сцепленности” типов поведения таится разгадка регуляционного механизма высокой рождаемости” [117].

Сопоставление данной схемы с реалиями горнозаводского Урала XVIII—XIX вв. выявляет ряд различий. Прежде всего, в условиях Урала нельзя говорить о “сцепленности” различных видов поведения. Как было показано в первой главе, среди заводских жителей в массовом масштабе существовало автономное брачное поведение и столь же автономное от брачного и репродуктивного сексуальное поведение. Наиболее традиционным оставалось репродуктивное поведение. Статистика мертворожденных косвенным образом свидетельствует о том, что средства прерывания беременности и даже существовавший разряд знахарок, специализирующихся на производстве выкидышей, значительно не влияли на рождаемость.

В таких условиях обеспечить высокую рождаемость только через брачность становится уже невозможно. Пребывание значительной части женщин фертильного возраста во внебрачном или вдовом положении изымало их из процесса деторождения и тем самым снижало рождаемость. Данная ситуация наглядно показывает, что традиционный способ регуляции рождаемости косвенно ее ограничивал.

Механизмы демографической политики, использованные заводскими властями для снятия данного ограничения, напоминали современные. Они были направлены на улучшение жизненных обстоятельств горнозаводского населения, прежде всего одиноких женщин. Сохранение высокой рождаемости и стабильность ее показателей вплоть до конца XIX в. при постоянном увеличении доли незаконнорожденных свидетельствуют об их достаточной эффективности. Только акушерская служба не смогла отбить практику у повитух. Детородный акт относился к “женской” сфере, продолжавшей оставаться закрытой для нововведений и наиболее традиционной.

Реалии горнозаводского Урала XVIII—XIX вв. показывают, что при сохранении установок на многодетность введение механизма регуляции рождаемости воспринимается как снятие ограничений традиционного, благодаря чему происходит не снижение, а повышение рождаемости.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 46—47.
2. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 194.
3. Предтеченский В. Ф. Камбарский завод... С. 29—30.
4. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 102. Л. 209 об.—210, 253 об.—254; Д. 235. Л. 6 об.—7; Д. 236. Л. 347 об.—348, 374; Д. 315. Л. 342.
5. Рума Р. Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияние его работ на здоровье рабочих // Сб. работ Пермской земской станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 13.
6. Белоголов М. Важный общественный недуг в нашем крае // Оттиск из ПГВ. 1881. № 41—47, 50, 51, 53, 55, 56, 66, 67, 70, 75, 77. С. 35—36.
7. Там же. С. 72—92.
8. Петухов Д. Бабничанье // Медицинский вестник. 1863. № 23. С. 216.
9. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 246.
10. Котелянский Б. О Десять чревосечений и 4 экстирпации матки через влагалище, произведенные в 1887—1888 гг. // Оттиск из Медицинского обозрения. 1889. № 6. С. 8, 10, 11, 15, 16, 20.
11. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 246.
12. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 2. С. 542.
13. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 480. Л. 12 об.—13.
14. Белоголов М. Важный общественный недуг... С. 29, 31.
15. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1315.
16. Там же. Д. 1452.
17. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 47.
18. Там же. С. 47—48; Говорливых З. Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 296.
19. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011. Л. 18 об.—19; Д. 1712; Д. 1486. Л. 17 об., 39; Д. 1655. Л. 16 об.
20. Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 237—240.
21. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 658. Л. 11 об.
22. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 49.
23. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1482. Л. 13; Д. 1547. Л. 7
24. Там же. Д. 858.
25. Там же. Д. 859.
26. Там же. Д. 1432. Л. 46; Д. 1591. Л. 4 об.; Ф. 105. Оп. 2. Д. 9. Л. 16, 20, 21.
27. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1432. Л. 25 об., 46; Д. 1591.
28. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 15 об.; Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской академии наук. СПб., 1770. Ч. 2. Кн. 1. С. 253.
29. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 858.
30. Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 238.
31. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 49.
32. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 15 об.
33. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011. Л. 19, 19 об.

34. Там же. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 238.
35. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1615. Л. 9 об.
36. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 189.
37. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 640. Л. 3,6 об.
38. Крылов П. О народных лекарственных растениях... С. 83.
39. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1615. Л. 10.
40. Там же. Д. 1486. Л. 28 об.—29.
41. Там же. Л. 28 об.; Д. 1615. Л. 10 об.
42. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 41.
43. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 893. Л. 42; Д. 1337. Л. 3 об.
44. Там же. Д. 781. Л. 6 об.—7 об.
45. Там же. Д. 551. Л. 3.
46. Мамин-Сибиряк Д. Н. Могилки // Золото: Роман. В дороге: Очерки и рассказы. Свердловск, 1982. С. 353.
47. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 29.
48. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1658. Л. 14 об.
49. Чупин Н. К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине // Сборник статей, посвященных Пермской губернии и помещенных в неофициальной части Губернских ведомостей в период 1842—1881 гг. Пермь, 1882. Вып. 1. С. 111.
50. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 895.
51. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1190. Л. 2 об., 19—20.
52. Там же. Л. 1; АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 об.
53. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1616. Л. 22 об.
54. Предтеченский В. Ф. Камбарский завод... С. 30.
55. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 48; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 195.
56. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1616. Л. 4.
57. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 893.
58. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4; Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 187.
59. Говорливых Э. Медико-топографический очерк... С. 290.
60. Петухов Д. Бабничанье... С. 215; Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 275.
61. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1312.
62. Там же. Д. 1249. Л. 12—12 об.
63. Там же. Д. 399. Л. 7.
64. Петухов Д. Бабничанье... С. 215—216.
65. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 893. Л. 18; Белоголов М. Важный общественный недуг...
66. ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 89.
67. Доклад Красноуфимского земского медицинского совета XII Очередному Красноуфимскому уездному земскому собранию // Приложение к журналам XII Очередного Красноуфимского уездного земского собрания. Доклады и статьи по медицинской части за 1881 г. Кунгур, 1882. С. 43; Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария в Пермской губернии // Труды VIII съезда врачей Пермской губернии. Доклады съезду. Пермь, 1902. Ч. 2. С. 104—105.
68. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1655. Л. 16 об.
69. Там же. Д. 859. Л. 3—3 об.

70. Там же. Д. 893. Л. 5; Д. 1612. Л. 25.
71. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 15 об.
72. Доклад Красноуфимского земского медицинского совета... С. 43; Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 104—105.
73. Белооголов М. Важный общественный недуг... С. 1—2.
74. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 859. Л. 5 об.
75. Там же. Д. 1315. Л. 8.
76. Белооголов М. Важный общественный недуг... С. 34—35.
77. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1337. Л. 3 об.
78. Там же. Д. 893. Л. 18.
79. Петухов Д. Бабничанье... С. 215—216.
80. Белооголов М. Важный общественный недуг... С. 2—4.
81. Петухов Д. Бабничанье... С. 215.
82. Там же.
83. Белооголов М. Важный общественный недуг... С. 4.
84. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.
85. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 398; Белооголов М. Важный общественный недуг... С. 5.
86. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1452. Л. 41; Д. 1453. Л. 6 об.; Д. 1615. Л. 44.
87. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4; Петухов Д. Бабничанье... С. 215—216.
88. Мизеров М. И. Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 273.
89. Там же; Крылов П. О народных лекарственных растениях... С. 45, 92.
90. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 158. Л. 12; Белооголов М. Важный общественный недуг... С. 24.
91. Петухов Д. Бабничанье... С. 216.
92. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 859. Л. 29.
93. Петухов Д. Бабничанье... С. 216; Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 273.
94. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 248, 260, 261, 265, 267.
95. Там же. С. 260, 262, 264—267, 269, 272; Крылов П. О народных лекарственных растениях... С. 262, 264—265, 272.
96. Петухов Д. Бабничанье... С. 215.
97. Удинцев И. Ирбитский завод. С. 398.
98. Материалы для истории... ЕЕВ. 1893. № 32—33. С. 784.
99. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 66.
100. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.
101. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476. Л. 9; Ф. 12. Оп. 1. Д. 1432. Л. 48; Д. 1465. Л. 9.
102. Там же. Д. 476. Л. 7 об., 9.
103. Материалы для истории... // ЕЕВ. 1893. № 32—33. С. 784; Удинцев И. Ирбитский завод... С. 398—399.
104. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4.
105. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476. Л. 7 об., 9.
106. Материалы для истории... // ЕЕВ. 1893. № 32—33. С. 784.
107. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
108. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 28—28 об.

109. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
110. Там же; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 28 об.; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 66.
111. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 398.
112. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.
113. Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16. Л. 111; ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 27 об.—28; Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 66. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 399.
114. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 66.
115. Белов В. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896, С. 70.
116. Вишневский А. Г. Демографическая революция. С. 115—116, 122—125, 158—159.
117. Антонов А. И. Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М., 1986. С. 22.

3.1. СТАТИСТИКА СМЕРТНОСТИ

Календарная статистика Подобно рождаемости смертность горнозаводского населения Урала имела вполне стабильные демографические показатели. Однако степень этой стабильности иная.

Как свидетельствует табл. 17, в начале XIX в. на одного умершего приходилось 36,03 жителя Верх-Исетского завода, в 1846 г. этот показатель у жителей Выйского прихода отличался всего на несколько сотых, составляя 36,36 человек. Немного меньше — 32,93 жителя — он был в 1853—1855 гг. на Петропавловском заводе. Однако на ряде заводов уже в середине XIX в. значительно изменилось отношение числа умерших к общей

Таблица 17

Доля умерших в горнозаводском населении Урала (XIX в.)

Местность	Годы	Число умерших на одного жителя
Верх-Исетский завод	1800—1813	36,03
Выйский приход	1846	36,36
Петрокаменский завод	1853—1855	32,93
Быньговский завод	1853—1855	27,79
Невьянский завод	1853—1855	23,53
Чермозский	1855—1866	22,5
Миасский	1856	26,44
Васильевско-Шайтанский завод	1870—1889	27,92
Полевской завод	1888—1892	25,66
Северский завод	1888—1892	25,24
Сысертский завод	1888—1892	20,94
Камбарский	1890—1899	32,0
Кушвинский приход	1900	20,0

Примечание. По данным: Говорливых З. Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 298; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 197; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: Санитарно-статистический очерк. Пермь, 1901. С. 37; Расчеты автора: Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1067; 1894. № 6. С. 156; № 17—18. С. 436; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 658. Л. 20—21 об.; Ф. 101. Д. 1. Л. 156 об.—157; Д. 575. Л. 37 об.—38; Ф. 607 Оп. 1. Д. 54. Л. 102, 104, 106; АГО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 16. Л. 132 об.

Таблица 18

**Отношение числа жителей Кусье-Александровского завода
к числу умерших (1838—1875 гг.)**

Годы	Число умерших на одного жителя
1838—1842	19,81
1843—1847	17,04
1848—1852	19,25
1853—1857	20,34
1858—1863	17,28
1865—1870	20,27
1871—1875	17,63

Примечание. Расчеты автора: Хлопин Г. Движение населения Кусье-Александровского завода Пермской губернии и уезда с 1838 по 1875 г. // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 301—302.

численности населения: так, в 1853—1855 гг. в Невьянском заводе оно составило только 23,53, в Быньговском — 27,79, в Миасском заводе в 1856 г. данный показатель равнялся 26,44. Однако особо неблагоприятное положение сложилось в 1855—1866 гг. на Чермозском заводе, где на одного умершего приходилось всего 22,5 жителя. Уменьшение относительного показателя, свидетельствующее о росте смертности, оказалось долговременной тенденцией. В Васильевско-Шайтанском заводе в 1870—1889 гг. на одного умершего приходилось 27,92 жителя, в Полевском и Северском в конце XIX в. соответственно 25,66 и 25,24. А в Сысертском заводе к этому времени он был еще ниже: 20,94 жителя на одного умершего. Самого минимального значения этот показатель достиг в 1900 г. у жителей Кушвинского завода. Исключением являлся Камбарский завод, где отношение жителей к числу умерших в конце XIX в. было вполне сопоставимо с данными на начало века.

Тщательный анализ сведений о смертности жителей Ижевского завода, предпринятый И. Андржеевским, свидетельствует о том, что с 1840 по 1878 г. данный показатель постоянно колебался в границах от 15,5 до 30,5 человек на одного умершего, составляя в среднем 23,06. В этих колебаниях автору удалось обнаружить некоторую периодичность. “Можно различить впрочем, — писал он, — большие и меньшие возвышения (maxima) смертности, но замечательно, что и те и другие приходятся ровно через десять лет: первыя: в 1843, 1853 и 1863 гг., вторыя в 1847, 1857 и 1867 гг. К первым следует присоединить и 1833 г.” [1]. Показатели смертности жителей Кусье-Александровского завода в этот же период времени были намного хуже (табл. 18). Уже в 1838—1842 гг. в среднем один умерший

там приходился почти на 20 жителей. По сравнению с данными по Ижевскому заводу вариации показателей весьма незначительны: с 17,04 до 20,34 человека на одного умершего.

Итак, величина отношения умерших ко всему населению позволяет проследить динамику погодовой смертности горнозаводского населения Урала за XIX столетие. Она включала в себя два этапа, границей между которыми следует признать середину века. Внутри этапов этот относительный показатель отличался стабильностью, но в первой половине XIX в. ситуация со смертностью была несколько лучше, чем во второй.

Сезонная статистика Достоверные данные о сезонном распределении смертей среди горнозаводского населения появились во второй половине XIX в. Наиболее ценны те из них, которые учитывали половозрастную структуру смертности. Доктор И. Андржеевский проанализировал влияние времен года на смертность жителей Ижевского завода в 1860—1878 гг. по рубрикам: общая смертность, смертность до 5 лет, от 5 до 15 лет, от 15 до 50 лет (и за этот же возрастной промежуток для каждого пола отдельно), после 50 лет. Увеличение детской смертности отмечалось начиная с марта и до августовского максимума, затем она снижалась до февраля. Смертность детей от 5 до 15 лет являла собой совершенно обратную картину, за исключением августа, в котором также наблюдался рост числа умерших. Мужчины чаще всего умирали в декабре, январе и апреле, а минимум в их смертности соответствовал летним и осенним месяцам. Смертность женщин всю первую половину года сохраняла тенденцию к падению, достигая в июле минимума, а уже в следующем месяце — максимума. В оставшиеся месяцы года она была неустойчивой, но довольно высокой. Смертность пожилых людей соответствовала смертности детей в возрасте от 5 до 15 лет. Распределение по временам года всех случаев смерти, по данным И. Андржеевского, зависело от детской смертности, которая численно преобладала [2].

На основе данных по Васильевско-Шайтанскому заводу за 1870—1889 гг. подобный анализ был осуществлен А. Топорковым. При сохранении максимума в августе, периоды подъема и спада детской смертности в этом заводе не так прямолинейны, как в Ижевском. Смертность детей от 5 до 15 лет также понижалась с февральского максимума вплоть до июля, но в августе вновь наблюдался рост. Как и в Ижевском заводе, большая часть мужчин здесь умирала в первой половине года, и минимум мужской смертности приходился на июль, август. В отличие от ижевских женщин жительницы Васильевско-Шайтанского завода несколько чаще умирали в первую половину года, хотя минимум их смертности также отмечался в июне. Смертность пожилых людей в Васильевско-Шайтанском заводе подобно Ижевскому весьма сильно напоминала смертность детей от

5 до 15 лет. С февральского максимума она плавно снижалась к июльскому минимуму. Сезонность общей смертности в этом заводе также соответствовала детской. С января по март она росла, затем понижалась до июньского минимума, после чего наступал августовский максимум, в сентябре ее падение вновь достигало почти минимальных значений, а с октября начинался новый подъем [3].

Для характеристики сезонной смертности в конце XIX в. воспользуемся данными В. Ф. Предтеченского по Камбарскому заводу за 1890—1899 гг. По сравнению с жителями двух предыдущих заводов, здесь смертность населения имела наибольшие отличия. Во-первых, максимум детской смертности из-за эпидемий скарлатины сместился с лета на октябрь. Во-вторых, смертность детей от 5 до 15 лет, имея максимум в августе и минимумы в феврале и декабре, весьма напоминала детскую смертность в Ижевском заводе. Наибольшее сходство с жителями двух первых заводов обнаруживает смертность пожилых людей. Ее первый максимум, как и в Ижевском заводе, приходился на февраль, а равный ему второй наступал в августе. К сожалению, по данным Камбарского завода нельзя сравнить смертность мужчин и женщин, так как В. Ф. Предтеченский не распределил ее по половому принципу. Общая же смертность по Камбарскому заводу с минимумом в апреле и максимумом в августе не имела ярко выраженных признаков смертности определенной возрастной группы [4].

Наличие общих черт при некоторой разобщенности данных о сезонном распределении смертей позволяет предположить, что во второй половине XIX в. наиболее типичной была зависимость общей смертности от распределения случаев детской смертности с преобладанием в июле и августе.

3.2. ДЕТСКАЯ СМЕРТНОСТЬ

Структура смертности зависит от возраста и пола, поэтому изучается по отдельным возрастно-половым группам: дети, женщины и мужчины.

Дореволюционные исследователи горнозаводского населения Урала постоянно говорили не только о численном преобладании случаев смерти детей до пяти лет, но и о формировании представлений об общей смертности в зависимости прежде всего от смертности детской. По поводу сезонного распределения смертей в Ижевском заводе доктор И. Андржеевский писал, “что кривая общей смертности есть как бы повторение кривой, изображающей распределение смертности в детском возрасте, что происходит, конечно, от подавляющего численного преобладания этой последней, за которым исчезают характеристические колебания всех прочих кривых линий” [5]. Подобные утверждения требуют отдельного рассмотрения смертности в детском возрасте.

Для детского возраста был характерен так называемый “парадокс” детской смертности. Если для взрослого с возрастом вероятность умереть увеличивалась, то для ребенка она, наоборот, падала. В традиционном обществе эта “парадоксальность” усиливалась благодаря огромному размаху детской смертности.

В Васильевско-Шайтанском заводе за 19 лет (с 1870 по 1889 г.) доля умерших детей в общей смертности была не ниже 56 %, а в отдельные годы поднималась до 75 %, т. е. составляла $\frac{3}{4}$ всех умерших. Так, в 1874 г. она равнялась 75,98, в 1878 г. — 76,53 % [6]. В последние годы XIX в. положение не изменилось. В 1882—1885 гг. на Мотовилихинском сталепушечном заводе 69,69 % общей смертности падало на возраст от рождения до пяти лет [7]. За 1888—1892 гг. в Сысертском заводе смертные случаи среди детей в группе 0—5 лет составляли свыше 65 % от общей смертности, в Полевском — 60 (или $\frac{3}{5}$), в Северском — 63 % [8]. Неизбежно возникает вопрос о причинах столь высокой смертности.

Статистика смертности (по причинам смерти) берет свое начало в метрических книгах, где “противу каждого умершего, — сообщал в Пермских губернских ведомостях священник А. Л., — обыкновенно показывается род болезни, которая была причиной смерти” [9]. Медицинская экспертиза трупов осуществлялась только при судебном разбирательстве, в остальных случаях дьяконы и причетники записывали причину смерти со слов родственников умершего. В медицине не сведущи были ни те, ни другие. В результате материалы церковного учета содержат народную классификацию болезней, чуть подправленную церковью. Статистическая обработка этих сведений (смертности по причинам смерти) крайне затруднена, а порой и невозможна. Весьма эмоционально высказался на этот счет упомянутый А. Л.: “сплошь да рядом можно видеть в метриках отметки: умер от реву, как будто рев есть недуг, — от худобы, Бог знает от какой, — от худобища, еще более непонятно, — от натуральной, как будто есть болезнь какая-то натуральная, — от родимца. В одном селе, когда не знают, от чего кто помер, то пишут большей частию от худобы, в другом — от худобища, в третьем — от родимца, в четвертом — от младенческой слабости, в пятом — от натуральной, или естественной, от которой умирают будто бы и младенцы, только не пишут: от уроков, от дурного глаза, от порчи” [10] (потому что церковь считала это предрассудками и суевериями). Случалось, что и они попадали в метрики. Священник Владимир Земляницын, обрабатывая метрические книги Верх-Исетского завода за 1800—1813 гг., наряду с записями от “худобы”, от “худобища” и “от крику” встретил “от сглазу” [11].

Сама запись показаний населения священнослужителями таила в себе немало возможностей для фальсификации сведений о причинах смерти.

Наблюдавший ее, Р. Н. Рума рассказывал следующее: “Стоит причетник около метрической книги и спрашивает крестьянина, принесшего маленький гроб из другой деревни: “От чего умер?” и получает в ответ: — А кто его, батюшка, знает” — “Поди от оспы?” — “Должно, батюшко, от оспы” После этого причетник со спокойной совестью заносит в графу о причине смерти: “от оспы” На мой вопрос, почему он подсказал крестьянину “оспу”, причетник объяснил мне, что дети большей частью мрут или “от оспы”, или “от грыжи” или “от рвоты” или “от поноса” Я пытался ему объяснить, что если он всегда так спрашивает родственников, то неудивительно, что дети умирают именно только от этих болезней. В конце концов причетник объяснил мне, что эта “запись немалого значения не имеет, потому что крестьяне все равно зря покажут, не будучи сами в состоянии определить действительной болезни, следовательно, как его ни спрашивай, всё равно ничего хорошего выйти не может” На основании этого Р. Н. Рума требовал совершенно отказаться от использования метрик, сведения которых не заслуживают доверия ни с качественной (классификацию болезней, содержащуюся в них, “ни одна медицина не знает”), ни с количественной (из-за “подсказки” священнослужителей) стороны [12].

Прием ретроспективного анализа — использовать сведения медицинской статистики конца XIX — начала XX вв., когда детская смертность была еще высока, и сопоставить названия болезней официальной медицины с народными, также не корректен, поскольку медицина не переименовывала автоматически народные названия, а создавала свою классификацию болезней на основе научных принципов. Показателен приводимый врачом М. И. Мизеровым пример с таким заболеванием, как ревматизм. “Ревматизм, — пишет он, — народная медицина в самостоятельную болезненную форму не выделяет. В группу “ломи”, “костяной грыжи” входят как мышечный, так и суставной ревматизм, так и костные страдания вторичного и третичного сифилиса” [13]. Даже зная, что включает в себя народное понятие “ломи” определить, в каком случае речь идет о ревматизме, а в каком о сифилисе, а тем более выяснить долю того и другого, не представляется возможным.

Помня об этих трудностях, попытаемся разобраться в загадочных названиях детских болезней. Записи “от рева” “от крику” не несут информации о причинах смерти, указывая “на следствие недуга или выражения боли” Замечания типа “от сглазу” “от порчи” говорили скорее о причинах не столько смерти, сколько самой болезни и должны были акцентировать внимание на том, что она не естественная, а получена или наслана, или “посажена”, например, от недоброго человека. Так, в Дедюхинском заводе верили, что “порча, уроки и призоры” происходят “от худого глаза, злого языка, нечистой силы” [14]. Напротив, название “натуральная”

“естественная” должно было свидетельствовать, что заболевание возникло естественным путем, и в то же время подчеркивать ненасильственный характер смерти.

Более информативно понятие “худоба” Е. А. Покровский на основании данных, присланных ему со всей России (в том числе от его корреспондентов из Пермской губернии), считал худобу начальной стадией болезни сухотки. “Под этим именем, — сообщал он, — народ понимает различные степени похудания тела. Самую легкую степень похудания он называет худобой” Последней ее степенью была так называемая “собачья старость” [15]. В работе М. И. Мизерова и Н. Л. Скалозубова также сказано, что “собачья старость — результат хронического похудания ребенка, будет ли то рахит, туберкулез и т. п.” [16]. Следовательно, для медицины под понятием “собачья старость” скрывалось несколько болезней. Столь же многозначным было для Урала понятие “худоба” что подтверждало наблюдение священника А. Л. о наличии “чуть не в каждом селе своего лексикона болезней” “В Оханском уезде, — пишет он, — “под худобой понимают не сухотку или истощение сил, а какую-то другую худобу” [17]. Эта “другая худоба” проявлялась в припадках. П. Крылов сообщает, что под “худобой”, “худобищей” народ понимает падучую и некоторые другие болезни [18]. В Красноуфимском уезде в конце XIX в. худобище также было одним из названий падучей болезни [19]. В литературе по Уралу, начиная с Н. С. Попова, худоба считалась аналогом такого детского заболевания, как “родимчик” М. И. Мизеров и Н. Л. Скалозубов сводят и родимчик, и худобище к научному понятию “эклампсия” [20]. Состояние, подобное внезапному экламптическому припадку и характеризующееся судорогами конечностей и всего тела, цианозом из-за асфиксии дыхания, бессознательным состоянием, могло быть проявлением рахита, спазмофилии, а также нарушений со стороны центральной нервной системы типа эпилепсии. Связь аналога эпилепсии — родимчика с нервными болезнями демонстрируют названия этой болезни — “переполох” “испуг” Они указывают на причину заболевания, происшедшего в результате какого-то нервного потрясения. Ночной испуг считался особой болезнью — “полуночицей”

Уроками, по наблюдениям доктора Д. Петухова, жители Дедюхинского завода называли “легкие формы воспалений, горячек и лихорадочных сыпей” Для их диагностики наливали в бурок воды, крест на крест прорезывали ее крестом или ножом и клали угли. Шипение углей было верным признаком того, что ребенка “изурочили” [21].

По наблюдениям врача Чермозского завода З. Говорливого, за 1855—1866 гг. оказалось, что “смертность детей на первом году жизни обыкновенно случается или в первые два месяца жизни, или в периоде прорезы-

вания зубов” [22]. В народе также считалось, что детский организм в первые дни после рождения не обладает жизнестойкостью. Если младенец умирал в первые дни жизни, считали, что он, как сын Агафьи Свиной из Каменского завода, умер “от слабости” [23]. По причине “слабости” в Воткинском заводе за 1891—1895 гг. скончалось 583 новорожденных [24]. Если сразу после рождения бабка определяла, что младенец “в жизни своей был опасен” она, как это сделала в 1828 г. повитуха из Уткинского завода Анна Ермакова с сыном Елены Томиловской, “парила и прарила” его в бане [25].

Питание грудных детей оказывало самое непосредственное влияние на их выживаемость. По мнению врачей, недостаток материнского молока и ранний прикорм губительно отражались на здоровье младенцев. Так, в Кузье-Александровском заводе, по данным Г. Хлопина за 1891 г., период кормления грудью редко продолжался более одного года [26]. Врач З. Говорливых в 1870 г., осуждая порядок, существующий среди жителей Чермошского завода, писал: “Сама мать только изредка кормит ребенка грудью, отчасти вследствие нерадения, отчасти за недосугом, особенно в страдное время. Обыкновенно дадут ребенку в рот соску из белаго, а чаще черного хлеба, размоченного в молоке или воде, попят его жиденьким молоком или бражкой; если ребенок не спит, то поднесут ему настоя маковых головок и считают свое дело относительно ребенка сделанным; что же касается последствий, то ведь в жизни и смерти Бог волен. Есть дети, которые вырастают не зная вкуса молока. Последствиями подобной диеты являются вскоре: золотуха, английская болезнь, детский маразм, острые катарральные поражения желудка и кишечника, которые уносят более половины детей в преждевременную могилу” [27]. Священник Березовского завода также был уверен, что “причина огромной смертности в этом детском возрасте — скудное молоко и обильное всякими погрешностями питание детей рабочего населения” [28]. На то, что недостаток питания провоцирует болезни раннего детского возраста, указывал в 1876 г. врач Ижевского завода А. Романов: “Многие матери не докармливают своих детей за исчезновением молока в грудях. Видя, что количество молока у них уменьшается, они суют малютке соску из разжеванного хлеба или дают кашку из заварного кренделя. Употребление хлебной соски так укоренилось среди жителей, что трудно разубедить в сложившемся убеждении о невозможности выкормить ребенка на одном молоке без хлебной соски. Понятно, с хлебной жвачки, вкушаемой с первых дней своей жизни, ребенок начинает хилеть...” [29].

Если младенец “хирел”, народная педиатрия считала, что “к нему привязалась собачья старость” Авдотья Митрофанова из Туринского завода (начало XIX в.) была “в разные времена от женщин наслышана, что есть

ли которой младенец бывает одержим болезнью, называемой собачьей старостью, то тогда он его выпарить в бане вместе с собакой, потом подержать обмазанного в тесте в печи, то можно получить свободу” Когда отданный ей на воспитание “младенец мужеского полу Иван от роду один месяц” заболел, она истопила баню, взяла младенца и, поймав соседскую собаку, “в бане их обоих парила” При парении важно было соблюдать определенную очередность, в основе которой лежало сакральное число “три”: полагалось вначале три раза ударить веником по собаке, затем один — по ребенку. Процедуру повторяли до тех пор, пока ребенок не получал трех ударов.

На собаку, которую использовала Авдотья, будто бы в самом деле перешла болезнь. После парения она “сделалась хворою и через недолгое время издохла” к большому негодованию ее хозяина. Он ругал Авдотью за то, что она без спросу взяла его собаку и в конце концов донес в заводскую контору о применяемых ею способах лечения [30].

Женщина же решила попробовать вторую часть лечения и “перепечь ребенка” “Спеленав его сперва в тряпицу” “завернула з загибкою” в приготовленный из “аржаного” теста сочень, посадила “на полминуты часа” в холодную и нетопленную в тот день печь. По словам священника А. Топоркова, в Васильевско-Шайтанском заводе, напротив, эту лечебную процедуру совмещали со временем выпекания хлеба: “Младенца привязывают к лопате и, закутав его лицо тряпками, суют его на ней до трех раз в печь” В Иргинском заводе лицо ребенка оставляли открытым, а тело, как в Туринском, заворачивали в сочень из теста. Само перепекание происходило здесь под следующий диалог: “первый или последний ребенок в семье спрашивает: “Что перепекаешь?” “Собачью старость” — отвечает мать”

Запас лечебных средств против этого заболевания был весьма ограничен. Кроме перепекания М. И. Мизеров упоминает о существовании в Бисертском заводе “более нежного способа” — больного ребенка взвешивали на безмене “при тех же условиях” [31]. После полного курса лечения от “собачьей старости” воспитанник Авдотьи Митрофановой прожил недолго. Сначала, “по видимости” ее, “принял облегчение и жил еще три, а после того в четвертый уже день помре” Женщина не связывала причину его смерти с болезнью, а предписывала ее “воле Божией”

Второй вариант худобы — судорожные припадки — были одной из серьезнейших опасностей младенческого возраста. Если они обуславливались заболеваниями нервной системы, хорошо помогало окуривание. Повсеместно от “переполоха” или “испуга” младенцев окуривали чертополохом. В Верхнетуринском заводе для этих целей использовали три ладана: земляной — валериану, церковный и росный. Их клали на угли, дымом

которых окуривали “одержимого родимчиком” ребенка. Припадочного младенца “пользовали” различными травами. В Шемахинском заводе от “испуга” и эклампсии поили отваром чертополоха. В Артинском от чертополоха лечили отваром чернопалки. В Уткинском заводе собирали во время цветения растение под названием “черный воронец” и приготовленным из него отваром поили “при родимце”. В Саранинском заводе детей поили отваром “христового конопельишка”. Жители Верхнетуринского завода лечили от худобы травой под названием “казачок”. В Кыновском заводе с этой же целью использовали растение “курочки”. В Дедюхинском заводе “подверженного судорогам или обмороку младенца” всprыскивали холодной водой, “а слабого дитятю” окачивали ею в бане, приговаривая: “с гогля вода, с тебя худоба”. а лучше всего, по мнению жителей этого завода, подобное лечение было проводить на “родимом месте”, т. е. там, где родился ребенок [32].

“Полуночицу” заговаривали. Во время подкуривания больного ребенка головками травы “всполошницы” произносили: “Не щекочи пятки, не буди младенца, по утру рано, по вечеру поздно, среди белого дня”. В качестве симпатического средства детям на пятки ставили смолою крест, а под голову клали особые предметы: мальчикам — шило, девочкам — пряжу или щетку [33].

Помогали эти разнообразные средства далеко не всегда. В 1881 г. священник Березовского завода сообщал: “Процент смертности, особенно младенцев, бывает велик во все годы от родимца” [34]. Об аналогичной ситуации за 1861—1866 гг. в Туринской волости свидетельствуют данные табл. 19: в причинах детской смертности припадки экламптического характера под названием “родимчик” успешно конкурировали с поносом, дававшим в то время самый высокий показатель смертности детей.

Различали понос простой и кровавый. “Расстройство пищеварения, сопровождающееся спазматическими болями в животе и криками, — замечал священник Березовского завода А. Топорков, — именуется в народе “грызью” [35]. Более серьезное заболевание желудочно-кишечного тракта, сопровождавшееся наряду с поносом рвотой, называли “нутряной грыжей” [36].

Смертность детей от желудочно-кишечных заболеваний носила определенную сезонность. Как видно из табл. 20, в Васильевско-Шайтанском заводе наиболее “гибельными” месяцами для детей были февраль, март, июль, август.

Современникам была хорошо известна причина подъема детской смертности в летние месяцы. Большая смертность, падающая на июль и август, объяснялась, по мнению А. Топоркова, страдной порой. На Урале эта причина имела место не только в сельской местности, но и на заводах. Как

Таблица 19

**Смертность детей от поноса и родимца в Туринской волости
(1861—1866 гг.), чел.**

Причина смерти	1861	1862	1863	1864	1865	1866	Итого
От родимца	36	37	41	48	56	33	249
От поноса	12	18	56	23	9	14	132

Примечание. По данным: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 141.

Таблица 20

**Сезонность детской смертности в Васильевско-Шайтанском заводе
(1870—1889 гг.)**

Показатель	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
Кол-во смертей	218	237	238	210	151	166
Показатель	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Кол-во смертей	222	299	180	174	203	219

Примечание. По данным: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 198.

правило, их население имело покосы, некоторые — пашню, а женщины часто батрачили в страду у крестьян. Как пишет А. Топорков, “в страдное время, начинающееся в первых числах июля и кончающееся в августе, все жители за исключением токмо самых престарелых отправляются на покосы или уходят в поле” [37]. В Суксунском заводе были “дома обыкновенно дети и дряхлые старики, остальные на страде” Младенцев оставляли “на попечение” малолетков или “дряхлых и больных” старух, которые не могли обеспечить за ними “должного надзора” В результате “заброшенности” детей и плохого ухода за ними происходила вспышка желудочно-кишечных заболеваний [38]. “В страду, — писал священник Гр. Младов, — начинается для грудных младенцев ряд мучений” “Ребенок голодает, задыхается в собственных испражнениях, — продолжал ту же тему священник А. Топорков, — надрывается от плача. Приставница сует ему в рот грязную, прокисшую соску или разжеванный хлебный мякиш” Про аналогичную ситуацию, существовавшую в 1870 г. в Чермозском заводе, писал доктор З. Говорливых: “...грудные и малые дети, остающиеся дома под надзором старух или старших братишек и сестренки, расплачиваются болезнями и даже смертью за несоблюдение чистоты во дворах” “Летом

малолетняя и неразумная нянька, — рассказывал о мытарствах малышей доктор Дедюхинского завода Д. Петухов, — сажают детей на сырую и холодную землю, от чего нежные младенцы простужаются и получают поносы” [39].

Вспышки заболевания были так сильны, что уже в начале XIX в. попадали в поле зрения медицинских чиновников. Сошлемся на бумаги штаб-лекаря Екатеринбургских заводов. В них идет речь только о населении подведомственных ему предприятий. В июне 1800 г. в Полевском заводе Турчанинова “в малолетних детях в немалом количестве открылась болезнь кровавым поносом, от чего несколько из них умерло” В августе 1804 г. дети служителей и мастеровых Уктусских золотых промыслов и Нижнеисетского завода были “одержимы поносом простым, а другие и кровавым от простуды зависящим” У жителей Сысертского завода в июле 1806 г. умирали от кровавого поноса “младенцы обоего пола” В том же году с 4 августа начался понос у малолетних детей Пышминского завода, от которого к концу месяца “уже померло 6 человек” [40]. К середине XIX в. положение не изменилось. Ежегодно в июле и в августе “свирепствовал понос у детей” Ирбитского завода. В летние месяцы достигал “эпидемических размеров” кровавый понос в Дедюхинском заводе. Спорадически, в июне и в августе простой и кровавый понос появлялся у детей в Суксунском заводе [41]. Статистические данные по Туринской волости за 1861—1866 гг. (см. табл. 19) также показывают, что понос каждый год уносил большое количество детских жизней.

Было замечено, что в ненастное лето понос “случается реже” а чем жарче лето, тем больше детей страдало поносом. “В жаркое лето, — сообщал в 1870 г. о Чермозском заводе врач Э. Говорливых, — здесь почти эпидемически господствуют между детьми простые и кровавые поносы и даже детская холера и смертность от этих болезней бывает иногда очень значительная” [42].

При лечении этого заболевания широко использовали травы. В Верхнетуринском и Нижнебаранчинском заводах в качестве лекарства применяли “перелойную траву”, в Дедюхинском — “завязник” Когда в Уткинском заводе у ребенка начинался понос, то брали так называемую “грыжевую траву” и варили ее в молоке, потом поили больного этим снадобьем. Если оно не помогало, переходили на отвар “младенческой травы” В Саранинском заводе средством от кровавого поноса было растение “барашки” [43].

Из-за высокой смертности и “заразительности” болезней, симптомом которых являлся понос, им была вынуждена заниматься официальная медицина. О вспышке заболевания простым и кровавым поносом летом 1804 г. в Уктусе и Нижнеисетске было известно самому начальнику Екатеринбург-

ских заводов И. Ф. Герману. По его требованию штаб-лекарь заводов, оставив дела в госпитале, лично ездил осматривать больных детей, составил им список, назначил лечение и, откомандировав на место лекарского ученика, тщательно следил, как тот осуществляет его предписания. В 1806 г. Пермская врачебная управа распорядилась “принять приличествующие меры” к прекращению смертности детей от кровавого поноса в Сысертском заводе. Врачи прибыли на место происшествия, осмотрели детей и обнаружили “между оными одного только кровавый понос имеющего, а прочие или желчною горячкой или поносом простым, болезнями не заразительными, одержимы были” Сообщение об этом несколько успокоило управу [44].

Ни народные средства, ни ученые медики не могли справиться с этим заболеванием. В XIX в. оно оставалось главной причиной младенческой смертности. Так, в 1881 г. священник Березовского завода называл расстройство пищеварения самой распространенной болезнью грудных детей [45].

Выживаемость детей зависела от ухода за ними. Осуществлявшие его люди и сама мать нередко являлись причиной смерти малыша. Существовало даже понятие — “засыпание детей” Случалось это несчастье обычно ночью, когда, уставшая за день мать, давала заплакавшему младенцу грудь и, забыв ее отнять, засыпала. В результате ребенок задыхался. В 1838 г. Ульяна Комарова из Нязепетровского завода “для украшения от слез взяла из колыбели дочь свою, имеющую от роду один месяц, положила на постель, при чем дала ей грудь и через короткое время пробудившись от сна, обрела дочь свою уже умершей” “По неосторожности” приспала сына в 1816 г. жительница Березовского завода Авдотья Толстенева. “Дав ему грудную сосцу”, она уснула, а при ее пробуждении “онный младенец оказался уже мертв” [46]. Несмотря на это, материнский уход считался для младенцев наилучшим, а престарелые и малолетние няньки вызывали множество нареканий. В связи с этим на Урале рано возникла проблема работающей женщины-матери. Считалось, что в заводах женщины “сидели дома” Это было далеко не так. Женский труд широко использовался на частных или бывших ими некоторое время, а затем переданных в казну, заводах (Нижнетагильских, Златоустовских и пр.). Как приказчики ни пытались приукрасить положение, заявляя, что используются “единственно только те женщины, кои не имеют при себе малолетних детей и /не/ большесемейные” [47], были случаи привлечения к работам матерей, осуществлявших уход за детьми. Бытописатель Васильевско-Шайтанского завода сообщал, что в крепостную эпоху “не освобождались от работы даже женщины, имеющие грудных детей. Идя на работу, матери брали с собой и младенцев, которые во время работы помещались в хо-

лодной казарме, а зимой — в какой-нибудь вонючей избе, если младенец был еще слишком мал, то заботливая мать несла на работу и колыбель. Поместивши таким образом своих детей, матери поочередно стерегли и ходили за ними” [48]. В связи с массовым приходом женщин на заводы после 1861 г. положение обострилось. При отсутствии детских учреждений малолетних детей оставляли с няньками, которыми являлись свои собственные, немного подросшие дети. Те, особенно если это были мальчики, воспринимали уход за младшими братьями и сестрами как наказание и, по словам современников, “уняньчивали их до смерти”

Пережив опасные годы младенчества, к 2-3 годам организм ребенка становился крепче и не был столь восприимчив к болезням. Смертность в этом возрасте резко снижалась. Исходя из этого можно было бы ограничить детскую смертность возрастом от 0 до 1 года, но современники упорно повышали ее до 5 лет, находя 12 — 18 % смертности довольно “ощутительными”. Они были правы не только потому, что в последующие годы доля смертности снижалась до единиц, но и потому, что продолжали действовать те же самые причины — дети умирали от детских болезней, прежде всего от скарлатины, коклюша и оспы. Так, врач И. Андржеевский сообщал, что в Ижевском заводе одновременно существуют и почти никогда не переводятся четыре основные детские болезни: коклюш, корь, скарлатина и натуральная оспа. “Ни особенно обширного распространения, ни особенной злокачественности ни одна из этих болезней однако же не имела, но... каждая из них возвышала более или менее значительно % смертности”, — раскрывал он далее механизм их общего влияния на смертность [49]. Например, в Воткинском заводе за 1891—1895 гг. оспа унесла 211 детских жизней, примерно столько же — 200 человек — пришлось на долю скарлатины, летальность кори была значительно меньше — от нее умерли всего 152 человека, а от коклюша только 56 детей [50].

По наблюдениям медиков Дедюхинского завода, в середине XIX в. коклюш существовал там “во всякое время года”. В результате чего “всякой из детей, живущих вблизи завода, непременно когда-нибудь страдал коклюшем, убивающим иногда дитяню почти мгновенно”. Часто дедюхинских детей поражали острые сыпи — корь, краснуха, крапивка, скарлатина, “лопух” [51]. В Березовском заводе дети также часто заболевали острыми сыпями, корью, скарлатиной, однако в отличие от населения Ижевского завода — “с большим процентом смертности”. Напротив, в Кусье-Александровском заводе, по данным метрик за 1838—1872 гг., дети умирали от коклюша (111 случаев) и кори (97 случаев) и, “по-видимому, совершенно не было случаев смерти от скарлатины, очень мало от оспы” [52].

Скарлатину жители заводов часто относили к горячкам. Представление о масштабах этого заболевания в конце XIX в. дают сведения из Нижне-

и Верхнесаранинских и Камбарского заводов. Об эпидемии скарлатины в Нижнесаранинском заводе стало известно в конце января 1881 г. В феврале она достигла своего максимума и перекинулась в Верхнесаранинский завод, с марта начала ослабевать и прекратилась к концу июня. Переболело ею более 170 детей до 12-летнего возраста, летальные исходы составили 6,5 % [53]. Свиристествовавшие в Камбарском заводе эпидемии 1896 и 1899 гг. унесли соответственно 190 и 132 человека и совершенно изменили максимум детской смертности. Он стал зависеть не от желудочно-кишечных заболеваний грудных детей в летние месяцы, а от смерти малышей в возрасте 1—5 лет от скарлатины, что случалось в октябре и ноябре [54]. Доктор Д. Петухов описывал течение скарлатины, появившейся около 20-х чисел июня 1853 г. в Дедюхинском заводе, следующим образом: “железы сильно распухали и душили дитяtiu, быстро переходя в нарыв и вслед за тем в огромную гангренозную язву, в зеве же опухлость возрастала до того, что дитя, мучась жаждою, с жадностью пило квас, который не проникал у него в пищепприемник, а выходил через нос, издававший от себя гнилой запах и быстро переходивший в разрушение” [55]. Врачи жаловались земству, что при эпидемии в Саранинском заводе “применять более или менее разумные меры против распространения скарлатины было трудно; изоляция делалась только там, где была запасная изба; дезинфекция почти не применялась, по понятным причинам для всякого, кто знаком с бытом заводского народа и его взглядом на болезнь” [56]. Заводское население ограничивалось тем, что больного ребенка поили настоем растения “гортанка” им же полоскали горло (Артинский, Нязепетровский заводы) [57].

Не снижалась смертность от желудочно-кишечных заболеваний, так как вышедшие из младенческого возраста дети в страдную пору контролировались взрослыми еще меньше. Они, сообщал врач Суксунских заводов, “для утоления жажды в жаркое время употребляют холодное питье и таким образом простуживают желудки, но ближайшею причиною можно предполагать появившиеся в это время огородные овощи, зелень и ягоды, съедаемые детьми без всякой меры и разбора” В конце XIX в. врач В. Ф. Предтеченский так же говорил о маленьких жителях Камбарского завода: “...дети, проводящие лето на улицах, на свободе, понятно, пьют, что им вздумается, и это не может проходить бесследно для их кишечника” [58]. Изучение санитарных вопросов заставило медиков во второй половине XIX в. отойти от привычного объяснения причин летнего максимума детской смертности. “Хотя причину этих недугов, — рассуждал доктор Чермозского завода З. Говорливых, — должно искать в неправильностях детской диеты и влиянии жара, однако же, без всякого сомнения, миазматическое заражение играет здесь немаловажную роль” [59].

Главной причиной смерти детей в более старшем возрасте была оспа. Она “сопровождалась всегда почти многими сильными болезненными припадками и сверх того в оной не только красота лица и здоровье повреждаются, но и жизнь младенцев прекращается нередко” [60], — писал один из медиков. “Чтобы лучше высыпало” заразившихся оспой детей старались держать в тепле, с этой же целью их парили в бане. Этот же веник матери использовали для всех детей в семье, еще не переболевших оспой [61]. Данный народный прием являлся предшественником прививок, которые появились в начале XIX в.

Оспопрививание — одна из заслуг заводской медицины. Убедившись, что “привитая коровья оспа в отличие от человеческой происходит неприметно, не оставляя по себе никаких следов на лицах и в здравии ею болевших, и при этом от нее весьма редкие умирают, да и то разве тогда, когда другие какие-либо важнейшие болезни присоединяются”, медики развернули настоящую кампанию по привитию “искусственной” оспы. Пропагандируя прививки, медицинская коллегия рассылала по всем инстанциям “нарочитые книжки” и сочинения “о сем предмете” Не ограничиваясь этим, в циркулярах были даны тщательные рекомендации о том, как нужно делать прививку: “при начале у детей на внешней стороне ниже плеча каждой руки для прочности удержания делали ланцетом по три осторожнейших надлежащих насечения, в кои, вложив материю или кусочки оспенных нитей, покрывали корпиею, приличным пластырем и обвязкой; около осмаго дни, когда на подверженных привитию местах окажутся прищипки, то оные, открыв весьма бережно, без испускания крови, исходящую из них жидкость осторожно ланцетом снимать в приличные стекла и укупорить пристойным образом” [62]. “Оспенную материю, взятую от тех, кому привито будет”, врач мог использовать в дальнейшем сам или “пересылать от себя в ближние губернии” Так, в 1802 г. Екатеринбургскому штаб-лекарию Пермская врачебная управа предписывала: “по привитию и по снятию таковой же доставить оную оспенную материю подведомственным вам штаб-лекарию Пашу, лекарию Ворвинскому а также по близости вашей практикующему в Нижнетагильском заводе штаб-лекарию Машке” “Поступлению и переменам оспенной материи” нужно было вести “обстоятельный ежедневный журнал” а в управу доставлять ежемесячные сведения “как о числе, которым привита будет оспа, так и об успехе сего прививания” [63].

Врачи исходили из гуманных соображений: “облегчить страдания юных, слабых и пежных человек сих” Прежде всего их действия были направлены на пропаганду прививок среди населения: “объявляя выгодность жителям и безопасность оспенной коровьей материи прививания, стараться всеми силами ввести оную в употребление как в казенных, так и в пар-

тикулярных заводах” [64]. Однако осложнение эпидемиологической обстановки не позволило это сделать. В сентябре 1804 г. оспа “свирепствовала над младенцами” в Каменском заводе. В сентябре 1806 г. она “появилась на мастерских детях” Березовского завода [65].

Дискриминация идеи оспопрививания произошла по двум причинам: из-за недостатка опыта прививания и проведения его насильственным путем и полицейскими мерами. Стремление охватить прививками большое количество детей при недостатке вакцины приводило к делению ее на слишком маленькие порции. Когда их вкладывали в насечки, “выступающая кровь смывала оные” и оспа не прививалась.

Неудачное прививание способствовало тому, что народ не спешил нести детей к медикам. Когда в 1806 г. лекарь Березовского завода попросил жителей, “приготовить малолетов для прививки коровьей оспы”, его ждала неудача — “без приказания Главного начальника Г-на обергинттенфервальтера Тетюева собрать оных” не удалось. После нескольких подобных инцидентов екатеринбургский штаб-лекарь обратился в Горное начальство, “дабы оное” предписало всем заводским конторам по требованию врачей “через кого следует детей, оспы не имевших, в один или иногда по обстоятельствам в два дома для прививки оспы собирать и в случае нужд других делать со стороны пособия” Аргументировал он свою просьбу тем, что “затруднительно и по многим обстоятельствам даже не возможно было бы мне одному успеть исполнить столь важное и обширное дело в короткое время по всем казенным ведомства Екатеринбургского горного начальства заводам, есть ли бы принужденным нашел себя каждому дитяте прививать оспу в собственном его доме” Теперь медик ехал в эпидемический очаг и, первым делом “истребовав от конторы список детей тамошних жителей”, прививал искусственную оспу “всем, у кого еще не было естественной” [66].

Принудительная практика поначалу озлобила жителей, что проявилось даже в эпитетах, какие население присвоило данной болезни. Натуральную оспу считали “родимой” а искусственную окрестили “печатью антихриста” Затем заводчане привыкли и перестали уклоняться от оспопрививания, потом убедились в ее пользе и стали охотно давать прививать оспу своим детям и даже сами заботиться о прививках.

Священник А. Л., анализируя в 1860 г. смертность от оспы и кори в Оханском уезде, констатировал, что оспа чаще встречается в селах, чем в заводах [67]. Об этом же свидетельствовали статистические данные. В Нижнеисетском заводе на конец 1852 г. оставалось 11 непривитых детей, в течение следующего года к ним добавилось 202 младенца, из которых ни один не заболел натуральной оспой, 196 получили прививку и на конец 1853 г. не привитыми вновь оказались только 11 человек [68]. Сопоставление численности новорожденных с числом привитых детей в Ирбитском

заводе также показывает, что в 1853—1861 гг. большинство младенцев получали оспенную прививку (табл. 21).

Последним оплотом натуральной оспы среди заводского населения оставались раскольники, которые упорно уклонялись от ее прививки своим детям. На Нижнетагильских заводах, среди населения которых было много старообрядцев, заводоуправление решало эту проблему с помощью денежного поощрения. На каждого младенца, которому была привита оспа, выдавали 30 копеек серебром, а тому, кто разрешал снять с себя “оспенную материю” — 13 копеек [69]. В результате в 1870-е гг. врач В. Португалов констатировал, что “оспопрививание в Тагильском округе идет очень успешно” Однако он сообщал и противоположное: “На Туринских рудниках и вообще в Богословске оспопрививание почти совсем не производится” [70]. Справедливости ради следует сказать, что статистика по Богословской волости за 1861—1867 гг. указывает оспу как причину смерти всего в двух случаях [71].

Успех в борьбе с оспой сказался на показателях детской смертности. Если обратиться к данным конца XVIII в., когда прививок не делали, то окажется, что смертность детей от рождения до 5—6 лет была совершенно стабильной. В Нижнем Тагиле дети чаще умирали в первый год жизни (табл. 22). В Златоустовских заводах (табл. 23) смертность среди детей 2-3 и 5 лет была даже выше, чем у младенцев до года. И те и другие данные подтверждают наблюдения уже упомянутого А. Л. о том, что “оспа похищает преимущественно детей 4—10-летних” [72]. Как видно из табл. 24, в статистике детской смертности конца XIX в. появились два периода — от 0 до года и от года до 5 лет, резко различных по своим показателям (разница почти в 30%). Возможно, это различие явилось результатом оспопрививания. По сравнению с поносом оспа, как писал в 1862 г. священник Ирбитского завода, стала действительно редким явлением [73]. Хотя рецидивы имели место — в 1878 г. в Березовском заводе от натуральной оспы умерли 178 детей [74].

“Если присмотреться к быту крестьян, — рассуждал священник Евгений Золотов, — то можно прийти к заключению, что они ко всяким своим несчастьям относятся фаталистически. И редко сами собой, без побуждения внешних влияний, что-нибудь предпринимают относительно предохранения себя в разных несчастных случаях. Относительно смертности детей крестьяне редко предпринимают какие-нибудь предохранительные меры. Оправдание и утешение они находят в том, что так-де Богу угодно, — что больше Бога не будешь, что Бог посылает на них такое наказание или испытание за грехи” [75].

Предписывать народу такие качества, как пассивность и косность, объясняя их фатализмом по отношению к смерти и отсутствием мер по борь-

Таблица 21

Оспопрививание на Ирбитском заводе (1853—1861 гг.)

Показатель	1853	1854	1855	1856	1857	1858	1859	1860	1861
Кол-во привитых	93	89	85	103	96	75	111	80	85
Кол-во родившихся	103	111	130	114	114	114	119	119	94
Разница	10	22	45	11	18	39	8	39	9

Примечание. По данным: Удинцев И. Ирбитский завод // ПГВ. 1862. N 28. С. 399.

Таблица 22

Детская смертность в Нижнетагильском заводе (последняя четверть XVIII в.)

Год	Число умерших детей	Год	Число умерших детей
1782	20	1789	5
1783	31	1790	2
1784	14	1791	4
1785	9	1792	5
1786	1	1793	4
1787	1	1794	1
1788	4	Всего	101

Примечание. Из 352 детей, возраст которых в 1782 г. был от рождения до года. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 236, 315.

Таблица 23

Детская смертность в Златоустовском заводе (1795—1801 гг.)

Возраст, лет	Число умерших	Возраст, лет	Число умерших
До 1 года	10	7	8
1	5	8	4
2	21	9	5
3	36	10	1
4	10	13	1
5	18	14	1
6	13	Всего	133

Примечание. Расчеты автора: РГИА. Ф. 37. Оп. 16. Д. 249.

Таблица 24

Детская смертность на заводах Урала (XIX в.)

Завод	Годы	Доля умерших детей, %	
		До 1 года	От 1 до 5 лет
Ижевский	1860—1878	41,29	16,15
Сысертский	1888—1890	47,95	17,91
Полевской	1888—1890	48,46	11,91
Северский	1888—1890	47,24	16,54
Камбарский	1890—1899	34,9	18,1

Примечание. По данным: Андриеевский И. Болотные болезни на Севере: Медико-топографическое описание Ижевского оружейного завода. СПб., 1880. С. 57; Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1068; 1894. № 6. С. 157; № 17—18. С. 40; Предтеченский В. Ф. Камбарский завод: очерк. Пермь, 1901. С. 33.

бе с нею, не совсем верно. Предохранительные меры народной педиатрии были хорошо известны и задействованы с момента рождения ребенка. В Ирбитском заводе, например, как только в доме появлялся новорожденный, никому ничего не давали взаймы, аргументируя это тем, что “когда есть прибыль, не должно быть убыли” Чтобы повысить жизнестойкость детского организма, использовали обряд крещения, в частности, имянаречение. Обманывая смерть, давали ребенку имя первого встречного или звали этого человека в кумовья [76].

По всей России, в том числе и на уральских заводах, был распространен способ определения жизнеспособности младенца с помощью воскового шарика с волосами новорожденного. Восприемник бросал его в купель, примечая, потонет он или всплывет. Более простой способ был связан с плачем новорожденного. В Верхнеуфалейском заводе верили, если младенец “по вынятии из купели” заплачет, то будет “долговечен” С этой же целью производились другие гадания. Взяв на руки ребенка, следили за своими ощущениями: если младенец казался тяжелым, то он признавался неживучим, “даже если его общий вид производил благоприятное впечатление” Чтобы решить, будет ли жить ребенок, его поили водой “от подновления печати” которую получали после мытья просфорной печати. Окуривание тремя ладанами использовалось не только как лечебное, но и как диагностическое средство. Среди жителей Бисертского завода бытовало поверье, что если после этого ребенку станет хуже, его ждет скорая смерть [77].

В Молебском заводе 3 февраля в день святого Симеона Богоприимца возносили молитвы о сохранении здоровья младенцев. С этой же целью жительницы Березовского завода несли “во святую сороквосьмистицу и на

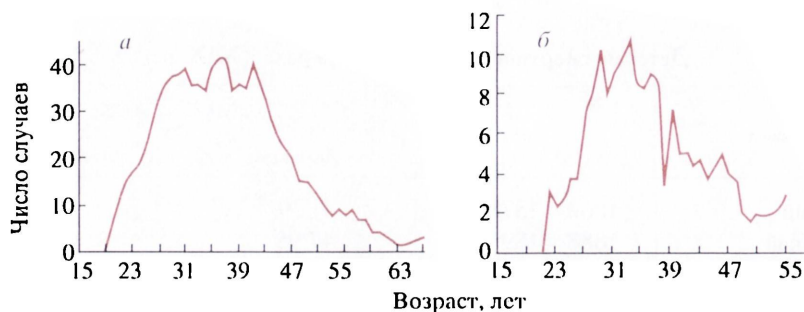

Рис. 4. Распределение случаев детской смертности по возрасту матери на Нижнетагильских (а) и Златоустовских заводах (б) (вторая половина XVIII в.)

пасхальной неделе” своих детей в храм, где стремились приобщить их к святым тайнам. Указывая на массовый характер данного мероприятия, священник Березовского завода сообщал, что “за каждой литургией бывает причащающихся младенцев 50—100” [78]. Подобные действия также можно рассматривать как превентивное средство по борьбе с детской смертностью.

Обвинение в пассивности также излишне. Все без исключения дореволюционные авторы признают, что матери проявляли настоящую самоотверженность в борьбе за жизнь детей. А фатализм в данном случае, что отчасти признавал сам Е. Золотов, был защитной психологической реакцией “нежных” родителей на смерть их детей. Распространенность подобной психологической защиты лишний раз указывает на то, что редкую семью обходило такое горе, как смерть ребенка. Ведь если священнику было “грустно видеть, когда в большом приходе каждый день приносят в цер-

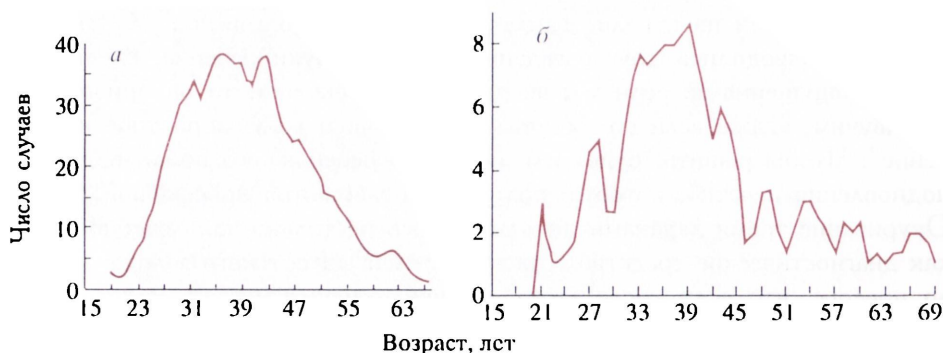

Рис. 5. Распределение случаев детской смертности по возрасту отцов на Нижнетагильских (а) и Златоустовских (б) заводах (вторая половина XVIII в.)

ковь по несколько умерших детей” то каково приходилось их родителям? Как видно из рис. 4, 5, в Нижнетагильских заводах во второй половине XVIII в. дети умирали особенно часто, когда их матерям было 26—43 года, а отцам 28—46 лет. Максимальные значения детской смертности в рамках этого периода приходились на 34—35-летний возраст отцов и 36—40-летний возраст матерей. В семьях, где родители были в более старшем возрасте, смертных случаев среди детей меньше.

Приведем конкретные примеры. В семье доменного работника Нижнетагильского завода Абросима Пухова выжили два первых ребенка, а третий умер в 5-летнем возрасте, когда самому Абросиму было 39 лет, а его жене 34 года. Трое детей, родившихся позже, также остались в живых. Такое же положение было в семье Супониных. Их пятый ребенок умер, когда отцу было 43 года, а матери 32. Еще двое детей, появившиеся на свет вслед за ним, остались живы. У жителя Висимоуткинского завода Андрея Разина в 1784 г. умерла младшая дочь. Андрею в это время было 37 лет, его жене 39 лет. Сын жителя Выйского завода Афанасия Киселева умер в 1794 г., когда Афанасию было 43 года, а его жене 45 лет. Последний ребенок в семье Карпа Иванова умер, когда ему было 45 лет, а его жене 44 года [79].

Аналогичным (см. рис. 4, 5) было распределение смертных случаев детей по возрасту их родителей на рубеже XVIII—XIX вв. в Златоустовских заводах.

3.3. СМЕРТНОСТЬ ВЗРОСЛЫХ

Рассмотрим смертность взрослого горнозаводского населения начиная с мужского. Как видно из рис. 6, у жителей Нижнетагильских заводов во второй половине XVIII в. количество смертных случаев нарастало с каждым годом их жизни, достигая наивысшего значения к 58—59 годам. Спад происходил также постепенно. Примерно через 8—10 лет на кривой виден еще один подъем смертности, более кратковременный и менее крутой, чем предыдущий. Затем кривая окончательно снижается.

У жителей Златоустовских заводов на рубеже XVIII—XIX вв. аналогичные параметры смертности. С 40-летнего возраста начинался постепенный подъем смертности, который достигал своего пика в возрасте мужчин 53—60 лет.

Различные условия труда в горнозаводской промышленности оказывали неоднозначное влияние на формирование повозрастной смертности. Эта черта, характерная для статистики смертности промышленных рабочих, проявилась на Урале уже в XVIII в. При проведении третьей ревизии (1763 г.) указывался род занятий мужчин, поэтому есть возможность вы-

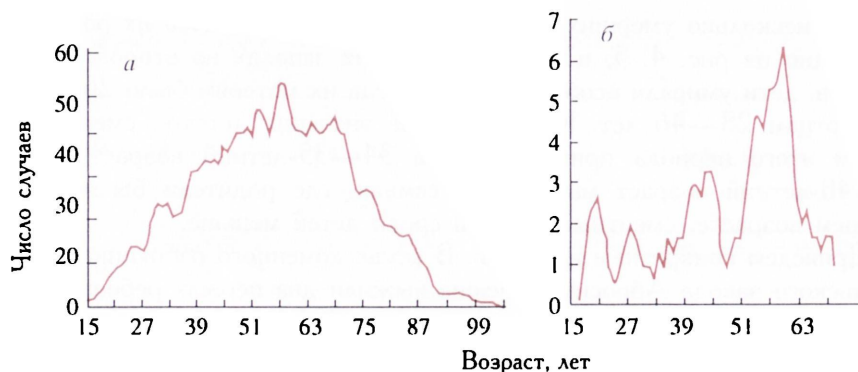

Рис. 6. Повозрастная смертность мужчин Нижнетагильских (а) и Златоустовских (б) заводов (вторая половина XVIII в.)

яснить повозрастную смертность не только всего мужского населения, но и отдельных профессиональных групп, прежде всего рассмотреть динамику смертности лиц, занятых в основных цехах и на вспомогательных работах.

Мануфактурное производство требовало много вспомогательных рабочих. На уральских заводах в XVIII в. соотношение занятых во вспомогательном и основном труде было примерно 3 к 1. На Нижнетагильском и Черноисточинском заводах с 1747 по 1795 г. умер 851 мужчина, род занятий которых был указан в ревизской сказке. Из них 625 человек были заняты на вспомогательных работах и только 226 — в основных цехах. Следовательно, общая картина смертности определялась за счет смерти лиц, занятых на вспомогательном производстве, а особенности смертности “фабричных” рабочих сглаживались. Как показывает сравнение (рис. 7), смертность в той и другой группах рабочих имела принципиальные различия. Смертность рабочих основных производств имела два максимума. Первый из них приходился на 40-е годы жизни мужчин и по величине был самым высоким. Таким образом, уход из жизни работников основных производств начинался в довольно раннем возрасте, и первый подъем кривой смертности показывает, что их умирало много. Поэтому характерный для других категорий населения пик смертности в пожилом возрасте у данной группы выражен не столь ярко. Смертность работников вспомогательных производств имела только один максимум, приходившийся на возрастную группу старше 50 лет. Следует отметить, что дожившие до старости работники основных производств, видимо, обладали выдающейся жизнестойкостью. В сравнении с пожилыми людьми, трудившимися ранее на вспомогательном производстве, они умирали позже — в 65—75 лет.

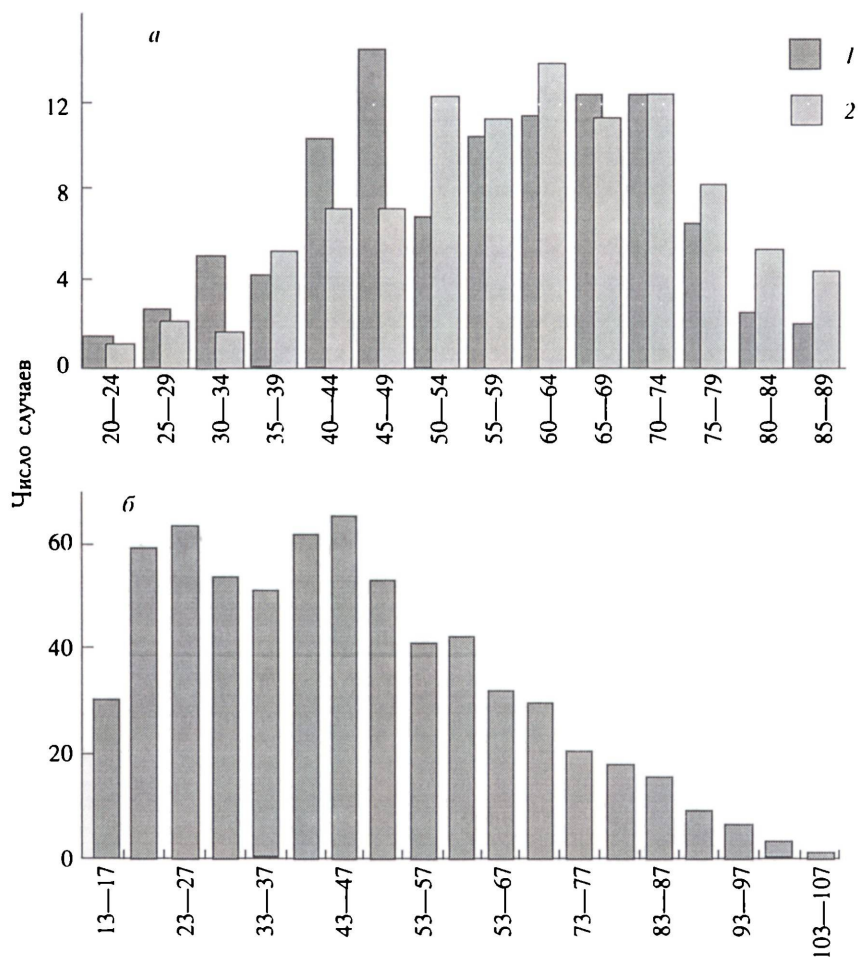

Рис. 7. Повозрастная смертность работников основных (1) и вспомогательных (2) производств Нижнетагильского и Черносточинского заводов (а) (вторая половина XVIII в.), Ижевского завода (б) (вторая половина XIX в.)

В Ижевском заводе аналогичная картина смертности в 1860—1878 гг. характерна уже для всего мужского населения. Как видно из рис. 7, первый подъем смертности наблюдался здесь у людей, проживших 20—25 лет, следующий начинался через 5 лет. Пик смертности смещен на молодой возраст, в котором число умерших столь значительно, что с 40 лет начиналась убыль смертности. По данным Р. Рума, подобная картина наблюдалась в 1882—1885 гг. у работников сталепушечного Мотовилихинского завода. Их смертность в пожилом возрасте была значительно ниже максимумов, приходящихся на 20—25 и 35—40 лет, в результате чего из 100 умерших мужчин 86,1 умирали, не дожив до сорока лет [80].

Намного благоприятнее, по данным Г. Хлопина, было в 1838—1875 гг. положение в Кусье-Александровском заводе. Кривая мужской смертности имела максимумы в 45—60 и после 95 лет, что не только свидетельствует о смещении периода ухода мужчин из жизни к пожилому возрасту, но и подтверждает имеющиеся факты о долголетию рабочих [81].

В пореформенное время мужская смертность не претерпела значительных изменений. По данным священника А. Топоркова, у жителей Васильевско-Шайтанского завода пик смертности также приходился на возраст 55—65 лет [82]. Смертность оставалась стабильной до конца XIX в. Как видно из табл. 25, число смертных случаев у жителей Чермозского (1855—1866 гг.), Сысертского, Полевского и Северского (1888—1892 гг.) заводов резко увеличивалось с 30-летнего возраста. Однако на протяже-

Таблица 25

**Повозрастная смертность мужчин на уральских заводах
(вторая половина XIX в.)**

Возрастная группа, лет	Число умерших по заводам			
	Чермозский (1855—1866)	Сысертский (1888—1892)	Северский (1888—1892)	Полевской (1888—1892)
15—20	28	19	13	3
20—25	37	31	18	5
25—30	26	32	21	5
30—40	63	47	44	17
40—50	80	44	35	13
50—60	70	40	49	20
60—70	77	53	45	26
70—80	61	42	33	11
Выше 80	43	18	15	10

Примечание. По данным: Говорливых З. Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 297; Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1068; 1894. № 6. С. 158; № 17—18. С. 440.

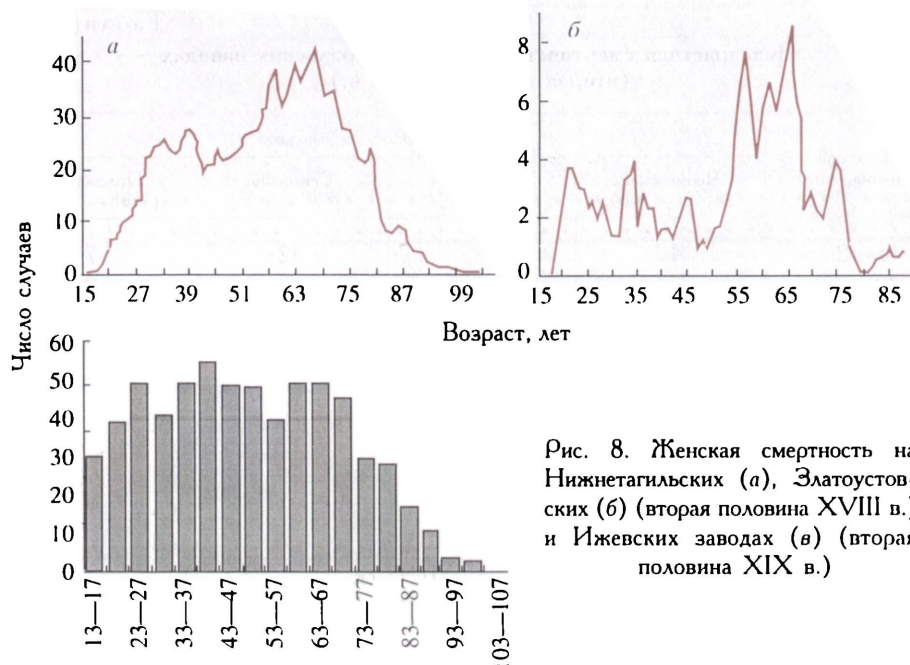

Рис. 8. Женская смертность на Нижнетагильских (а), Златоустовских (б) (вторая половина XVIII в.) и Ижевских заводах (в) (вторая половина XIX в.)

нии второй половины XIX в. пик мужской смертности постепенно смещался на более пожилой возраст. В середине века в Чермозском заводе он приходился на 40—50 лет, в Полевском в конце века — на 50—60 лет, а в Сысертском и Северском к этому времени достиг уже 60 и 70 лет.

Смертность женщин имела особенность — два ярко выраженных периода подъема. У жительниц Нижнетагильских заводов во второй половине XVIII в. первый приходился на возраст 30—40 лет, а более всего женщин умирало в пожилом возрасте между 58 и 67 годами (рис. 8). Первый подъем смертности женщин с большой степенью вероятности может быть отнесен на счет материнской смертности — от осложнений беременности, родов и послеродового периода.

У жительниц Златоустовских заводов в 1795—1801 гг. не было максимума материнской смертности. Только после 50 лет число смертных случаев среди них начинало расти, достигая максимальных значений в 55—65 лет.

По данным табл. 26, за исключением самых молодых возрастов (15—20 лет), картина смертности женщин в Чермозском заводе в 1855—1866 гг. оставалась типичной: повышение совпадало с периодом поздней рождаемости (30—40 лет), а пик соответствовал пожилому возрасту (60—70 лет).

Таблица 26

**Повозрастная смертность женщин на уральских заводах
(вторая половина XIX в.)**

Возрастная группа, лет	Число умерших по заводам			
	Чермозский (1855—1866)	Сысертский (1888—1892)	Северский (1888—1892)	Полевской (1888—1892)
15—20	40	25	12	7
20—25	28	31	8	9
25—30	32	35	18	6
30—40	57	69	24	7
40—50	34	39	28	16
50—60	61	48	34	7
60—70	78	60	32	25
70—80	64	41	39	22
Выше 80	36	33	23	9

Примечание. По данным: Говорливых Э. Медико-топографический очерк Чермозского завода // Медико-топографический сборник. СПб., 1870. Т. 1. С. 297; Материалы для истории некоторых церквей и приходов Екатеринбургского уезда // ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1068; 1894. № 6. С. 158; № 17—18. С. 440.

Своеобразную возрастную кривую имела в 1860—1878 гг. смертность жительниц Ижевского завода (рис. 8). В ее течении постоянно чередовались подъемы и спады, и только после 70 лет снижение принимало необратимый характер. Повышение смертности в детородном (26—30 лет) и пожилом (56—60 и 66—70 лет) возрасте вполне сопоставимо с приведенными данными за вторую половину XVIII — середину XIX вв. Отличием является более высокая смертность ижевских женщин в 36—40 и 46—50 лет.

Во второй половине XIX в. специфика смертности женского населения связана со смертностью материнской. По данным ряда заводов, ее подъем не отмечен, на других, наоборот, общий пик смещался с более пожилого возраста на детородный. У жительниц Васильевско-Шайтанского завода в 1870—1889 гг. максимум смертности приходился на возраст 25—30 лет, следующий, не столь высокий подъем наступал в пожилом возрасте — 65—75 лет [83]. Аналогичной была картина смертности в конце XIX в. у жительниц Сысертского завода: те же два подъема в возрасте от 30 до 40 и в 60—70 лет, такое же смещение максимума с пожилого возраста на возраст поздней рождаемости (см. табл. 26).

Смертность жительниц Полевского и Северского заводов в конце XIX в. имела больше сходства с таковой Златоустовских. У тех и других отсутствовал максимум материнской смертности в 30 лет и более. Возможно, причины этого лежат в недостатке сведений, так как смерть при родах

Таблица 27

**Причины смертности жительниц уральских заводов во второй половине XIX в.
(без учета болезней органов пищеварения)**

Причина смерти	Число умерших		Причина смерти	Число умерших	
	Богословский завод (1861—1866 гг.)	Воткинский завод (1891—1895 гг.)		Богословский завод (1861—1866 гг.)	Воткинский завод (1891—1895 гг.)
Горячка	81	96	Паралич	—	30
Старость	54	233	Роды	6	24
Чихотка	39	137	Пневмония	2	23
Кашель	—	136	Насильственная		
Водянка	12	45	смерть	—	12
Холера	1	33	Прочие болезни	14	79

Примечание. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 141; Спасский И. Санитарные очерки Воткинского завода. Вятка, 1904. С. 130—131.

случалась не часто. По данным М. Белоголова, в 1843—1863 гг. шанс умереть при трудных родах равнялся 0,1426, однако сами трудные роды случались с еще меньшей вероятностью — 0,0418. Сведения по Богословской волости за 1861—1866 гг. подтверждают, что “от родов” умирали редко. В 1861, 1863, 1865 гг. не было ни одного случая, в 1862 г. погибли две женщины, в 1864 г. — три, в 1866 г. — одна [84]. По данным табл. 27, во второй половине XIX в. роды как причина женской смертности отнюдь не занимали лидирующее положение, а лишь входили в первую десятку. Сведения о населении небольших заводов, к которым относились Полевской и Северский, или за короткий период наблюдения, как в случае с Златоустовскими заводами — 1795—1801 гг., могли не отразить в полной мере подобное явление.

По наблюдениям Р. Рума, в сведениях о жительницах Мотовилихинского завода в 1882—1885 гг. отразились обе характерные черты женской смертности. Первое ее повышение совпадало не столько с возрастом поздней рождаемости, сколько вообще с детородным периодом, который, как считает данный автор, продолжался с 20 до 35 лет. По его мнению, наступление половой зрелости, замужество, роды подвергали жизнь женщины большим опасностям, “которые особенно велики в начале этого периода” По сообщению Р. Рума, такие же особенности наблюдали в других местах и объясняли тем же самым. Наиболее интенсивно вымирание женского поколения в Мотовилихинском заводе, как и в других, отмечалось в пожилом возрасте от 60 до 75 лет [85].

Данные второй половины XIX в. о причинах женской смертности во многом не полны, но способны дать общее представление об этом явлении.

Если не учитывать болезни органов пищеварения, то жительницы уральских заводов (см. табл. 27) умирали наиболее часто от горячки, старости и заболеваний органов дыхания. Во многом это было схоже с положением по всей России и свидетельствовало о неспособности медицины того времени противостоять заразным болезням (особенно туберкулезу) и высокой температуре. Довольно значительное количество смертей “от старости” еще раз подтверждает статистические данные о смерти женщин в пожилом возрасте.

Периоды подъема как мужской, так и женской смертности постоянно чередовались. Материнскую смертность в 30 лет сменял подъем мужской смертности в 40—50 лет, в старших возрастах происходил новый подъем смертности женщин.

Наблюдатели не раз обращали внимание на то, что женское население вымирало позже мужского и, следовательно, женщины, пережив опасный период материнской смертности, имели шансы прожить дольше мужчин. “Долголетие на стороне женщин” — признавал в 1860-е гг. священник Ирбитского завода, приводя в качестве доказательства данные о возрасте умерших. В 1853—1854 гг. мужчины умирали до 80 лет, а среди женщин попадались 85- и 90-летние. Бытописатель Лысьвенского завода того же времени отмечал преобладание старух среди пожилых людей. Священник Березовского завода в публикации 1881 г. привел “примеры долголетия” встретившиеся ему в записях метрических книг своего прихода. Не доверяя полностью данным церковного учета о возрасте, полезно сопоставить число мужчин и женщин, перешагнувших столетний рубеж. Среди четырнадцати долгожителей трое мужчин и одиннадцать вдов и солдаток [86].

Мужчины умирали не только раньше, но и чаще. Это было второй характерной чертой смертности взрослого населения горнозаводского Урала — число умерших мужчин в целом превышало число женщин. Исключения из этого явления крайне редки. В результате на многих заводах Урала наблюдался дисбаланс полов (табл. 28). Механизм его возникновения и последствия этого проследил врач И. Спасский: “Возрастание относительного числа умерших мужчин (против женщин) с каждым десятком лет в наших заводах тем более значительно, что в самом составе населения у нас преобладают не мужчины, а женщины. В тех местах, где в населении мужской элемент берет значительный перевес, там ничего удивительного нет, если насчитывается и большее число умерших мужчин, нежели женщин. А в заводах, где в составе населения перевес всегда на стороне женщин, там преобладание мужской смертности над женской доказывает только особое и специфическое вымирание мужской половины населения. Перевес умерших мужчин над женщинами зависит у нас не от преобладания мужчин в составе населения, а только от усиленной смертности их по сравнению с

Таблица 28

Соотношение женского и мужского населения на заводах Урала (1881 г.)

Завод	Число женщин на 100 мужчин	Завод	Число женщин на 100 мужчин
Ревдинский	104,4	Сысертский	102,7
Билимбаевский	106,0	Полевской	103,0
Теченский	108,7	Северский	106,9
Верх-Исетский	105,4	Кыштымский	103,5
Верхнейвинский	105,7	Каслинский	102,9
Рудянский	103,9	Верхне-Уфалейский	107,5
Верхнетагильский	103,9	Нижне-Уфалейский	102,4
Режевской	106,3	Пышминский	104,8
Шуралинский	108,6	Нижне-Исетский	111,5
Невьянский	112,3	Березовский	99,8
Быньговский	106,8	Мраморский	96,7

Примечание. По данным: Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 171—172.

женщинами. С каждым десятком лет в составе заводского населения уменьшается число мужчин, а между тем число умерших мужчин от этого несколько не уменьшается” “Систематическое вымирание мужского заводского населения, — продолжал он далее, — находится, конечно, в прямой зависимости от тяжести заводских работ и от неравномерного распределения труда между мужской и женской половиной заводского населения. Вся тяжесть труда и забот в наших уральских заводах падает исключительно на мужчин, женское же население, по крайней мер у нас, живет совершенно праздно” [87].

В горнозаводских районах Урала преобладание женского населения над мужским выступало в качестве долговременной тенденции демографического развития уже с конца XVIII в. По данным пятой (1795 г.) ревизии, в Нижнетагильском заводе на 3489 женщин приходился 3091 мужчина [88].

3.4. УСЛОВИЯ ТРУДА И ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ МУЖЧИН

Сверхсмертность мужчин автор середины XIX в. К. И. Арсентьев объяснял следующими причинами: “Мужчины средних лет по роду жизни, по их занятиям и по всем отношениям общественным подвергаются большим опасностям, нежели женщины, обреченные самим назначением своим на мирную домашнюю жизнь” К началу XX в. медицинская демография уже

более конкретно представляла себе механизм влияния условий труда на смертность населения, введя понятие “болезненности” П. Куркин писал, что “тяжеловесность ударов болезненности, приходящаяся на долю мужской половины населения, сопрягающаяся с эпохой развития трудовой производительной деятельности, именно и является, скорее всего, основанием и источником так и более высокой смертности” [89]. Следовательно, по мнению демографов, заболеваемость являлась передаточным механизмом действия факторов среды на смертность.

На горнозаводском Урале в XVIII—XIX вв. условия труда на заводах и рудниках во многом определяли свойственные мастеровым и рабочим людям болезни и характерные черты мужской смертности. Уже в 1798 г. врач Красноуфимского уезда И. В. Протасов на основании обследования рабочих 15 заводов констатировал наличие среди них высокой заболеваемости и считал причиной этого тяжелые условия труда. В 1870-х гг. врач Р. Рума, занимаясь в течение шести лет исследованием санитарных условий горных заводов, пришел к убеждению, что они оказывают чрезвычайно губительное влияние на здоровье рабочих. Врач В. Ф. Предтеченский в 1902 г. считал, что “давно и безспорно установлено, что горнозаводские работы обуславливают собою частые травматические повреждения и заболевания тех или других органов тела ... рабочих” Прогресс техники к началу XX в., по утверждению врача С. Аристова, не привел к улучшению санитарно-гигиенических условий фабрично-заводского труда, которые наносили значительный вред жизни и здоровью рабочего [90].

Производственный процесс в горнозаводской промышленности состоял из разных этапов, не сопоставимых по условиям труда рабочих. Поэтому для получения целостной картины профессиональной заболеваемости нужно рассмотреть условия, в которые были поставлены люди, снабжающие заводское производство сырьем, т. е. рудничные рабочие, шахтеры и углесжогги, а также работники основных (доменного, кричного, переделного, пудлингового цехов) и обрабатывающих производств.

Условия труда и заболеваемость горнорабочих

Разработка месторождений железных руд производилась на земной поверхности, медных — под землей, золотых — обоими способами. Применение того или иного метода добычи порождало резкие различия в условиях труда. Наземный способ традиционно считали самой легкой работой и широко применяли здесь работников, не имеющих полной трудоспособности: детей и подростков, женщин, престарелых, увечных. Работа под землей, напротив, считалась одной из самых тяжелых.

Из-за грунтовых вод в шахтах всегда была сырость. Она пропитывала одежду рабочего и в продолжение всей смены на нем “сухого места не

было” Всегда потное тело знобило на постоянных сквозняках, возникавших вследствие естественной вентиляции шахт. После работы шахтеры не имели возможности обсушиться и обогреться и вынуждены были возвращаться домой в мокрой одежде. Этот факт нашел отражение в песенном фольклоре. Работнику рудника посвящены следующие строки:

“Он полсуток проробит,
Домой мокрый побежит... [91].

“Домой прибежал, — вспоминали уже в прозе рабочие Высокогорского рудника, — портянки обледенели. Хозяйка знает. Поставит котел с водой на печку. Воду в таз выльешь. Спустишь ноги, оттаиваешь” [92]. От постоянных морозов и сырости работники получали болезни “ревматикокатарального свойства”

В шахтах царила душливая атмосфера. В глухих ходах естественной вентиляции бывало крайне недостаточно. В некоторых забоях становилось так душно, что даже огонь не горел. “Голова болит — череп снимает” — жаловались рабочие. Введение взрывных работ усугубило положение с вентиляцией шахт. Из некоторых забоев газ от буров не выходил, и рабочие “гоняли” его курточками. Горняки “сильно хворали” от употребления при работах нитроглицерина, динамита. После взрыва у них появлялись головные боли, головокружения, гиперемия лица, общее недомогание. У постоянно присутствующих при взрывах возникали симптомы хронического отравления окисью углерода: расстройство пищеварения, общая слабость организма, тошнота, рвота, трудно поддающиеся лечению стойкие поносы, анемия. Страдали при этом и органы дыхания. Пыль, образовавшаяся в результате взрыва, вызывала кашель и ларингит. На Фроловском и Туринских рудниках, по сообщению В. Португалова в 1870 г., бывали случаи задушения газами [93]. Из-за высокой температуры в отдельных частях шахты происходило постоянное испарение грунтовых вод, следствием чего было переувлажнение и без того испорченного воздуха.

Даже в первой половине XIX в. на рудниках в качестве освещения использовали лучину, “от дыма коей, — как писали сами работники, — при сырости воздуха в земляных работах многие страдают глазной и головной болью” [94]. Потом шахтеры стали ходить со свечами. Их вставляли в жестяные фонарики, снабженные крючком сзади и открытые спереди. Сальные свечи на Нейво-Рудянском руднике были так хороши, что работники воровали их для освещения собственных домов. Под этим предлогом администрация заменила их на бленды — лампы без стекла с толстым бумажным фитилем, заправляемые неочищенным льняным маслом плохого качества. Не сгорая полностью, масло оказывало на организм рабочего такое же негативное воздействие, как и лучина: “Голова болит, и на ногах не тверд, точно пьяный шатаешься” Поскольку сажа от бленды

на лица рабочих садилась в продолжение всей смены, их мокрота была совершенно черной и оставалась таковой после прекращения работы еще 1—2 недели [95].

При добыче руды главным образом использовалась мускульная сила работников. Работа кайлом сильно утомляла верхние конечности, вызывая специфические мышечные боли, из-за частого сгибания позвоночника появлялись боли в спине. Нередко рудокопы страдали люмбаго.

Транспортировкой уже добытой руды занимались откатчики. Операция откатки нередко заканчивалась увечьем рук. Загонщики получали постоянные травмы из-за узких и низких ходов. В шахтерской песне это выглядело как неизбежный результат их “дела”:

“А загонщик дело знает,
Все вагончики гоняет.
Он вагонов шесть погнал
Себе спину ободрал” [96].

Одноколесные груженные тачки, которые заметил в 1870 г. на Нейво-Рудянском руднике врач В. Португалов, были, по его мнению, довольно тяжелы. А способ их использования приводил к переполнению грудных органов рабочих кровью, воспалению поясничных сухожилий и надкостницы. Кроме того, “согбенное положение тела” из-за низких ходов было причиной частого получения, особенно молодыми катальями, грыжи [97].

По отчетам лекарских учеников Нижнетагильских заводов за 1786 г., рудокопы обращались к ним за помощью при различной “ломоте”, рудотолчелщики — при горячке, посеке рук и ног, венерических заболеваниях. Из-за недостатка данных нельзя сделать даже предварительных выводов, но следует отметить, что в перечне болезненных форм присутствуют боли простудного (горячки) и ревматического (ломота) характера, а также травмы.

Статистика второй половины XIX в. более красноречива. В это время к профессиональным недугам горняков (табл. 29) из болезней органов дыхания относили легочную чахотку, эмфиземы, пневмонии, плевриты, из сердечных — гипертрофию сердца, из глазных — гиперемию и катар соединительной оболочки глаз, из кожных — флегмоны, фурункулы, чирьи.

Наряду с этими болезнями условия рудничной работы приводили к невралгии, ревматизму, люмбаго, воспалению синовиальной оболочки, другим заболеваниям костей, суставов, мышц. Посетив в 1870 г. Нижнетагильские, Кушвинский, Богословский и Туринский заводы, доктор В. Португалов сообщал, что все работающие в рудниках жаловались ему на боль в пояснице, суставах, руках, ногах. Несмотря на развитие, даже гипертрофированные, мышцы рук и ног, они у большинства шахтеров оставались вялыми и дряблыми. Анемия, изнурение в сочетании с ревматизмом и дру-

Таблица 29

Заболееваемость рабочих Нейво-Рудянского рудника (1876—1877 гг.)

Заболеевание	Из 100 случаев заболееваний		Заболеевание	Из 100 случаев заболееваний	
	Доля населения, %	Доля шахтеров, %		Доля населения, %	Доля шахтеров, %
Сыпной тиф	0,96	5,64	Неврит	3,42	4,95
Лихорадка			Ревматизм	3,74	8,31
возвратная	1,14	3,76	Люмбаго	1,62	2,27
перемежающаяся	4,62	6,43	Синозит	0,07	0,69
Эмфизема	0,09	0,79	Флегмона	1,18	2,07
Плеврит	1,55	1,88	Фурункулез	0,8	1,48
Кардиалгия	0,17	0,69	Контузия	3,97	5,94
Ишиас	0,06	0,39			

Примечание. По данным: Сборник Пермского земства. Пермь, 1882. Кн. 4, раздел 3. С. 161.

гими сердечными болезнями являлись, по его мнению, причинами водянки, от которой на Нейво-Рудянском и Туринских рудниках многие умирали. Значительные мускульные усилия на всех этапах добычи руды приводили к широкому распространению пахомошоночных грыж [98]. К 1902 г. положение почти не изменилось: врач Богословского округа Белавин констатировал, что при работах на медном руднике вследствие сырости, подъема по лестницам, вдыхания рудничной пыли рабочие страдают ревматизмом и эмфиземой легких [99].

В крепостную эпоху рабочий день горняков по своей продолжительности был предельно допустимым. Более половины всей жизни проводили они под землей, в условиях мало приспособленных для кратковременного отдыха и принятия пищи во время работы. Скорбутная болезнь, которой на рубеже XVIII—XIX вв. страдали “упражняющиеся в добывании руд в Туринских рудниках” по замечанию Н. С. Попова, “частично рождалась от недостатка свежей пищи и употребления солонины и сухой (вяленой) рыбы”, а “усугублялась употребляемой из рудников водою, кою пить принуждены за неимением в близости лучшей” Во всех рудниках Пермского, Соликамского, Верхотурского, Екатеринбургского уездов наряду с цингой, прочно удерживавшей первенство, свирепствовали желчные лихорадки, кровавые поносы, происходило “ожесточение любострастных болезней” В 1870 г. врач В. Португалов также писал о чрезвычайно сильном распространении среди рабочих Туринских рудников сифилиса, а врач Белавин в 1902 г. среди рабочих золотых приисков того же Богословского округа — цинги, вследствие сырости и однообразия пищи [100].

Каким образом организация труда способствовала появлению у горняков недугов, не связанных с их профессиональной заболеваемостью и да-

же инфекционного характера, показал на примере Березовских рудников в 1830-е гг. врач Т. Успенский: “Вследствие дальности расстояний от своих домов, занятые на золотых промыслах молодые мужчины и женщины, мальчики и девочки, может быть, до половины всего населения, — сообщал он, — и днем отдыхают, и ночью спят сбившись в тесную кучу и окруженные грязью в подземных шахтах, также холодных, сырых и полных испарениями, питаются грубой пищей и вызывающими давление в желудке сухарями, солониной и копченым мясом, чаще — рыбным, за неимением ключевой воды вынуждены утолять жажду из тех ям, откуда копают руду. Мучимые такого рода ненормальностями жизни, люди приобретают очень много тяжелых болезней, которые сначала поражая спорадически, рано или поздно получают эпидемический характер, как, например, цинга, дизентерия, многие лихорадки” [101]. Последствия подобной организации работ на медных рудниках Походяшина оценил еще в XVIII в. П. С. Паласс: “Не проходило ни одной зимы, чтоб здесь многие работники не поумирали, а прочие... возвращаются в свои дома нездоровы” [102].

В конце XIX в. на крупных рудниках положение рабочих несколько улучшилось: продолжительность рабочего дня четко фиксировалась в пределах восьми—двенадцати часов, раз в смену горнякам спускали горячую пищу (в скромные дни полагались щи с мясом, в постные — уха). Проблему питьевой воды решить не удалось — рабочие были вынуждены довольствоваться рудничной. Иногда это заканчивалось тошнотой и болями в животе. Однако пребывающие в состоянии постоянного утомления, апатичные рабочие имели больше шансов получить инфекционные и “мiasmатические” заболевания. По сведениям Нижнетагильского санитарного комитета за 1876, 1877 гг., брюшной тиф среди рудокопов встречался в 4 раза чаще, чем у остального населения завода. Больше болели они также сыпным тифом и возвратной горячкой [103].

Рудокопы имели много шансов получить различные травмы: контузию отлетевшим куском породы или удар тяжелым инструментом. Часто их исход был смертельным. Статистики смертности (по причинам смерти) на уральских заводах долго не существовало, но учреждения, использовавшие труд ссыльных, уже с XVIII в. обязаны были отчитаться, по какому поводу произошел тот или иной смертный случай. Такие сведения сохранились в делопроизводственной документации Березовских рудников. Чаще всего это были формальные отписки медицинского персонала госпиталя, в которых фигурировала фраза “волею Божией помер”. Однако по ряду записей на протяжении отдельных лет можно проследить динамику смертности от травматизма. Например, в документе, датированном 8 марта 1799 г., сообщается, что ссыльный Тинбеев “...находился у откатки земли в ночной смене и по приеме поднятой навверх шахты бадьей, от тягос-

ти поскользавшись ногами и пал в шахту, от чего и разшился жестоко” Инцидент закончился смертью рабочего. Документ от 28 сентября сообщает, что, “оторвавшись с самой высоты для выливки воды колеса” два человека “пали на землю, из коих первый жестоко расшился” Шестого октября он умер. В записи от 3 ноября 1799 г. говорится, что “от ушибу височных костей и от надавления мозговых сосудов” один из рабочих “получил скорую смерть” Документ от 8 ноября сообщает, что упавшим из бадьи тяжелым инструментом проломило голову одному из рабочих. Как пишет далее лекарь, “от которого удару оному и смерть приключилась” [104].

Через столетие положение не изменилось. Священник Березовского завода сообщал в 1881 г. о “пагубной неосторожности фабричных и рабочих людей” которые “...будучи поставлены в необходимость для заработка своего куска насущного хлеба исполнять такую работу, при которой им отрывает несколько пальцев или всю кисть руки, или ступню ноги (речь, вероятно, идет о взрывных работах), или же вздергивает колесом, переламывает в нем кости, как в мешке, или задавляет землею” [105].

Аналогичными были причины гибели работников Нейво-Рудянского рудника в 1870-е гг. Одного из них сшибло бадьей, другой в ней спускался и выпал, на третьего упал камень, еще один утонул в плавучей породе [106]. Взрывные работы в шахтах способствовали повышению травматизма, поскольку шпурами перебило много людей. Так как с годами шахты становились все глубже, то спуск и подъем по лестнице протяженностью, к примеру, в Нейво-Рудянском руднике в 4,36 версты, совершаемые работниками ежедневно, не только изнуряли силы рабочих, но и таили в себе постоянную травмоопасность. На лестницах, которые летом были совершенно мокры и покрыты грязью, а зимой — льдом, легко было поскользнуться и упасть [107]. Приведенные в табл. 30 официальные данные по восьми частным (Вятскому, Пермскому, Западно-Екатеринбургскому, Восточно-Екатеринбургскому, Уфимскому, Верхотурскому, Оренбургскому и Оренбургскому (Южному) и шести казенным (Гороблагодатскому, Златоустовскому, Пермскому, Камско-Воткинскому, Нижнеисетскому, Каменскому) горным округам за 1886—1897 гг. содержат аналогичные указанным выше причины производственного травматизма. Анализ данных табл. 30 показывает, что большинство травм в конце XIX в. также приходилось на традиционные горняцкие бедствия: обвалы, падения в выработки. Следующее место по травмоопасности занимали взрывные работы, последствием которых были повреждения от взрывчатых веществ, удушение вредными газами. Удельный вес травмы среди несчастных случаев и вероятность получения от нее смертельного исхода различны. Стопроцентную смерть гарантировало удушение вредными газами. При прорыве воды

Таблица 30

Производственный травматизм горняков Урала (1886—1897 гг.)

Причина	Число (из них смертельных) несчастных случаев	Доля несчастных случаев, %
Обвал породы	192(119)/26(2)	29,63/29,88
Повреждение от взрывчатых веществ	116(13)/10(2)	17,93/11,49
Падение в выработку	106(56)/8	16,38/9,2
Падение разных предметов с поверхности	75(28)/9	11,6/10,35
Удушение вредными газами	44(44)/—	6,8/—
Повреждение машинами и предметами на поверхности	36(15)/32	5,56/37,77
Повреждение машинами и предметами в руднике	25(14)/2	3,86/2,31
Разрыв каната и повреждение подъемных устройств	18(2)/—	2,8/—
Обрушение крепи	13(5)/—	2,0/—
Взрыв газов	13(3)/—	2,0/—
Прорыв воды	9(8)/—	1,4/—

Примечание. В числителе — данные по частным округам, в знаменателе — по казенным. Рассчитано по данным: Саларев Н. Несчастные случаи с рабочими людьми на частных горных заводах, рудниках и приисках в 8 уральских горных округах за 11,5 лет. Екатеринбург, 1898. С. 14—15; Он же. Несчастные случаи с рабочими людьми на казенных уральских горных заводах и рудниках за 11,5 лет. Екатеринбург, 1890. С. 22—23.

шансов спастись также было мало. Более половины несчастных случаев, связанных с обвалами, падениями в выработки, кончались смертью пострадавшего. В остальных случаях вероятность выжить значительно повышалась.

Условия труда и заболеваемость углежогов

Поскольку горная промышленность Урала работала на древесном угле, операция углежжения была крупной отраслью заводского хозяйства. Условия труда при заготовке и транспортировке леса и последующем его превращении в уголь вызывали ряд специфических недугов рабочих.

“Заготовка древесного угля, — вынуждено было признать в начале XX в. “Уральское горное обозрение” — сопровождалась рядом операций, исполняемых исключительно мускульным трудом человека” [108]. Постоянные, однообразные, значительные мышечные усилия, необходимые при рубке дров, приводили к воспалению мышц и костей. Кроме того, они были причиной грыжи, чрезвычайно часто встречающейся у дровосеков. На лесозаготовках велика была вероятность получения травм. Срубленное де-

Таблица 31

**Заболеваемость рабочих, занятых углежжением,
на Нижнетагильских заводах (1786 г.)**

Заболевание	Число больных	Заболевание	Число больных
Горячка	4	Рана на голове	1
Ломота	1	Рана на ноге с опухом	1
Ломота в ноге	2	Расшиб руки	1
Резь живота	1	Посек перста руки	1
Чирей на боку	1	Посек ноги	3
Коросты по телу	1	Отсекание руки	1
Французская болезнь (венерическая)	1	Нагноение на голове	1
Грыжа белая (гонорея)	1	Нагноение руки с опухом	1
Грыжа белая с резью	2	Нагноение ноги с опухом	1

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 258—263.

рево во время падения веткой или стволом могло “задеть” дровосека. Легкое повреждение приводило к ушибам и переломам, тяжелое — к смерти. При транспортировке стволов велика была опасность раздавить ноги или руки. Инструменты: топор, а позже пила — являлись причиной частых порезов и ран.

Поскольку работы в лесу производили ранней весной, занятые рубкой леса, его сплавом и выгрузкой подвергались воздействию сырости. Их жизнь на лесных делянках в землянках и балаганах протекала в неблагоприятных гигиенических условиях. Все это приводило к постоянным простудным заболеваниям, ревматизму, различным невритам, люмбаго.

Выжиг угля сопровождался выделением дыма и пыли, что служило причиной заболеваний органов дыхания, катаров глотки и бронхов. Постоянно присутствующим недугом углежогов был также катар соединительной оболочки век. Дрова для превращения в уголь обжигали при крайне ограниченном доступе воздуха, вследствие чего в дыму появлялось много продуктов неполного горения. Воздействуя на человеческий организм, они приводили к головным болям, головокружениям.

Непременным следствием работы в этой отрасли горнозаводского производства было получение ожогов той или иной степени тяжести.

Уже в данных 1786 г. об обрабатываемости углежогов Нижнетагильских заводов за медицинской помощью содержится почти весь спектр профессиональных заболеваний работников этой группы (табл. 31). Они страдали от простуды (горячки), ревматизма (ломота), различных травматичес-

ких повреждений. Топор как обычное для них орудие труда, вероятно, явился причиной раны на ноге, посека ноги, пальцев, посека и отсекания руки. Расшиб руки и рана на голове могли появиться вследствие неосторожного поведения на лесоповале. Антисанитария при проведении работ в лесу и при выжиге угля приводила к инфицированию ран и образованию “опухов”, а также к различным поражениям кожного покрова: чирьям, коростам, нагноениям. Показательно, что в перечне страданий, которым были подвержены углежогги, преобладали заболевания, порожденные тяжелыми условиями труда, что придавало в целом их заболеваемости профессиональный характер.

Условия труда и заболеваемость на основном производстве

Работу здесь иначе называли “огненной” “Рабочий подвергается резкому влиянию высокой температуры и страдает вследствие переходов от жары к холоду и обратно, от влияния угольной и металлической пыли, чада и угара, ослепительного света от раскаленного и

расплавленного металла, от грохота и шума, усиленных телесных напряжений” — перечислял факторы негативного воздействия “огненной” работы на организм человека в 1891 г. гигиенист Л. Бертенсон [109].

Основной производственный цикл в железнорудном производстве начинался с доменного цеха. Колоша, через которую в домну поступало сырье, “всегда оставалась открытой” над ней стоял вечный столб пламени. Горячая угольная пыль носилась в воздухе. Сморд от газа и дыма приводил к тому, что глаза у рабочих слезились, а в груди хрипело. При сильной запыленности помещения это приводило к катарам бронхов, глотки и соединительной оболочки век. Постоянное раздражение органов дыхания в условиях резкой перемены температур порождало различные легочные болезни. От вредных газов, выходящих из устья домны, рабочие угорали. Например, в колошниковой пыли врач Серебрянского завода обнаружил большое содержание окиси углерода, серный ангидрит и ангидрит фосфорной кислоты [110].

Одна из самых изнурительных работ в доменном производстве — откачивание “жука” — примерзшего к домне металла. Наблюдавший ее однажды В. Немирович-Данченко был поражен состоянием рабочих: “Люди работали в поту, в нуте такой, что потом они чуть не повалились на землю” “Иной раз и валяются” — пояснили ему окружающие [111].

Уже через три минуты пребывания у кричных горнов и пудлинговых печей организм человека давал бурную реакцию, перекрывавшую все физиологические нормы. Пульс подскакивал до 160 ударов в минуту, дыхание учащалось до 60 раз в минуту, температура достигала 38, нередко 39 градусов, а то и выше [112]. Влияние чрезмерно высокой температуры на организм человека гасили двумя способами: выбегали на холод либо вста-

вали под струю холодной воды и старались больше пить. В последнем случае нужный эффект достигался благодаря обильному потоотделению. В результате одежда рабочего при высыхании делалась твердой от покрывающей ее коры поваренной соли. “Придет человек к горну в синей рубашке. Ломом, как требуется, протрясывает крицу в горне, таскает раскаленные тяжести. Часа через три рубашка белая, а наощупь хрустит — сними, поставь на пол, стоять будет. Это от соли, от соленого поту” — говорили рабочие. Именно он спасал от жары: “Пока пот идет — ничего, а перестал потеть, готово — сердце сожмет, голову обнесет, и человек падает, нарочно соленую рыбу ели, чтобы больше пить” За 12 часов смены рабочий выпивал более 8,5 литра, а иногда количество выпитой воды доходило до 2 ведер [113]. Воду предпочитали самую холодную. “Разогревшись во время работы, мастера имеют обыкновение утолять палящую жажду чаще ключевой водой, смешанной со льдом”, — сообщал врач Т Успенский, указывая, что этим они “дают повод к возникновению воспалений желудка и кишок, других опасных болезней, а то и умирают скоропостижно” [114]. Врач Невьянских заводов отмечал, что рабочие не ограничивались утолением жажды, а “при первой же возможности во всем платье купаются, оставляя мокрую одежду на себе для прохлады” Таким же образом, по наблюдению В. Немировича-Данченко, вели себя нижнетагильские мастера: “...все, в чем были так и бросились под студеную струю, падавшую сверху” [115].

В производственных помещениях было трудно поддерживать температурное равновесие. Пышущие жаром печи стояли в холодных, продуваемых ветром фабриках. Перепад температур на термометрах, повешенных на грудь и спину пудлингового мастера, мог составлять 20 градусов [116]. Подобная практика приводила к “преизобилчанию болезней воспалительно-катарального свойства” Подвергаясь воздействию сильного жара, работники огненных производств часто имели носовые кровотечения и “были рады им”, так как наступало некоторое облегчение головной боли. Подобные боли, по мнению врача Чермозского завода Э. Говорливых, происходили от того, что высокая температура вызывала прилив крови к мозгу. Поскольку “сильнейший жар” от печей был постоянным, головными болями “эретического характера” рабочие “страдали часто” [117].

Огненные работы были связаны с насыщением воздуха металлической и угольной пылью. При недостатке вентиляции это приводило к поражению органов дыхания, начиная с раздражения гортани и кончая туберкулезом. В образовании катаров зева и гортани видное место занимала носящаяся в воздухе мелкая угольная пыль. При осмотрах гортани рабочих иногда обнаруживали возникшую из-за нее черную корку, которую можно было удалить только с помощью корцанга [118]. Масса пыли при посто-

янной возможности простуды создавала благоприятные условия для приобретения острой бугорчатки.

В огненных цехах работа с металлом происходила вручную, кроме того, технология требовала быстроты обработки тяжелых материалов, тяжелыми же орудиями. В состоянии сильного физического напряжения работник принужден был находиться в течение всей смены (8—12 часов): таскал ли он разогретые крицы (что в исключительных случаях практиковалось даже в начале XIX в.) [119], выбивал ли молотом из них шлак, помещивал ли время от времени расплавленный металл у пудлинговой печи. Вследствие усиленных мышечных напряжений у работников кричного и пудлингового цехов появлялись гипертрофия сердца, грыжи, варикозное расширение вен. Самыми обычными болезнями были воспаление мышц и костей, люмбаго.

Постоянный шум от работы молотов в кричном цехе приводил к снижению у рабочих слуха. В дальнейшем тугоухость нередко доходила до полной глухоты.

В возникновении некоторых заболеваний было задействовано сразу несколько негативных факторов. Взаимовлияние высокой температуры и сильно слепящего света приводило к хроническому воспалению сосудистой оболочки глаз и заканчивалось слепотой из-за атрофии зрительного соска. По этим же причинам на лицах рабочих появлялась хроническая эритема. Даже у людей, прекративших работу, через 3—7 лет лицо оставалось таким, будто они только что отошли от печи. Пыль и грязь, попадая на вспотевшую кожу рабочего, вызывали многочисленные кожные заболевания: чирьи, абсцессы, флегмоны.

Работа с тяжелыми предметами, в быстром темпе, на протяжении всей смены создавала условия для всякого рода травм: ушибов, порезов, ранений, переломов. Наиболее часто встречались ушибы нижних конечностей. Работников кричного цеха мог контузить кусок железа, тяжелый инструмент, доменного и пудлингового — кусок руды, при его загрузке в печь.

Часто повреждения носили смешанный характер: ушибы, раздавы, переломы с нарушением целостности покровов. Неинфицированными раны бывали редко. Пыль и грязь в производственных помещениях вызывали их нагноение. Столь же часто работа с раскаленным металлом вызывала термические повреждения. От прикосновения к инструментам или отдельным предметам они появлялись у всех рабочих, занятых в огненных цехах. Раскаленные брызги шлака и окалины, разлетающиеся под ударом молота, буквально засыпали ничем не прикрытое лицо, руки, шею, вызывая порой тяжелые ожоги глаз, следствием чего была атрофия глазного яблока.

Производства по выделке стали имели аналогичные условия труда. Возле печей почти постоянно держалась температура 52 градуса. Поэтому рабочие вынуждены были защищать обувь деревянными колодками и надевать “лишнюю” одежду, предварительно пропитанную водой: войлочные рукава, шерстяные рукавицы, холщовые фартуки, покрытые войлоком, а на ноги наматывать множество тряпок. Затем ее покрывали глиняным тестом. Но даже такого “скафандра” хватало для выноса всего 15 тиглей с расплавленной сталью. В носовых кровотечениях и расстройствах зрения рабочие также винили сильный жар печей, на приближение к которым человеческий организм отвечал бурной физиологической реакцией. По наблюдениям Р. Рума, у сталелитейщиков Мотовилихи пульс подскакивал до 151 удара в минуту, дыхание учащалось до 45 раз в минуту, а температура поднималась до 39,3 градусов [120].

При перемежающемся действии жара и холода в продувной сталелитейной, когда термометр, повешенный на грудь рабочего, показывал температуру 45, а на спине 11 градусов, легко было подвергнуться простудным заболеваниям. Р. Рума констатировал у рабочих сталепушечного завода в Мотовилихе “громадный” ревматизм — “ломоту” в мышцах, особенно верхних конечностей. Простуда при загрязненном угольной пылью и вредными газами воздухе часто приводила к катарам слизистой оболочки гортани, кашлю с черной мокротой, бронхитам, ангинам, крупозной пневмонии. Наличие значительного количества серной кислоты в воздухе также действовало на органы дыхания, будучи причиной непрерывного чихания и кашля, и на органы зрения, вызывая катаральное воспаление глаз [121]. В сталелитейном цехе Ижевского завода, как писал доктор И. Андржеевский в 1877 г., воздух наполнялся окисью углерода и рабочие нередко угорали “до безчувствия” Через несколько лет он высказался более определенно: “... там, собственно говоря, не хворают, а умирают скоропостижно от угара” [122].

Во время выемки из печи тиглей с расплавленной сталью царила страшная суматоха, из-за чего, по словам наблюдателя, шансы получить ожог становились “необыкновенно многочисленными”

В медеплавильной промышленности к вредным воздействиям огненных производств добавлялось отравление ядовитыми испарениями. Они появлялись уже на этапе пожара медной руды, присутствовали в дыме заводских труб. Их воздействие на окружающую среду было очевидным. В ближайших к Выйскому медеплавильному заводу усадьбах не росли овощи. Действие газов, появляющихся при выплавке меди, было столь сильным, что в Богословском заводе все деревянные дома были черными, но не подвергались гниению, на их крышах даже трава не росла. Столь же сильным было влияние ядовитых испарений на организм человека. “Жители прихода, — писал в на-

Таблица 32

**Заболееваемость рабочих основных производств Нижнетагильских заводов
(1786 г.)**

Заболевание	Число больных				
	Доменный подмастерье	Доменный антук	Молотовой мастер	Молотовой подмастерье	Молотовой рабочник
Горячка	—	—	—	—	7
Ломота	1	—	—	—	—
Ломота в спине	—	—	1	—	—
Ломота в ноге	—	—	—	1	1
Опух в шульнях	—	—	—	1	1
Кровотечение из носа	—	—	—	1	—
Французская болезнь (вен.)	—	—	—	—	1
Грыжа белая с резью (гонорея)	—	—	—	1	—
Ожог руки	—	—	1	—	—
Расшиб головы	—	—	2	—	—
Расшиб груди	—	—	1	—	—
Расшиб руки	1	—	—	—	—
Расшиб перста руки	1	—	—	1	1
Отсекание руки	1	—	—	—	—
Разодрание перста	—	—	—	1	—
Оторвание перста ноги	—	—	—	1	—
Змеевец	—	1	—	—	—

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 258—263.

чале XX в. священник Выйско-Николаевской церкви, — не обладают хорошим здоровьем, что зависит от положения при Выйском медеплавильном заводе, удушливый с сернистым запахом дым из печей которого не только убийственно влияет на работающих в этом заводе, но и вообще на всех жителей” Люди имели характерный внешний вид: “страшно бледные с землистым оттенком” кожные покровы, крайняя худоба, цианоз губ [123].

Отравление происходило через органы дыхания, поражая их в первую очередь. Врач Богословских заводов Белавин сообщал, что вследствие вдыхания рабочими медеплавильного завода сернистых газов у них развиваются болезни дыхательных органов. Начальными симптомами были кашель, приступы удушья. Со временем они перерастали в хронические болезни легких. Врач Суксунского завода в середине XIX в. констатировал, что в Бымовском и Ашапском медеплавильных заводах больных с разными формами таких болезней “больше, нежели в прочих” заводах округа. Прогрессируя, легочные болезни приводили к смерти рабочих. Так, выйские рабочие “преждевременно сходили в могилу от чахотки” [124].

Как видно из табл. 32, составленной по данным об обращении работников основных цехов Нижнетагильских заводов за медицинской помощью, лекарские ученики уже во второй половине XVIII в. фиксировали их основные профессиональные заболевания. Для доменщиков были характерны травмы верхних конечностей, для работников кричного (молотового) цеха — также различные травмы (прежде всего “расшибы”) и горячка, для тех и других — “ломота”

**Условия труда
и заболеваемость
в металло-
обрабатывающей
промышленности**

Для каждого металлообрабатывающего производства были характерны особые профессиональные болезни. Кузнецы вследствие комбинированного воздействия на их организм угольной пыли и железной окалины страдали туберкулезом. Воспаление мышц и люмбаго возникали от постоянного физического напряжения при работе с молотом. Из-за непрекращающегося шума работники молотобойного и колотушечного цехов теряли остроту слуха. Работники листокатальных фабрик страдали невритами. У рабочих точильного цеха развивался туберкулез легких, катар бронхов и глотки. В литейном цехе высока была вероятность получения грыжи, эритемы кожи.

Разнообразные профессиональные заболевания имели оружейники. В мастерских Ижевского завода, где выделывали ружейные ложа, воздух был наполнен тончайшей древесной пылью, которая проникала “до последних разветвлений дыхательных трубок” “Постоянное раздражение этой пылью дыхательной слизистой оболочки, — писал лазаретный врач этого завода И. Андржеевский, — переходит наконец на самую основу легких и составляет одну из причин распространения между рабочими катарально-интерстициальных легочных процессов” вплоть до легочной чахотки, которая была весьма распространена и являлась одной из главных причин смерти ижевских оружейников.

Поначалу завод производил ложа из березы, затем из ореха. Березовая пыль давала самое большое число чахоточных, но ореховая сильнее раздражала органы дыхания. В полировочной и точильной мастерских рабочие вдыхали “раскаленную от трения минеральную пыль” (железо, точильный камень, наждак), “и редкий из них, — отмечал доктор И. Андржеевский, — после нескольких лет работы не страдает хроническим бронхитом или легочной эмфиземой” От искр работники этих производств получали ожоги глаз и рук и, как следствие последних, язвы, свечения и анкилозы пальцев.

Но самой дурной репутацией у Ижевских оружейников пользовался знаменитый ржавый лак. Подчеркивая вред этого производства, И. Андржеевский писал: “Тут есть все: и химическая порча воздуха острыми парами минеральных кислот, и пыль окиси железа, которая тучами

носятся в воздухе, и духота...” По его наблюдениям, на некоторых оружейных производствах жидкая и жирная грязь (смесь минеральной пыли с маслом) глубоко проникала в кожу, вызывая сыпи и кожные болезни, отличительной чертой которых был разъедающий, язвенный характер.

Весьма распространенным недугом ижевских рабочих было варикозное расширение вен в результате “продолжительного, в течение многих часов, стояния на ногах, которое не оставалось без влияния на кровообращение вообще” [125]. При производстве пушек на Мотовилихинском заводе от стояния за станком в течение целой смены у рабочих также появлялись варикозное расширение вен и язвы [126].

Различные виды золочения холодного оружия, применяющиеся на Златоустовском заводе, весьма вредно сказывались на здоровье рабочих. При сушке клинка, покрытого кинovarью, выделялись пары ртути, которые отравляли рабочих. “Золочение через огонь” у раскаленного горна также требовало работы с жидким раствором золота в ртути. В результате у рабочих выпадали зубы и волосы [127].

Производства по обработке меди также были причиной отравления рабочих, появления у них легочных заболеваний. По наблюдениям И. В. Протасова, относящимся еще к XVIII в., в медноточильном производстве у рабочих “от пыли делаются жестокие рвоты, колики в животе и груди, другие грудные и головные припадки, так что сии люди всю жизнь бывают сухи, удушливы и часто припадчивы” [128]. Профессиональными заболеваниями меднолитейщиков были катар бронхов и глотки, туберкулез легких и легочная чахотка.

В обрабатывающих цехах высока была вероятность получения травматических повреждений от машин и механизмов. Забвение осторожности, “какая при всех машинах потребна”, приводило к увечью или смерти. Так, в конце XVIII—начале XIX вв. подлинным бедствием для рабочих стало внедрение вододействующих механизмов, особенно в гвоздарном и резном производствах. Самым обычным делом стало “задавление” рабочего “приведенным в обращение колесом” Слишком близко подходить к действующим механизмам также не следовало. Прихватив работника Верх-Исетского завода Василия Кузнецова, колесо оторвало ему руку. Работающий на том же принципе резной стан Верх-Исетского завода в ноябре 1812 г. затянул одежду мастерового Кирилы Смирных, когда он, пытаясь “охлаждать действующие резные круги водой” “подошел к сему близко” Вслед за одеждой в стан мгновенно попал он сам [129].

Положение усугублялось теснотой производственных помещений. Фабрики не были приспособлены к установке нового, нередко громоздкого оборудования. Иногда вспомогательные работы проводились в любом помещении. Так, резное производство Верх-Исетского завода в начале XIX в.

Таблица 33

**Заболеваемость работников металлообрабатывающих производств
Нижнетагильских заводов (1786 г.)**

Заболевание	Число больных							
	Кузнец, кузнечный работник	Укладной мастер	Молото- дельный работник	Колоту- щечный мастер	Дощатый работник	Резчик, резной ученик	Стальной ученик	Литух
Горячка	1	—	—	1	—	—	—	—
Ломота	—	—	—	—	—	—	1	—
Понос	—	1	—	—	—	—	—	—
Коросты	1	—	—	—	—	—	—	—
Венериче- ские	2	—	—	—	—	—	—	—
Раны	2	—	—	—	—	—	—	—
Расшибы	3	—	—	—	2	—	1	—
Отсекание руки	—	—	—	—	—	1	—	—
Раздавы	2	—	—	—	—	—	—	1
Нагноение руки	—	—	1	—	—	—	—	—

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 258—263.

ютилось в углу кричного цеха [130]. К концу столетия улучшений не произошло. “По всем мастерствам встречаешь теперь станки и станки; везде люди теснятся, как сельди в бочонке”, — писал в 1880 г. врач Ижевского завода. Описывая сталепушечный Мотовилихинский завод, Р Рума специально отметил “необыкновенную” тесноту его токарной фабрики. “Насколько тесна эта фабрика, — писал он, — можно видеть из того, что некоторые рабочие, чтобы обойти вокруг своего станка, должны протиснуться между им и соседним, что, конечно, подвергает их опасности, а такое протискивание мне случалось видеть очень часто” По сведениям, собранным к VIII съезду врачей Пермской губернии, состоявшемуся в 1902 г., на “тесноту помещений указывали многие из заводских врачей” [131].

Условия работы в металлообработке приводили к повреждению прежде всего верхних конечностей, ближе всего находящихся к действующим частям машин и механизмов, “которые очень быстро способны нанести травму” Например, токарные станки на Мотовилихинском заводе “чрезвычайно часто” калечили руки рабочих [132]. Преобладали легкие повреждения. На мелкие раны, уколы, занозы рабочие не обращали внимания, так как наносили их себе постоянно, а инфекция, попадая с пылью и грязью

в эти мелкие повреждения, приводила к нарывам, панарициям в их наиболее тяжелой форме: ногтоседа, эмеевец.

Как показывает табл. 33, работники металлообрабатывающих производств обращались за помощью к медикам с самыми разнообразными расстройствами, среди которых профессиональный травматизм играл не последнюю роль. Наиболее представительны данные 1786 г. о людях, занятых в кузнечном производстве. В процессе работы с ними происходили следующие повреждения: ранения, раздавления, “расшибы” Горячке и “ломоте” работники этих производств были подвержены намного реже.

Заболеемость и сверх-смертность Получив серьезную травму или заболевание, рабочие обращались к медикам. На Нижнетагильских заводах в 1786 г. к “пользованию” врачей прибегли 288 больных. В 1799 г. получили медицинскую помощь 167 рабочих Верх-Исетского завода [133]. О степени охвата медицинской помощью горнозаводских жителей во второй половине XIX в. свидетельствует такой показатель, как отношение обратившихся к медикам больных к общей численности населения. В 1853—1855 гг. население Невьянского округа составило более 18 тыс. человек, а среднегодовое число больных, обратившихся за помощью — 1804 человека. Следовательно, в медицинскую статистику попал каждый десятый житель. По записке главного врача Нижнетагильского округа Рудановского, опубликованной в 1870 г., за последние 10 лет к врачам в среднем за год обращалось 5390 больных, т. е. почти каждый десятый, учитывая, что население округа составляло 53 738 человек [134].

По мнению заводских врачей, “мастеровые привыкли лечиться и с самой незначительной болезнью тотчас обращаются в госпиталь за помощью” [135]. Следовательно, данные о первичной обращаемости в заводские лечебные учреждения содержат достаточно полную информацию о заболеваемости рабочих. Это утверждение особенно важно для XVIII в., так как медицинская отчетность лекарей того времени является единственным массовым источником статистического характера для анализа заболеваемости, прежде всего профессиональной, ибо помощь оказывалась в первую очередь непосредственно занятым на производстве, о них же собирались и сведения.

Как видно из табл. 34, перечни болезней в отчетах лекарских учеников Нижнетагильского и Нижнесалдинского заводов за 1786 г. и Верх-Исетского за 1799—1800 гг. во многом совпадают, позволяя сделать анализ заболеваемости рабочих за вторую половину XVIII в. Приступая к нему, следует учитывать, что терминология в этих источниках имеет существенные отличия от названий нозологических форм, со временем выработанных научной медициной. Нередко медики того времени исходили от симптома, по-

Таблица 34

Заболееваемость рабочих Урала (вторая половина XVIII в.)

Заболеевание	Число больных	
	Нижнетагильские заводы (1786 г.)	Верх-Исетский завод (1799—1800 гг.)
Горячка	53	55
Лихорадка	—	5
Колотье (в груди и боках, в боку)	1	3
Ломота (в голове, щеки с опухом, в холке, в руке, в руке с опухом, в спине, в поясице, в сердце, брѣца, в руке и ноге, в ноге, в ноге с опухом, костей)	29	7
Боль костей	—	1
ВНУТРЕННИЕ БОЛЕЗНИ	20	17
Жаба (ангина)	—	1
Желтуница	1	—
Удушье	—	1
Колика в груди (плеврит)	—	2
Чохотка	—	1
Боли в желудке	—	1
Давление в желудке	—	1
Повреждение желудка	1	—
Резь живота	4	—
Грыжа в паху (?)	1	—
Резь в моче	—	1
Резь и запираніе мочи	1	—
Понос	3	—
Запор	2	—
Почечуй	—	2
Черви в заднем проходе	1	—
Раздутіе детородного члена	—	2
“Яички распухли”	—	1
Резь в тайном уде	2	—
Опух тайного уда	1	—
Течение гноя из тайного уда	1	—
Опух в шульнях (?)	2	—
Рвота (с кашлем)	—	4
ИНФЕКЦИОННЫЕ	—	6
Рожа (на лице, шее, плече, спине)	—	5
НЕРВНЫЕ	—	2
Головная боль с “бобонами”	—	1
ПСИХИЧЕСКИЕ: меланхолия	—	1
ХИРУРГИЧЕСКИЕ	—	1
Водянка	—	—
Прогрызение килы (грыжи) с раной	1	—

Продолжение табл. 34

Заболелание	Число больных	
	Нижнетагильские заводы (1786 г.)	Верх-Исетский завод (1799—1800 гг.)
Кила внутренняя в правом боку	1	—
Опухоль (руки, локтя, ноги, колена)	10	5
Нарыв (на щеке, шее, руке, перста руки, в паху, на бедре, ноге)	—	24
Чирей (на голове, лице, руке, боку, спине, ноге)	7	2
Коросты (на голове, лице (мокрые) и руках, по телу, в заднем проходе)	4	—
Нагноение (на голове, перста руки (с опухом), руки с ломотой, руки с опухом, ноги с опухом)	12	—
Ногтоеда (панариций)	—	7
Змеевец (панариций)	7	3
Рана (цынготная, на голове (гнойная), шее, руке (с опухом), перста руки, перстов рук и ног, на ноге (от мозолей), ноге с опухом, берце)	22	9
Посек (руки с раной, перста руки, рук и ног с раной, ноги с раной)	13	12
Отсекание руки	4	—
Отсекание перста руки	—	1
Разрезание перста руки с раной	1	—
Разодрания перста руки	1	—
Оборвание перста ноги	1	—
Раздавление (груди, плеча, руки, спины и раны на руке, ноги)	7	—
Расшиб (головы, груди (с опухом), руки (с ломотой), кулака, перста руки)	21	11
Отшиб (перста руки (с раной), руки и щеки, лопатки, плеча, бока, лопатки и ребер, спины и ноги, ноги с раной и с опухом)	15	13
Излом (ребра, ноги)	—	4
Пролом ноги с раной	—	1
Вывих (ноги с опухом, перстов ноги)	—	2
Ожог (лица, глаз, головы с раной, шеи, лица и груди, руки (с раной), брюха с раной, ноги (с раной), пальцев ног с раной)	10	24
Озноб (руки, ноги, пальцев ног)	1	6
БОЛЕЗНИ УХА, ГОРЛА, НОСА	2	9
Кровотечение из носа	1	—
Нарыв в горле	—	3
Боль в горле	—	5
Боль “ушами”	—	1
Ломота в ухе	1	—

Окончание табл. 34

Заболевание	Число больных	
	Нижнетагильские заводы (1786 г.)	Верх-Исетский завод (1799—1800 гг.)
БОЛЕЗНИ ГЛАЗНЫЕ	1	8
Глазная болезнь	—	4
Боль “глазами”	—	4
Воспаление и ломота глаз	1	—
БОЛЕЗНИ КОЖНЫЕ: чесота (чесотка)	10	2
БОЛЕЗНИ ВЕНЕРИЧЕСКИЕ	14	5
Французская болезнь	6	—
Гонорея (грыжа белая, резачка)	3	5
Грыжа белая с резью	4	—
Опух тайного уда и белая грыжа	1	—
ЗАБОЛЕВАНИЕ ЗУБОВ И ПОЛОСТИ РТА	17	2
Зубная болезнь	14	—
Ломота в зубах	—	1
“Пупыри в роту”	1	1
Пузыри на губе	1	—
Чирьи на губе	1	—

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 130 об.—154; Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 258—263.

этому предложенная классификация должна рассматриваться как условная. Так, под понятием “горячка” скрывались разнообразные недуги, объединяемые высокой температурой больного. “На одном этом признаке, — писал Р. Н. Рума, — ничего основать нельзя, так как высокая температура встречается при очень многих болезнях, ничего не имеющих общего между собой, например, при всех формах тифа, крупозной пневмонии, сочленовом ревматизме, трихинозе и при многих других. По температуре нельзя даже определить ту область, в которой нужно искать локализацию страданий, потому что эти признаки встречаются и при болезнях головного мозга, легких и пищеварительных органов” [136]. Подобным же образом следует поступать с лихорадкой, хотя высокие показатели заболеваемости ей отчасти можно интерпретировать как распространение среди населения простуды. Сюда же следует отнести единственный случай ангины (“жабы”).

О распространении заболеваний костно-двигательного аппарата косвенно свидетельствуют различные “ломоты” и такие диагнозы, как “ломота в костях” “боль в костях” Значительная часть “ломоты” прежде всего конечностей, спины и поясницы, вплоть до “ломоты в сердце” была, вероятно, ревматического характера. Весьма полно представлены недуги, пора-

жающие органы дыхания, начиная от боли и нарывов в горле и кончая плевроитом, чахоткой, удушьем, хотя количество их было невелико. Значительным оказалось число кожных заболеваний: нагноений, нарывов, чирьев, корост. В общем объеме лидировали нарывы, особенно на пальцах рук, которые часто также называли “ногтоеда” и “змеевец”. Нередко встречались нагноения на верхних и нижних конечностях. Вполне вероятно, что постоянное попадание пыли, сажи, грязи, горячей окалины на кожу рабочего снижало ее защитные свойства и могло стать причиной таких серьезных заболеваний, как рожистое воспаление, а также чесотка.

Львиную долю среди недугов рабочих занимали различные виды травм. Наиболее часто происходили ушибы — “расшибы” и “отшибы” в терминологии источника, за ними по убывающей следовали ожоги, раны, “посеки” “Раздавы”, ознобы, переломы, “отсеки”, вывихи встречались значительно реже, “разрезание” “разодранье” “оторвание” — в единичных случаях. Впрочем, число ранений должно быть увеличено за счет “посеков” “отсеканий” “разрезаний” “разодраний” и “оборваний” при которых неизбежно возникали значительные раневые поверхности и, следовательно, поставлено на второе место после ушибов. Кроме того, определенная часть ожогов, “раздавов” “отшибов” переломов также осложнялась ранами.

Таким образом, заболеваемость нижнетагильских и верх-исетских рабочих во второй половине XVIII в. складывалась под мощным прессингом недугов, вызванных неблагоприятными условиями труда и профессиональным травматизмом. При низкой доле остальных заболеваний она приобрела ярко выраженный производственный характер.

Ближе к середине XIX в. появились сочинения горнозаводских врачей, посвященные болезням населения. Этому вопросу стали уделять внимание авторы различных описаний и статей об Урале. Обращение к их сведениям показывает, что заболеваемость уральских рабочих в XIX в. не претерпела существенных изменений. В 1835 г. медик Т. Успенский среди болезней жителей Екатеринбургского уезда называл переходящую ломоту, ревматизм, лихорадку, горячку, флегмоны, водянку, грыжи, ожоги [137]. Корреспонденты РГО в 1848—1849 гг. сообщали, что мастеровые Богословских заводов “не имеют телесной добротности”, подвергаются чахоточной болезни и горячкам [138]. Доктор Д. Петухов писал в 1854 г., что жители Дедюхинского завода страдают от горячки, лихорадки, простуды, “действие которой не прекращается ни в какое время года”. Часто среди них встречались “горлянка” (трахеит), “дыхлица” (бронхит) и “дыхница” (пневмония). “Если у кого их нет, — уточнял автор, — то мучит того судорожный кашель, который иногда ожесточается до того, что больной как будто-бы задыхается от него” “Во всякое время года” существовал здесь

ларингит. Упомянул он также об ангинах, конъюнктивитах, отитах, чирьях и карбункулах с рожистым воспалением, причем рожи чаще всего появлялись на лице [139]. В 1855 г. врач Невьянского округа сообщал, что среди жителей “преизобилуют болезни воспалительно-катарального и ревматико-катарального свойства” Первые чаще встречались у тех, кто “выделял железо” вторые — на золотых промыслах. Особенно сильно был распространен ревматизм нижних конечностей [140]. В том же году штаб-лекарь Ильинский писал, что среди заболеваний тагильских рабочих “беспрестанно встречаются катары, ревматизмы, ушибы, обжоги, усталость, поясничная боль” Постоянно на заводе существовала тифозная горячка, “нередко” встречалась чахотка, “случалась” перемежающаяся лихорадка [141]. “Огромное количество” случаев ревматизма, катара и других болезней простудного характера наблюдал за 1855—1866 гг. у жителей Чермозского завода доктор З. Говорливых [142]. “Обыкновеннейшими” болезнями жителей Бисерского округа и Крестовоздвиженских золотых промыслов В. К. Коровин в 1862 г. считал горячку, “цынготную и глазную” [143]. В это же время в Ирбитском заводе население чаще всего страдало от горячки, лихорадки, ревматизма, чахотки, чесотки, воспалений. Водянка и скорбут встречались там весьма редко [144]. По наблюдениям священника Березовского завода А. Топоркова, простуда, горячка, кашель между его прихожанами были “весьма обыкновенны” Встречались одиночные случаи заболевания возвратной горячкой, перемежающейся лихорадкой и сифилисом. Однако самой сильной “болезнью здешнего края” которая “вкоренилась с видимым упорством” была чахотка. Этим заболеванием страдала “едва ли не третья часть жителей” [145]. По наблюдениям И. И. Архангельского, относящимся к 1890 г., уральские рабочие были подвержены параличам и ревматизму [146].

Собранная доктором Нижнетагильских заводов П. Рудановским статистика свидетельствовала, что с 1844 по 1855 г. соотношение различных видов травм осталось прежним. Лидерство держали ушибы — 418 случаев, за ними следовали ранения — 336, значительно меньше случалось ожогов — 123 случая и всего 25 переломов [147]. “При отправлении работ, — сообщал в 1862 г. автор описания Ирбитского завода священник И. Удинцев, — подвергаются иногда мастеровые ожогам, вывихам, переломам, ушибам, а от поднятия несоразмерных тяжестей — грыжам” [148]. В конце XIX в. появились первые публикации на тему производственного травматизма. Данные по Мотовилихинскому сталепушечному заводу за 1877—1883 гг. свидетельствуют об аналогичной структуре травматизма: на первом месте стояли ушибы (46,8 % всех повреждений), за ними следовали раны (39,3 %), ожоги (11,5 %), переломы (5,2 %), растяжения (1,2 %), обморожения (0,4 %), вывихи (0,3 %) [149]. Собранная Н. Саларевым статистика не-

счастливых случаев за 1886—1897 гг. только по восьми частным округам (Вятскому, Пермскому, Западно-Екатеринбургскому, Уфимскому, Верхотурскому, Восточно-Екатеринбургскому, Оренбургскому и Оренбургскому (южному)) и шести казенным (Гороблагодатскому, Златоустовскому, Пермскому, Камско-Воткинскому, Нижнеисетскому, Каменскому) также во многом свидетельствовала о сохранении традиционной структуры профессионального травматизма: лидерство сохраняли ушибы (770 случаев, плюс 95 ушибов глаз), значительно меньше (более чем наполовину) было повреждений суставов, повреждений костей и переломов (421 случай), за ними следовали ожоги (269 случаев, плюс 88 ожогов глаз), на последнем месте находились разрезы (242 случая) [150].

Разнообразные сведения о несчастных случаях конца XIX в. позволяют выявить наиболее часто травмируемые части тела. Как свидетельствует табл. 35, сталелитейщики Мотовилихи имели больше шансов получить ушиб нижних конечностей, а поранить — руки. Среди термических повреждений особенно много было ожогов как верхних, так и нижних конечностей, но преобладали последние. Аналогичной была ситуация с переломами.

Из табл. 36 видно, что за 1886—1897 гг. у работающих в горнозаводской промышленности велика была вероятность получения повреждений конечностей, причем среди заводских рабочих преобладали травмы верхних, а среди рудничных и приисковых — нижних конечностей. Случаев повреждения головы и глаз значительно меньше.

Особенно ценны показатели отношения количества несчастных случаев к общей численности больных или работающих. По данным Р. Рума, в общей картине заболеваний жителей Мотовилихинского завода за 1877—1883 гг. травмы составляли 12,22 % и занимали третье место после болезней органов пищеварения и дыхания [151]. На каждую тысячу рабочих в период с 1886 по 1897 г. (табл. 37) приходилось от 9,51 до 22,26 несчастных случаев. Подобное соотношение между числом работников и количеством случаев со смертельным исходом варьировалось в эти же годы от 1,36 до 4,33 случая на тысячу рабочих. Врачи считали официальные сведения о травматизме неполными и неверными. Однако к концу XIX в. другая, более точная, медицинская статистика так и не была создана, все осталось на уровне заявлений, что “травм несомненно очень много”

На примере Верх-Исетского завода рассмотрим возраст рабочих, обратившихся за медицинской помощью. Как видно из рис. 9, с 16 до 25 лет число заболевших растет. Затем примерно до 30-летнего возраста оно несколько снижается. Новый подъем достигал максимума к 38 годам и сменялся спадом, так как обращаемость к лекарям пожилых людей была невелика. Таковой была ситуация в 1799 г. На следующий год существен-

Таблица 35

**Повреждение частей тела при несчастных случаях на Мотовилихинском
сталепушечном заводе (1877—1883 гг.), %**

Вид повреждения	Поврежденные части тела			
	Голова	Туловище	Руки	Ноги
Ушибы	10,7	27,8	28,6	31,3
Ранения	15,4	4,7	47,0	32,7
Ожоги	7,5	8,4	26,1	47,3
Переломы	2,0 (черепа)	8,1 (ребер и ключицы)	40,9	48,7

Примечание. Составлено по данным: Рума Р. Материалы для санитарного описания Мотовилихинского сталепушечного завода и влияние его работ на здоровье рабочих // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 202—219.

Таблица 36

**Повреждение частей тела при несчастных случаях среди рабочих Урала
(1886—1897 гг.)**

Поврежденная часть тела	Место, где получена травма			Всего
	Завод	Рудник	Прииск	
Ноги	578	131	128	837
Руки	638	81	37	756
Глаза	183	51	7	241
Голова	87	44	3	134
Другие части тела	399	116	28	543

Примечание. Составлено по данным: Саларев Н. Несчастные случаи с рабочими людьми на частных горных заводах, рудниках и приисках в 8 уральских горных округах за 11,5 лет. Екатеринбург, 1898. С. 25; Он же. Несчастные случаи с рабочими людьми на казенных уральских горных заводах и рудниках за 11,5 лет. Екатеринбург, 1890. С. 87.

Таблица 37

Травматизм среди горнозаводских рабочих Урала (1886—1897 гг.)

Год	Число повреждений на 1000 чел., %	Год	Число повреждений на 1000 чел., %
1886	10,2 (1,36)	1892	9,51 (2,69)
1887	17,9 (2,24)	1893	13,22 (2,54)
1888	13,1 (2,63)	1894	13,04 (2,67)
1889	17,5 (4,33)	1895	15,55 (3,22)
1890	17,8 (3,45)	1896	15,9 (3,02)
1891	16,22 (2,51)	1897	22,26 (2,97)

Примечание. Составлено по данным: Саларев Н. Несчастные случаи с рабочими людьми на казенных уральских горных заводах и рудниках за 11,5 лет. Екатеринбург, 1890. С. 96.

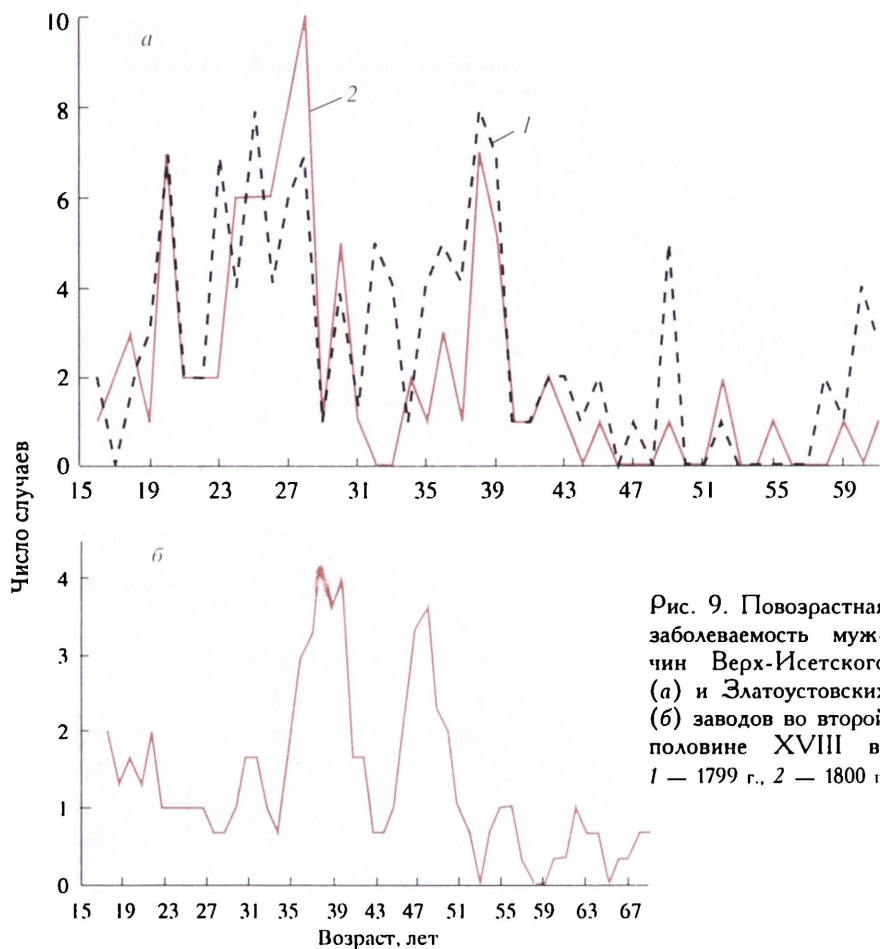

Рис. 9. Повозрастная заболеваемость мужчин Верх-Исетского (а) и Златоустовских (б) заводов во второй половине XVIII в. 1 — 1799 г., 2 — 1800 г.

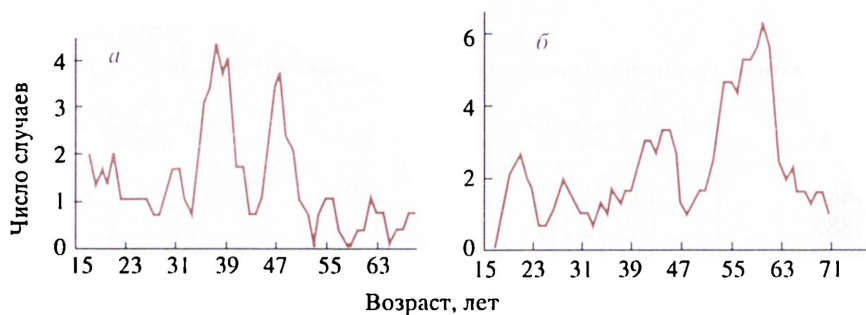

Рис. 10. Повозрастная заболеваемость (а) и смертность (б) мужчин Златоустовских заводов (вторая половина XVIII в.)

ных изменений не произошло: оба подъема сохранились, лишь вершина первого сместилась на более поздний срок — 28 лет. Устойчивость данных свидетельствует о том, что перед нами типичная картина возрастной заболеваемости рабочих.

В отличие от сведений о первичной обрабатываемости в подворных переписях аккумулировались данные о хронических больных. Составленный на их основе график демонстрирует иную картину заболеваемости. Количество хроников долгое время оставалось стабильным начиная расти по достижении ими 35 лет и с максимумами в 39—41 и 49 лет.

Таким образом, первый подъем заболеваемости рабочих приходился на возраст 20 лет, следующий — 35—40 лет, третий — самый кратковременный и наименее сильный — на 45—50 лет.

Смертность мужского населения зависела от профессиональной заболеваемости и травматизма. Как видно из рис. 10, первая кривая, представляющая заболеваемость, опережает вторую, описывающую смертность, следовательно, рост заболеваемости с 35 лет повышал число смертных случаев в 40 лет. Наивысшему подъему смертности предшествовал второй подъем заболеваемости 40—50-летних мужчин.

Рассмотрим влияние заболеваемости на смертность рабочих горнозаводской промышленности Урала в зависимости от возраста при поступлении на работу. Трудовой путь горнозаводское население начинало обычно в 12 лет.

“Как в 12 лет мальчишка,
Он колодочки надел,
В синю пестрядь нарядился,
На шуровочку поспел” [152].

В середине XVIII в. детский труд использовали на Уткинском и Сылвенском заводах [153]. В 1780-х гг. служитель Березовских золотых рудников сообщал, что “здесь работы такие легкие, что десятилетние и менее годами мальчики и женского пола девочки в работе находятся” [154]. По мнению высокопоставленного горного чиновника А. Дерябина, это было недопустимым, ибо раннее привлечение подростков к работам приводило к их преждевременному изнеможению. Согласившись с ним, уральское горное правление предписало в начале XIX в. “не употреблять мужской пол в работы” до 15 лет, “ибо опытами доказано, что они от преждевременного употребления в работы изнуряют себя, приходя преждевременно в болезни и неспособность к работам во вред заводам” [155].

Особенно тяжелое положение с использованием детского труда возникло на севере Урала. В 1837 г. начальник Богословских заводов сообщал, что “по особой суровости и непостоянству климата, по трудности и вред-

ности для здоровья горнозаводских работ рабочая команда пользуется меньшим здоровьем в сравнении с другими местами, но все это в особенности неблагоприятно сказывается в позднем слабом развитии телесных сил и здоровья детей и имеет явно сильное влияние на будущее состояние крепости малолетов” [156].

К 1830-м гг. точка зрения администрации изменилась мало. Ей хорошо было известно, что “от занятия детей с 12 лет постоянными работами они преждевременно могут прийти в изнурение” Но детский труд на заводах применялся. Традиционно рано начинали перенимать секреты оружейного ремесла дети в Ижевском заводе. В 1840-е гг. объем работ там превышал силы мастеровых, что особенно неблагоприятно сказывалось на их детях, которые, работая с 11—12 лет, к 18 годам уже страдали тем или иным профессиональным заболеванием. В последующие годы положение усугубилось. Так, И. Андржеевский в 1880 г. писал, что ижевский рабочий “свою карьеру начинает нередко с 10-летнего, иногда даже с 9-летнего возраста” Никаких исключений для малолетов не делали. “Даже напротив того, — возмущался он, — один из самых вредных видов работы, чистка под лак металлическими щетками ружейных стволов, штыков и пр., предоставлен по причине легкости исполнения его, почти исключительно малолеткам...” В такой ситуации, — продолжал он далее, — “организм их окончательно хиреет и приостанавливается в своем развитии” В результате чего “рабочий 15-ти, а нередко даже 17-ти лет смотрит по телосложению совершенным еще ребенком” [157]. В. Португалову также довелось в 1870 г. писать о работающих на рудниках десятилетних детях [158].

Данные медицинского обследования призывной молодежи за 1874—1885 гг. свидетельствовали о том, что к 20 годам рекруты из заводских волостей имели целый набор болезней. В Кусье-Александровской волости 4,6 % из них были поражены грыжей, 3,7 % — заболеваниями костей и суставов, примерно 13 % страдали физическим недоразвитием. Аналогичной была ситуация в Архангело-Пашийской волости: 4 % призывников имели грыжу, физическое недоразвитие наблюдалось у 15 %. По мнению врачей, физическое недоразвитие более свойственно заводской молодежи, “нежели сельской” [159].

В конце XIX в. положение не изменилось. Еще в 1891 г. Р. Рума отмечал, что на Мотовилихинском сталепушечном заводе дети начинали иногда работать с 12 лет [160]. Наблюдения антрополога Б. Вишневого, основанные на массовых осмотрах, свидетельствовали: “...фабрично-заводские работы, труд в рудниках, отзываются прежде всего на росте человека, задерживая развитие организма, особенно в период его становления” [161].

Негативное влияние на здоровье рабочих оказывало не только раннее начало трудовой деятельности. За обучение трудовым навыкам молодежь

расплачивалась собственным здоровьем. Например, угар поражал всякого, кто начинал работать в доменном цехе. Смотрели на это как на неизбежность. Впоследствии постоянные головные боли пропадали — организм привыкал, и рабочий приобретал “ловкость”, при засыпании сырья в домну уже не стоял по направлению ветра [162]. О связи условий труда и заболеваемости в начальный период работы на заводах имели представление и сами рабочие: “Сколь наболеешь — пока приобикнешь” — считали они. Вследствие малоопытности травмы с молодыми рабочими также случались чаще. Подъем заболеваемости и вслед за ней смертности среди рабочих в молодые годы был обусловлен именно этими причинами. “В первые десять лет после начала работы на заводе, — писал Р. Рума в 1880-е гг., — успевает вымереть все, что было между рабочими слабого или болезненного” “Постоянное вредное влияние заводских работ через 10—15 лет начинает преодолевать и более сильных, вынесших от 10 до 15 лет заводской работы” — продолжал он [163]. Так, эмфизема легких появлялась у горняков в возрасте от 30 до 40 лет, т. е. после 10 лет работы под землей. Гиперемия сердца также встречалась лишь у рабочих в возрасте 32—50 лет и свидетельствовала, что они более десятилетия трудились в шахте [164].

Наряду с болезнями жизнестойкость адаптированного к горнозаводским работам организма подрывалась вредными условиями труда. По этому поводу врач И. В. Протасов в конце XVIII в. писал: “Болезни, перетревожив и ослабив всю систему тела человеческого, причиняют работающим такую слабость и изнеможение, что некоторые через несколько дней едва могут придти в прежние силы, а когда воспрянут оные, то снова употребляются к тем же работам” [165].

Важной вехой в этом процессе был 40-летний возраст. С него начиналось вымирание мужчин, ибо “многие из них еще прежде 40 лет своего возраста от тяжелых трудов чувствуют боли и ломоть” — отмечал И. В. Протасов [166]. В связи с хронической и множественной патологией работницы по достижении этого возраста быстро теряли трудоспособность, их состояние обозначалось в источниках фразой: “Стар, дряхл и ни к какой работе не способен” Как это случалось, покажем на примере трудового пути рудопромышленника Петра Бурундукова. Поступив в службу в 1755 г., он три года проработал при Екатеринбургском, а затем до апреля 1785 г. при Березовском заводах. После 30 лет работы из-за болезни его отправили на излечение в госпиталь, “в котором и находился с месяца полтора, а излечения от той болезни получить не мог, то отослан паки обратно с тем, что уже таки в работах быть не может” [167]. В конце XIX в. 40-летний рубеж жизнестойкости не был преодолен и Р. Рума писал в 1891 г. об уменьшении доли участия в работах на Мотовилихинском заводе лиц, старше 40 лет [168].

Таблица 38

Причины смерти мужчин Богословской волости (1861—1866 гг.)

Причина смерти	Число умерших	Причина смерти	Число умерших
Горячка	115	Паралич	5
Старость	34	Хронический катар	4
Чашотка	29	Воспаление мозга	3
Водянка	15	Воспаление желудка	2
Пневмония	11	Замерзло	2
Скорбут (цинга)	7	Угорело	2
Апоплексия сердца	5	Прочие болезни	11

Примечание. Составлено по данным: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 141.

Таблица 39

Причины смерти мужчин Воткинского завода (1891—1895 гг.)

Причина смерти	Число умерших	Причина смерти	Число умерших
Чашотка	172	Холера	35
Старость	147	Пневмония	34
Кашель	125	Водянка	23
Горячка	97	От водки	18
Простуда	39	Убито	14
Насильственная смерть	38	Прочие болезни	122
Паралич	35		

Примечание. Без учета болезней органов пищеварения. Составлено по данным: Спасский И. Санитарные очерки Воткинского завода. Вятка, 1904. С. 130—131.

Травматизм оказывал аналогичное влияние на формирование повозрастной смертности, так как “несчастные случаи также влекли за собой очень много как наружных и местных, так и внутренних болезней” По данным переписи Нижнетагильского завода 1879 г., число покалеченных мужчин увеличивалось с 15-летнего возраста, что также совпадало с возрастом, когда начинали работать на заводе. До 35 лет количество покалеченных возрастало. Далее увечных становилось несколько меньше. Но с 50 лет их число вновь возрастало, достигая максимума к 60 годам. После этого возраста люди уже не работали на заводе и имели мало шансов получить увечье [169].

Профессиональные заболевания и травматизм играли значительную роль в причинах смерти рабочих. Однако не стоит забывать о неизлечимых для медицины того времени недугах, которые часто имели летальный исход. Как уже отмечалось, статистика причин смерти была несовершенна, но и в таком виде она свидетельствовала, что между заболеваемостью ра-

бочих как таковой и причинами их смерти существовал определенный параллелизм (табл. 38). В том и другом случае на первых местах были горячки и болезни органов дыхания (чахотка, пневмония). Достаточно часто смерть происходила от упоминаемых нами при описании профессиональной заболеваемости недугов рабочих: апоплексии сердца, водянки, параличей. При анализе данных табл. 38 обращает на себя внимание крайне незначительное число смертей в результате несчастного случая.

Сопоставление сведений по Богословскому заводу начала 1860-х гг. с информацией доктора И. Спасского о жителях Воткинского завода конца XIX в. (табл. 39) показывает, что в причинах смерти произошли некоторые перемены (хотя, возможно, они были результатом более правильной диагностики). Оттеснив горячку, заболевания органов дыхания (чахотка, кашель, пневмония) вышли на первое место. Однако перечень болезней, от которых умирали люди, остался неизменным: чахотка, горячка, паралич, пневмония, водянка. Это свидетельствует о сохранении механизма, воспроизводившего высокую смертность уральских рабочих.

3.5. ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Принято различать смертность экзогамную (от внешних причин) и эндогамную (от внутренних) [170]. При высокой смертности преобладала экзогамная. Внешние воздействия прерывали или укорачивали жизнестойкость человеческого организма. Следовательно, смерть происходила часто и наступала преждевременно. На основе обычных для людей традиционного общества представлений о смерти — “большая”, “частая” “преждевременная” — рассмотрим явление сверхсмертности. Но прежде охарактеризуем взгляды на причину смерти.

“Животами и смертью Бог владеет” — считало горнозаводское население. В его среде широкое хождение имела пословица, ставящая земную кончину в зависимость от Божьей воли: “Бог дал — Бог взял” “Взять” по представлениям народа, он мог по-разному. Как показал Д. К. Зеленин, взгляды на природу смерти основывались на ее причинах и обстоятельствах. Умершие естественной смертью считались “чистыми” погибшие насильственной или преждевременной смертью — нечистыми или “заложными” покойниками. Их нельзя было предавать земле, под страхом ее гнева за осквернение. Не получив достойного погребения, такие мертвецы мстили людям, губя летом посевы. Чтобы их умиротворить, перед началом цветения зерновых устраивали поминки, которые по срокам совпадали с семеном [171]. Явление сверхсмертности было осмыслено горнозаводским населением именно в русле этих традиций.

Даже на фоне “большой” смертности количество смертных случаев в горнозаводской промышленности Урала казалось чрезмерным. Этот признак сверхсмертности нашел свое отражение в легендарных преданиях о массовой гибели и убийствах рабочих (например, затопление Демидовым подвалов Невьянской башни и находившихся в них людей). М. Г. Китайник считает, что их сюжеты были “закономерным порождением “особого быта” дореформенного крепостного Урала” “Систематические истязания и убийства рабочих, каторжный труд, — писал он, — породили мысль о неизбежной массовой гибели тружеников” [172].

В преданиях художественное повествование и вымысел сочетались с историческими фактами. В 1761 г. Н. А. Демидов гневался на своих приказчиков, уморивших на строительстве Нижнесалдинского завода за один год 189 переселенцев из центральных губерний. Казна столь же мало дорожила человеческой жизнью. Из посланной в 1818 г. на Богословские заводы тысячи мастеровых до следующего года дожили 200 человек. Обвалы шахт из-за неправильной эксплуатации приводили к массовой гибели людей. Так, мало понимавший в горном деле управляющий Бакальским месторождением стал виновником грандиозного обвала, при котором погибли 40 рудокопов [173].

Частые случаи смерти порождали у людей иллюзию ее постоянного присутствия. Как уже было показано при описании травматизма, смерть в уральской горнозаводской промышленности подкарауливала рабочего всюду. Мастеровые постоянно ощущали ее. Особенно явным было воздействие психологического прессинга на работников шахт, что нашло наглядное отражение в пословице: “Шахтер ходит со свечами, а смерть носит за плечами”

В качестве одного из признаков ненормальности, неестественности смерти у русских всегда была ее преждевременность. К тем, кто умер молодым, раньше срока, предназначенного при рождении, относились с подозрением. Человек должен был изжить свой век [174]. Работникам уральской горнозаводской промышленности, характерной чертой которых была ранняя смерть, выполнить это предназначение удавалось не всегда.

Приписывая всему свое время, народ четко отделял молодость от старости. Процесс старения воспринимался как медленное увядание и был приурочен к пожилому возрасту. Выглядеть стариком в молодые годы было противоестественно. Однако в рабочем фольклоре такие случаи описаны. Например, сюжет песни о “мальчике”, 8 лет проработавшем “в Богословске”, завязан на том, что после возвращения его не узнала даже родная мать. Происшедшие с ним перемены герой песни напрямую связывает с условиями труда:

“Горно-каторжные там работы,
Знать состарили они меня” [175].

В глазах подростков из Гумешевских рудников работы их не просто состарили, а “сгубили” Следователи из комиссии, посланной туда в середине XIX в., встретили более 30 несовершеннолетних подростков, которые “при выходе из шахт в грязных рубашках, бледные, истощенные, на вопрос об их положении долго ничего не могли сказать, а потом навзрыд все заплакали, выразив, что сгубили их, спины у них попорчены, ноги у всех их болят от простуды в шахтах и что держат их там в продолжение целой смены и беспрестанно принуждают катать тачку с рудой без счету” Освидетельствовав 106 подростков, комиссия пришла к неутешительным выводам о влиянии условий труда на неокрепший организм детей: “Более 90 человек истощены, имеют разные болезни, некоторые повреждены при работах и многие из них имеют на теле своем явственные следы ссадин на спине и отиров о плахи или крепи и камни в низких штреках, по коим откатывали они внутри рудника руду” [176].

По мнению рабочих, горнозаводское производство порождало смерть необычайной силы, выдержать ее натиск могли люди богатырской закалки, но и для них исход был предопределен: “согнутые в дугу спины, подгибавшиеся колени, дрожавшие корявые руки” О “горе” и “огненной работе” — двух центральных отраслях производства, бытовали похожие представления. “Гора любого человека свалит”, — считали горняки. С ними был согласен Д. Н. Мамин-Сибиряк: “Самый сильный человек “израбливается” под землей в десять—двенадцать лет” [177]. Аналогичное воздействие на человека оказывала “огненная работа” на которой “любой богатырь перегорал” В кричный цех приходила молодежь атлетического сложения и большой физической силы. Поработав в нем, становились “полукалеками, с трясущимися руками, с надорванной спиной”

Мастеровые считали, что подобная “сила” смерти была вызвана не совсем естественными причинами, видели в ней проявление злого, потустороннего начала. Доменщиков к гибели приводила “дерзкая” “манящая” красота такого демонического персонажа, как девка Огневица. В бушующем пламени печи виделось им это прекрасное создание, но смотреть на нее было опасно. Немало людей, по рассказам доменщиков, осмелившись взглянуть в очертания девушки, сошло с ума, либо погибло в ее объятиях [178].

Типичные горняцкие бедствия — обвалы, пожары были в глазах рабочих делом рук Горного духа. Каждое месторождение имело своего духа. Поэтому данный демонический персонаж называли также “Хозяином шахты” В легендах о его происхождении представления о “заложных” покойниках переплелись с реалиями жизни шахтеров. Появлению очередного “Горного” предшествовал случай неестественной смерти. Им мог стать погибший шахтер или самоубийца. В одном из преданий говорилось, напри-

мер, о парнишке-коногоне, превратившемся после смерти от несчастного случая в Хозяина шахты [179]. В Бакальских рудниках, по преданию, “хозяйничал” бывший надзиратель. Рудником на горе Шуйде “управлял ученый горный надзиратель из крепостных. Не зазнавался. К подневольным рудокопам относился душевно” За предложение добывать руду при помощи вскрышных работ был хозяевами разжалован и публично высечен розгами. “Не вынес он такой обиды, такого позора и наложил на себя руки” Вскоре он стал “мерещиться” и даже встречаться некоторым в забоях [180].

Повадки Горного были сродни поведению “заложных” покойников. На Бакальских рудниках “под землей иногда раздавались стоны” В этих столах горнякам чудились отголоски смертных мук умершего неестественной смертью человека. Нагнать на рабочих еще больше страху Горный мог при помощи свиста: “Ух, как засвистит — душа млела”, — вспоминали люди о его проделках. Порядок в шахте зависел от способа передвижения Горного духа: “Где пройдет шагом — все ладно, где бегом — обвал, где вихрем — пожар” [181].

Для осмысления причин сверхсмертности народ широко использовал образы самого сатаны, чертей, ада. Проще всего дьяволу и его воинству было проникнуть под землю — в шахты и рудники. Облегчали их задачу равные им по злокозненности приказчики. Как рассказывает одно из шахтерских преданий, чтобы было кого мучить, черти затеяли с ними игру в карты, ставкой в которой были человеческие жизни: “Приказчики по ночам с шайтаном в карты “режутся” и ставят на людей: сколько проиграют, столько на завтра в “духовку” посылают” “Духовка” — душная шахта, по мнению рабочих, и была тем местом, которое под свое местопребывание облюбовали черти, т. е. отделением ада [182].

Для уподобления заводских работ аду большого воображения не требовалось. Это было столь явственно, что свежий взгляд инспектирующего Урал столичного профессора-гигиениста Л. Бертенсона сразу заметил: “...работа у таких печей поистине адская” [183]. Сознание самих рабочих проделало длинный путь от видения козней дьявола в отдельном событии, например, несчастном случае (“На нашем руднике порода / Не порода — сатана. / Сколько бедного народа / Покалечила она...” [184]), до всеобъемлющего обобщения, что вся горнозаводская промышленность — олицетворение ада. В глазах рабочих она была буквально “наводнена” различными демонологическими персонажами — не только выходцами с того света, но и чертями.

Однако на заводах были такие места, которые невзлюбили даже черти, и не потому что там от них постоянно открещивались, скорее наоборот. Вся обстановка “огненных” производств соответствовала аду и долж-

на была более всего привлекать его обитателей. “Как польется сталь верхом, — вспоминал один из рабочих Авзяно-Петровского завода, — пекло страшнее ада твоего: земля гудит, в глазах одна сплошная молния... А мастер кричит, материт — изложницы тащи, остыть не давай” [185].

В таком жанре рабочего фольклора, как сказка, активно разрабатывался сюжет о том, что “на заводе несколько не лучше, чем у чертей в аду”. В сказке “Кузнец и черт” работник кричного цеха предлагает этому представителю нечистой силы: “Давай меняться: я к тебе пойду, в ад то есть, а ты ко мне, в кричную. У тебя лучше”. Черт сначала разгневался: “Ты в аду не бывал, смерти не видал, потому так и говоришь”. И поволоку кузнеца в ад “показать мучеников да грешников, которые в котлах смоляных варятся”. Пришли в ад. Черт повел кузнеца по геенне огненной, показывает ему все, а сам думает, что кузнец устрасится и назад вернется. А кузнец идет, ему хоть бы что, как дома себя чувствует. Ходили, ходили, черт и спрашивает кузнеца: “Ну как, страшно? Видишь грешников, как они живут — в котлах смоляных кипят...” Тут кузнец осерчал, да и говорит черту: “Не морочь мне голову. Пойдем я тебе покажу ад. Дело верное, а то время тратим без толку”. Потащил черта кузнец в кричную. Вот приходят, идут по кричне, а в ней ночь черна от пыли да от сажи... Тут начали сажать крицу и мастеру на лопате подавать. Искры посыпались из глаз. Черт уж и дышать не может”. Спор чертей и рабочих о том, где лучше: в аду или на заводе, оканчивался полным поражением нечистой силы. Удирающему с завода черту фольклорная традиция приписывала следующие слова: “Да что они дурака-то валяют, будто их работа не лучше нашей, — да в тыщу раз хуже...” [186].

Ад был страшен человеку, существовавшему в условиях “обычной” высокой смертности. При столкновении со сверхсмертностью в человеческом сознании происходила следующая метаморфоза: “Хоть я не черт, а со всем удовольствием согласен быть чертом и в аду жить. А вот пусть черт на моем месте поживет, узнает, как мы-то живем” [187]. Оказывается, в аду можно жить и жить, по мнению рабочих, не плохо, по крайней мере лучше, чем в условиях горнозаводского Урала. Рай, вторая и лучшая половина потустороннего мира, сливается в их сознании с адом: “...кому ад, мне — рай”. А выбор происходит в границах дихотомии земля — ад. Запредельность оценок рабочими условий своего труда, проявившаяся в высказываниях типа: “Пекло страшнее ада твоего”, “Пеклом-то нас не испугаешь” — явно свидетельствует об осознании понятия сверхсмертности.

Себя в таких условиях рабочие воспринимали не иначе как жертву, ибо трудились до последнего предела — “до измору” работа их “изнуряла” “вымогала” “изнашивала”. В результате такой жертвенности возникла и выросла слава уральского металла. Воплощение мотива жертвенности в

уральском фольклоре во многом перекликается со стихотворной строчкой Н. А. Некрасова: “а по краям-то все косточки русские...” Один из жителей северного Урала следующим образом представлял себе возникновение завода в этой местности: “Наш медный завод Походяшин, хозяин-то, на костях выстроил. На костях и домену задул. Золото кровью мыли” [188]. Народное сознание распространяло этот вывод на всю горнозаводскую промышленность края: “Уральские заводы выстроены ценой крови, на костях человеческих” [189].

Сохранились легенды о настоящих жертвах промышленным монстрам, повествующие о том, что при строительстве завода под его основание всегда закапывали живого человека, чтобы сооружения крепче “держали”. Со временем это стало настолько привычным, что человека закапывали и под плотину пруда. Когда впервые загружались заводские печи и горны, чтобы получить плавку или литье высокого качества, вместе с рудой и топливом в них обязательно бросали человека. Обычно для этого выбирали самого бедного, захудалого нищего или калеку. “Напоят его до потери чувств, — рассказывали рабочие, — и, подводя к будущей плотине, трижды спрашивают, будто все делается с его согласия:

— Укрепишь ли ты?

И тот должен был три раза повторить:

— Укреплю!

Потом его заваливали землей и песком, и человек оказывался заживо погребенным” [190].

Рабочие считали подобную жертву ничем не оправданной, а действия властей и заводчиков несправедливыми, сравнивая при этом заводы с “селом скудельничим, купленным на деньги Иуды” [191]. Символом их страданий стала Невьянская башня: “В ее подземельях и народ топили, в ее закоулках людей замуровывали. Народ говорит о ней, что не скажут выходцы с того света, народу каждое пятно на этих окаменевших стенах кажется следом убийств, каждый загадочный шум в стене стоном когда-то замученных в каменных мешках жертв” И “пошатнулась” она, по мнению народа, “от жестокости заводчиков” [192]. “По сие время, — писал в конце XIX в. Д. Н. Мамин-Сибиряк, — на многих уральских заводах сохранились предания о том, как рабочих бросали в жерла доменных печей или топили в прудах, известный заводчик Зотов ходил по фабрикам с пистолетом и стрелял ослушников как зайцев” [193].

Среди горнозаводских жителей была широко распространена вера в приметы, предвещающие смерть. Верными знаками близкой смерти у жителей Верхнеуфалейского завода была погасшая во время венчания свеча, утонувший во время гуляний на Троицу веночек. Считалось также, что кончик носа чешется к покойнику, а переносица — к смерти матери. Если

смерть случалась во время выпечки хлеба и даже при подготовке квашни, то семья до сорокового дня должна была потерять еще кого-то. По горению венчальных свеч устанавливали также очередность смерти. У кого из супругов она сгорит быстрее, тот умрет раньше [194].

Смерти предшествовала агония, во время которой умирающего снимали с перины и клали на солому или рогожу, иначе на том свете ему предстоит мучения за каждое перышко. “За великой грех также почитают умереть на печи или полатах” — сообщал в 1849 г. информатор РГО из Верхнеуфалейского завода. Особенно неблагоприятным у жителей этого завода считалось умереть в бане. “Кто умрет в бане, за того, говорят, не должно и молиться,” — писал далее тот же автор [195].

Чтобы “отчаянно больной христианин в последние часы его земной жизни” облегчил душу, посылали за священником, который “напутствовал умирающего”. Промедление служителя церкви, в результате которого человек умирал без покаяния и причастия, являлось серьезным нарушением его пастырского долга, ибо духовник готовил исповедника к “страшному” для того переходу в иной мир. Врача, больной которого умер без покаяния, ожидали не служебные неприятности, а обструкция со стороны пациентов. Доктор Дедюхинского завода Д. Петухов был убежден, что народу надо говорить “горькую правду” и если она будет сбываться, “хотя и печальным образом” то врач “много выиграет во мнении...” Причиной этого было естественное желание людей иметь хоть какую-то определенность в данном вопросе, так как предсмертное поведение определял не страх перед смертью, а боязнь, что она произойдет до приобщения к церковным таинствам. “Народ не боится смерти, он боится только умереть без покаяния” — отмечал данный автор [196].

Раскольники и единоверцы старались избежать предсмертного общения с православным священником. “Везде и всегда в приходах, зараженных расколом и с единоверческими церквями, — вспоминал в 1888 г. священник П. С., — метрики испещрены надписями: “ненапутствован(а) по приглашению священника” [197]. Если раскольник был “шибко плох” его отправляли причащаться в скит к “духовному отцу”. Тот растворял в воде просфору и говорил 9 раз умирающему: “Тело Христово примите” [198].

Православная церковь напутствовала своих чад в загробную жизнь таинствами покаяния, причащения и елеосвящения (соборования). Церковь считала причастие, а особенно елеосвящение таинствами исцеляющими. Поэтому больные люди довольно часто прибегали к их помощи. В реестре “бывших у исповеди и святого причастия” Входоиерусалимской церкви Нижнетагильского завода за двухмесячный срок с 27 мая по 31 июля 1770 г. находится ряд записей о свершении этих таинств: “мая 27. Сидор Валега в болезни ис-

по. и прич.; мая 31. Фомин. у. Стефан Васильев Попов в болезни; 24 июня Стефана Рыбкова сын Иван в болезни; июля 2. вдовы Вострюхиной дочери Еуфимия, Малания в болезни обе; 13 июля Василий Яковлев Попов в болезни; июля 26 Савы Хотева жена в болезни; июля 31 Гаврила Зайцов в болезни” [199]. Через столетие данный обычай продолжал широко бытовать среди жителей Березовского завода. По сведениям его священника, “чуть захворает младенец, мать его спешит в церковь, приобщить его св. тайн, не смотря ни на свойство болезни его, ни на погоду” [200].

В ряде случаев священника “приглашали к болящему для свершения над ним таинства большей частью уже тогда, когда тот, лишившись сознания находился при последнем издыхании” При этом священник вынужден был отказываться, так как человека в бессознательном состоянии “напутствовать” не разрешалось. Так случилось в 1828 г. с жительницей Березовского завода Авдотьей Колупаевой. “По случаю небытия ее в здравом рассудке” позванный священник “не удостоил” ее исповеди и причастия [201]. В основе такой медлительности с проведением таинства лежало поверье, что соборование само по себе ускоряет приход смерти. Население Васильевско-Шайтанского завода считало, что помазанного елеем непременно ждет скорая смерть. Жители Быньговского завода заблуждались еще больше, приравнивая елеосвящение к отпетию. Если после соборования умирающий выздоравливал, он, по мнению народа, должен был вести особенно праведный, даже аскетический образ жизни: не вступать в брак, не “жить вместе” с супругом [202].

Гарантией четкого и правильного совершения предсмертных обрядов было “напутствование про запас”, получившее широкое распространение среди пожилых людей, чувствовавших, что смерть “близка” Так, священник Березовского завода сообщал о существующей здесь практике: “Все больные, имеющие возраст, стараются непременно исповедоваться, причаститься и еще собороваться” [203].

О случившейся смерти родственники или очевидцы должны были оповестить две инстанции: объявить конторе, “а равно” сказать священнику. Текущим учетом смертности занимались и те, и другие. Первоначально причины, по которым произошла смерть, указывались только по отношению к умершим неестественной смертью. Остальные шли под рубрикой: “Волею Божией помер” Только нарушение церковных обрядов: погребение без “отпетия” (частое в случае смерти детей) или тайные похороны раскольников — заставляло предположить насильственную смерть и обратиться к властям. Затем в метрических книгах стали указывать причину смерти со слов очевидцев или родственников. Записи были крайне неточны и расплывчаты. Учет стал намного надежнее с подключением к стати-

стике смертности медицинских учреждений (см. приложения 11, 12). Врачи сообщали имя, возраст, социальное и семейное положение умершего, время, место и причину смерти. Причт Входаиерусалимской церкви Нижнего Тагила получил такие “сведения” на умершего в госпитале 9 мая 1852 г. от горячки 40-летнего крепостного крестьянина Терентия Витошко; на 42-летнего Александра Ставерова, скончавшегося от эмфиземы легких. Подобные документы составлялись и на людей, умерших дома. В одном из них читаем, что Анна Кантина умерла 10 июня 1852 г. от тифузной горячки [204].

Во второй половине XIX в. родственники умерших получали от властей разрешение на погребение, которое должны были представить в свою приходскую церковь (см. приложение 13).

К случаям скоропостижной смерти церковные и гражданские власти относились с большим подозрением. Застигнутые внезапной смертью не успевали получить последнее напутствие священника и совершить серию предсмертных обрядов, открывающих для христианина двери в “царствие небесное” Церковный учет смертности указывал “убитых, удавившихся, зарезанных, громом убитых, деревом убитых, утонувших” отдельно.

Власти были склонны рассматривать скоропостижную смерть как насильственную и начинать судебное разбирательство. Родители Сергея Шадрина, чтобы подозрение в скоропостижной смерти сына не пало на них, заявили на взявшуюся его лечить женку Верх-Исетского завода Матрену Рыкову (1818 г.). Она пояснила, что те сами привезли ей больного. Но получить “облегчения” он не успел, так как скончался еще до того, как Матрена приступила к лечению [205]. Не склонна была нести ответственность за случившуюся в 1842 г. смерть жительницы Сысертских заводов Пелагеи Турыгиной ее квартирная хозяйка. Она донесла в контору, что Пелагея “близка к смерти” Немедленно сделанные медицинские пособия не помогли — женщина скончалась, успев сообщить, что ее от венерической болезни “курила киноварью” Анна Остякова. Та начисто отрицала, что отравила пациентку парами ртути, и только диагноз штаб-лекаря Сысертских заводов Воронцова, что больная умерла от “развившейся до высочайшей степени венерической болезни” снял с нее обвинение [206].

Свидетельство медиков требовалось при любом случае скоропостижной смерти. 25 сентября 1806 г., придя в Екатеринбургскую заводскую контору, “крестьянская женка Лепестинья Тенигина объяснила, что здешняго завода мастеровой Борис Нагибин по утру в 4 часу волею божиею помре” Не ограничиваясь заявлением женщины, власти просили штаб-лекаря Воскобойникова освидетельствовать, “отчего скоропостижная смерть случилась” Ревдинская заводская контора в 1806 г. просила освидетельствовать тело мастерового Андрея Колташева, который “в доме своем скоропостижно умер” [207].

“Дотти до истины” должно было анатомическое свидетельство, к которому, по инструкции врачебных управ, допускались только “испытанные в знаниях и удостоенные медицинским правительством люди” (см. приложение 14). Они должны были знать “анатомию, физиологию и другие части до сего предмета касающиеся” [208].

Население относилось к мерам властей неодобрительно, а судебно-медицинскую экспертизу сравнивало с потрошением. Подобное, по словам доктора Дедюхинского завода Д. Петухова, “пугливое воображение” заставляло человека покидать лечебное учреждение, ибо мнительный больной считал, что “если он залежится да умрет в больнице, то, пожалуй, испотрошат” [209].

“Волокита по поводу мертвых тел, унаследованная исстари, — писал священник Б. С., — держится в представлении народа и заставляет его якобы защищаться попом” Это означало, что при возникновении ситуации, грозившей смертью кого-то из присутствующих, тотчас бежали за священником, чтобы иметь авторитетного в глазах властей свидетеля случившегося. Однажды Б. С. позвали к умирающему, который оказался лишь мертвецки пьяным. Его жена поделилась с пришедшим священником своими опасениями: “...не хорошо так храпит и не маячит, ведь что случится, сохрани Бог, заволочат после” [210].

Другим достойным доверия свидетелем являлся врач. В первом часу ночи, в апреле 1849 г. к лекарскому ученику Верхнетагильского завода Ивану Хрущеву пришел Иван Комаров. Сообщив, что нашел родную мать неподалеку на улице и не знает, жива она или нет, он попросил Хрущева “поспешить к нему в дом для осмотру матери и в случае подать ей руку помощи” Тот немедленно отправился, нашел женщину уже мертвой и сам заявил об этом властям [211].

Среди исследователей получило широкое распространение представление о том, что исходным пунктом и причиной демографического перехода послужили изменения в смертности. До него она была высокой, после — стала низкой. Анализ смертности с точки зрения половозрастных различий показывает, за счет какой категории народонаселения произошли эти перемены. При традиционном демографическом режиме половина, а часто и больше, смертных случаев происходила в детском возрасте. Если полностью абстрагироваться от смертности взрослых (что невозможно практически), то значение общего показателя в лучшем случае сократится наполовину, а перехода к низкому уровню не произойдет. Поэтому перемены в смертности взрослых (повышение—понижение) не обеспечивают в пол-

ной мере демографического перехода, говорить о котором можно лишь после падения детской смертности.

Переход сменил порядок вымирания поколения. При традиционном демографическом режиме большая его часть умирала в детском возрасте, а остатки — люди, пережившие “опасные годы младенчества”, доживали до весьма преклонных лет. В результате “молодые умирали редко: либо дети, либо старики” [212]. Борьба с высокой детской смертностью сделала возможным большинству населения умирать не в детстве и не в молодости, а в старости. Поэтому широко известное понятие о повышении средней продолжительности жизни свидетельствует не о том, что определенный возрастной рубеж был ранее недостижим для человечества, а о том, что доживать до него стало большее число людей.

Столь важная для демографического перехода детская смертность на горнозаводском Урале даже в конце XIX в. соответствовала традиционному типу воспроизводства. Случаи смерти детей от рождения до 5 лет составляли примерно 60 % от общей численности умерших. Однако направление и первые успехи борьбы с подобным негативным явлением были аналогичны европейским [213] — среди горнозаводских жителей весьма успешно внедрялось оспопрививание. Благодаря тому, что болезни, вызывающие смерть во младенчестве и смерть в более старшем детском возрасте, были различны, а оспа являлась основной причиной смерти детей от 4 до 10 лет, дифференцированная статистика смертности смогла отразить этот единственный успех медицины. На ряде заводов доля младенческой смертности возросла за счет ее снижения в возрасте от года до 5 лет.

Наибольшие изменения на горнозаводском Урале произошли в смертности взрослого населения. При традиционном демографическом режиме наблюдается чередование этапов повышенной мужской и женской смертности. Главной чертой современного режима является мужская сверхсмертность, которой не избежала ни одна индустриально развитая страна [214]. Существование материнской смертности у заводского населения Урала сохраняло принцип чередования, однако влияние возникшей в XVIII в. сверхсмертности мужчин было гораздо значительнее. По мнению доктора И. Спасского, оно было даже катастрофическим, так как сверхсмертность приводила к постоянному вымиранию мужских поколений. В создании подобной ситуации решающую роль сыграло промышленное освоение края, которое прежде всего оказало влияние на занятое производственным трудом мужское население. Условия труда оставались чрезвычайно тяжелыми во всех отраслях горнозаводского производства, особенно в его основных цехах. Они порождали профессиональную заболеваемость и травматизм, которые оказывались пусковым механизмом сверхсмертности. Стабильность повозрастной заболеваемости и смертности на протяжении XVIII—

XIX вв. и увеличение во второй половине XIX в. общего числа умерших (которое, как показал И. Андриеевский, происходило за счет взрослого, а не детского населения) позволяют считать ухудшение демографических показателей мужчин не кратковременным явлением, связанным со строительством заводов или крупными изменениями в технологическом процессе, а характерной чертой горнозаводского населения.

Исследователи демографического перехода вскользь отмечают, что промышленное развитие на первых порах может привести к повышению смертности, но придают этому вопросу неоправданно мало значения, акцентируя внимание на индустриализации как исходной причине снижения смертности. Возникшая при создании уральского промышленного района и постоянно присущая горнозаводскому населению мужская сверхсмертность, актуальная к тому же для демографической ситуации любой современной промышленной державы, позволяет предполагать, что индустриализация прямо и постоянно вызывает ухудшение показателей заболеваемости и смертности взрослого мужского населения и значительно позднее и в опосредованной форме способствует снижению детской смертности.

Как единственную меру борьбы с мужской сверхсмертностью можно рассматривать развитие горнозаводской медицины. Здравоохранительные мероприятия прежде всего были направлены на нейтрализацию негативных условий труда: "...случатся у человека нога переломится, из места вышибится — сложить, направить и перевезать; так же кто себя ушибет" [215], что объективно должно было несколько сдерживать рост травматизма, заболеваемости и смертности. Однако об эффективности этого средства борьбы говорить не приходится.

Демографический переход оказал решающее влияние на восприятие смерти. До того, как он произошел, люди умирали не только преждевременно, но и часто. Смерть была обыденным явлением, составляла, как выразился Ф. Ариес, "часть повседневного риска". После перехода людей стало рождаться и, следовательно, умирать меньше, что самым непосредственным образом повлияло на частоту смертных случаев. Они стали происходить реже и восприниматься как внезапное потрясение [216].

В условиях горнозаводского Урала приходится говорить не об ослаблении натиска смерти, а о ее новой атаке. Феномен мужской сверхсмертности привел к усилению рефлексии по поводу самого факта смерти. Заводы в глазах рабочих олицетворяли силы смерти, которые уничтожали все живое, и прежде всего жертвами этой силы являлись они сами. Люди того времени, как и современные, воспринимали подобную смерть не как естественно необходимый порядок вещей, а скорее как сверхъестественный факт, феномен. Однако причина этого заключалась в обратном — учащении случаев смерти.

Похоронно-поминальные обряды горнозаводского населения и связанный с ними комплекс воззрений являются ярким примером двоеверия: языческого и христианского, основанного на признании обеими верами возможности существования после смерти в условиях иного мира. Отсюда — трактовка смерти (и похорон) как перехода из одного мира в другой, выделение предсмертного периода, подготавливающего этот переход, и следовательно, боязнь внезапной смерти, наличие поминального культа, устнавливающего и регламентирующего отношения с “тем светом”. Однако исходные пункты того и другого подхода были абсолютно различны. Для христиан смерть ознаменовывала переход в “Божье царство” (следовательно, была радостным, а не скорбным событием), попасть в которое можно было только с принятием таинств в период, непосредственно предшествующий смерти. Поминальные молитвы выражали идею заступничества живых за мертвых перед Богом и могли улучшить участь грешников.

Язычество основывалось на дихотомии естественной-неестественной смерти. Принадлежность к тому или другому разряду определяли исходя из предшествующих ей обстоятельств, а не из соблюдения церковных таинств. Смерть была печальным событием, покойников боялись, и поминальный культ имел цель умиротворить их, помешать нарушать покой живых.

Церковь стремилась полностью поставить похоронно-поминальный культ под свой контроль и к XVIII в. имела значительный опыт борьбы с проявлениями язычества. К концу XIX в. ей в какой-то мере удалось сгладить различие между покойниками и уравнивать их перед Богом. Традиции поминовения заложных в день Семика также уходили в прошлое. Однако новые явления в смертности осмысливались народом именно с позиций двоеверия (заводы, с одной стороны, “хуже ада” с другой, — населены сверхъестественными существами, схожими с заложными покойниками).

На протяжении XVIII—XIX вв. церковные власти боролись за сферы влияния на похоронно-погребальный обряд не с язычеством, а с раскольниками. Однако те и другие исходили из христианского мировоззрения, и расхождения между ними были чисто формальными.

Светские власти, начиная с государственного уровня, относились к смерти с рационалистических позиций. Не имея возможности ее регулировать, они в XVIII в. ввели текущий учет демографических событий. Смертность горнозаводского населения подлежала учету как со стороны прихода, так и со стороны конторы. В дальнейшем тенденции в бюрократизации смерти продолжали набирать силу (организация судмедэкспертизы трупов, учет смертности по причинам смерти, введение разрешений на погребение и пр.). Следующим важным шагом была организация внецер-

ковных кладбищ, которые создавались не в сакральных, а в пригодных с точки зрения гигиены и санитарии местах.

Церковь и население оказались не готовы к подобным нововведениям. Если учет случаев смерти натыкался на инерцию сознания, которая путем значительных усилий была сломлена, то причины смерти духовенство и народ не могли определить по вполне объективным условиям — отсутствию необходимых медицинских знаний. Судебные расследования обстоятельств смерти, медицинская экспертиза трупов расценивались как вмешательство в неподвластную до этого государству сферу частной жизни, и отношение к ним было весьма негативным. Гражданские же кладбища властям пришлось “облагораживать” постройкой часовен и церквей.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 52—53.
2. Там же. С. 60—61.
3. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 198.
4. Предтеченский В. Ф. Камбарский завод... С. 62.
5. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 61.
6. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 199.
7. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 20.
8. Материалы для истории... ЕЕВ. 1893. № 43. С. 1067; 1894, № 6. С. 157; № 17—18. С. 439.
9. А. Л. Смертность от оспы и кори в Оханском уезде // ПГВ. 1860. № 20. С. 257.
10. Там же. С. 258.
11. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 155 об.
12. Рума Р. Метрические книги как источник изучения причин смертности // Санитарные очерки. Пермь, 1886. Вып. 1. С. 140.
13. Мизеров М. И. Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 255.
14. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 188.
15. Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования // Известия ОЛЕАЭ. 1884. Т. 45, вып. 1. С. 333.
16. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 249.
17. А. Л. Смертность от оспы и кори... С. 258.
18. Крылов П. О народных лекарственных растениях... С. 18.
19. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 250.
20. Там же. С. 248.
21. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 189.
22. Говорливых Э. Медико-топографический очерк... С. 299.
23. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1486. Л. 50.

24. Спасский И. Санитарные очерки Воткинского завода. Вятка, 1904. С. 130—131.
25. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 859. Л. 33.
26. Хлопин Г. Движение населения Кусье-Александровского завода Пермской губернии и уезда с 1838—1875 гг. // Сборник работ Пермской земской санитарной станции. Пермь, 1891. Вып. 2. С. 293.
27. Говорливых З. Медико-топографический очерк... С. 291—292.
28. Топорков А. Березовский завод Екатеринбургского уезда (историческое и этнографическое описание) // ПЕВ. 1881. С. 105.
29. Романов А. Ижевский оружейный завод // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике. СПб., 1876. Ч. 1. С. 8.
30. ГАСО. Ф. 105. Оп. 2. Д. 9.
31. Богословский П. С. Материалы по народному быту, фольклору и литературной старине // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924. Кн. 1. С. 78; Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 249; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 204.
32. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 30 об.; Крылов П. О народных лекарственных растениях... С. 48, 53, 63, 102; Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 259, 266, 270; Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 190.
33. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 248, 268.
34. Топорков А. Березовский завод... С. 105.
35. Там же. С. 105—106.
36. Мизеров М. И. Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 248.
37. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 205.
38. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 40.
39. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 26 об.; Младов Гр. Поучение во время неурожайных годов против небрежного ухода за детьми // ЕЕВ. 1891. № 1. С. 16; Говорливых З. Медико-топографический очерк... С. 288; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 205.
40. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 4. Л. 9; Д. 10. Л. 10 об.—11; Д. 16. Л. 352, 402.
41. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 39 об.—40; Удинцев И. Ирбитский завод... С. 400.
42. Говорливых З. Медико-топографический очерк... С. 288.
43. Крылов П. О народных лекарственных растениях... С. 75; Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 260, 263, 268, 272; Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 191.
44. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 10. Л. 10 об., 15 об.; Д. 16. Л. 352 об., 386.
45. Топорков А. Березовский завод... С. 105—106.
46. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 458, 1197.
47. РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 1190. Л. 2 об.
48. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 205.
49. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 57.
50. С п а с с к и й И. Санитарные очерки Воткинского завода... С. 57.
51. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 27, 28, 29.
52. Топорков А. Березовский завод... С. 105; Хлопин Г. Движение населения Кусье-Александровского завода... С. 311.

53. Доклад Красноуфимского земского медицинского совета... С. 66.
54. Предтеченский В. Ф Камбарский завод... С. 60.
55. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 19—19 об.
56. Доклад Красноуфимского земского медицинского совета... С. 66.
57. Мизеров М. И Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 259.
58. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 40; Предтеченский В. Ф Камбарский завод... С. 27.
59. Говорливых Э. Медико-топографический очерк... С. 288.
60. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 10. Л. 29.
61. Мизеров М. И., Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 242; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 204.
62. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2. Л. 91 об.—92.
63. Там же.
64. Там же.
65. Там же. Д. 10. Л. 28 об., Д. 16. Л. 418.
66. Там же. Л. 28 об.—29, Д. 16. Л. 418.
67. А. Л. Смертность от оспы и кори... С. 259.
68. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22. Л. 128 об.—129.
69. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 16.
70. Португалов В. Работа в рудниках или гигиена чернорабочих-рудодокопов // Архив судебной медицины и общественной гигиены. 1870. Кн. 1. С. 72.
71. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 141.
72. А. Л. Смертность от оспы и кори... С. 258.
73. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 400.
74. Топорков А. Березовский завод... С. 105.
75. Золотов Е. По поводу смертности крестьянских детей // ЕЕВ. 1888. № 25. С. 589—590.
76. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 398.
77. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4; Мизеров М. И Скалозубов Н. Л. К вопросу о народной медицине... С. 49.
78. Скалозубов Н. Л. Народный календарь. Праздники, дни святых, особо чтимых народом, поверья, приметы о погоде, обычаи и сроки сельскохозяйственных работ // Сборник материалов для ознакомления с Пермской губерниєю. Пермь, 1893. Вып. 5. С. 6; Топорков А. Березовский завод... С. 275—276.
79. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 102. Л. 227 об.—229, Д. 235. Л. 6 об.—7, 9—9 об., Д. 236. Л. 360 об.—361, 364 об.—365, Д. 313. Л. 10 об., Д. 315. Л. 331 об.
80. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 20, 22.
81. Хлопин Г. Движение населения Кусье-Александровского завода... С. 323.
82. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 199.
83. Там же.
84. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 623. Л. 141; Белоголов М. Важный общественный недуг... С. 172—192.
85. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 20.
86. Топорков А. Березовский завод... С. 107; Удинцев И. Ирбитский завод... С. 400; Описание Лысьвенского завода // Ученые записки, издаваемые Казанским университетом. Кн. 4, Казань, 1858. Кн. 4. С. 143.
87. Спасский И. Санитарные очерки Воткинского завода... С. 127—128.
88. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 315.

89. Арсеньев К. И. Исследование о численном отношении полов в народонаселении России // ЖМВД. 1844. № 1. С. 23; Куркин П. Общая болезненность населения в земской санитарной статистике // Общественный врач. 1914. № 4. С. 513.
90. Мещерякова Г. П. К истории изучения гигиены труда, профессиональной патологии и мер борьбы с профессиональными болезнями на Урале (XVIII в.—1938 г.) // Итоги и перспективы исследований по истории медицины. Материалы II Всесоюзного съезда историков медицины. Ташкент, 1980. С. 383—384; Рума Р. Состав населения Нижнетагильского завода. Биостатистический очерк // Календарь Пермской губернии на 1886 год. Пермь, 1885. С. 146; Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 27; Доклад врача С. Аристова по вопросу об устройстве "Музея охраны труда" на Урале, подлежащий обсуждению в одном из ближайших общих собраний Уральского Общества Любителей Естествознания // Записки УОЛЕ. 1914. Т. XXXIV. Вып. 4. С. 2.
91. Шмаков А. В старое время // Нижний Тагил. Свердловск, 1945. С. 70.
92. Были горы Высокой... С. 42.
93. Португалов В. Работа в рудниках или гигиена... С. 66.
94. Шилов А. В. Ценное свидетельство о положении вотчинных крестьян на золотых промыслах Пермской губернии в конце 30-х годов XIX века // Уральский археографический ежегодник за 1970 год. Пермь, 1971. С. 264.
95. Сборник Пермского земства. Пермь, 1882. Кн. 4, раздел 3. С. 46—48.
96. Лазутин С. Г. Русские народные лирические песни, частушки и пословицы. М., 1990. С. 198.
97. Португалов В. Работа в рудниках или гигиена... С. 65.
98. Там же. С. 71—72.
99. Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 120.
100. Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь, 1804. Т. 1. С. 238; Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 120; Португалов В. Работа в рудниках или гигиена... С. 72.
101. Селезнева В. Г. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. С. 142—143.
102. Чупин Н. К. О Богословских заводах и заводчике Походяшине... С. 110.
103. Сборник Пермского земства. С. 115, 120, 123, 141.
104. ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 437. Л. 42, 62, 78, 79, 83—84.
105. Топорков А. Березовский завод... С. 106.
106. Сборник Пермского земства... С. 163.
107. Там же. С. 8, 14, 155.
108. Рабочие руки на уральских заводах // Уральское горное обозрение. 1900. № 22. С. 5—6.
109. Бертенсон Л. Санитарно-врачебное дело на горных заводах и промыслах Урала. СПб., 1892. С. 3.
110. Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 117.
111. Немирович-Данченко В. В столице Демидовского царства // Нижний Тагил, 1945. С. 77.
112. Бертенсон Л. Санитарно-врачебное дело... С. 3.
113. Федорова Б. Крепостной Тагил. 1701—1861. Эпизоды из истории горного дела на Урале XVIII—XIX веков. Свердловск, 1940. С. 28; Бертенсон Л. Санитарно-врачебное дело... С. 3.
114. Селезнева В. Г. Очерки по истории здравоохранения... С. 142—143.

115. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 33 об.; Немирович-Данченко В. В столице Демидовского царства... С. 77.
116. Рума Р. Материалы для учения о болезнях рабочих // Материалы для санитарного описания Пермской губернии. Пермь, 1885. Вып. 1. С. 44.
117. Говорливых З. Медико-топографический очерк... С. 294.
118. Рума Р. Материалы для учения о болезнях... С. 38.
119. Описание заводов хребта Уральского, составленное пермским берннспектором П. Е. Томиловым (1807—1809 гг.) // Горнозаводская промышленность Урала на рубеже XVIII—XIX вв. Свердловск, 1956. С. 188.
120. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 53.
121. Там же. С. 73, 186—197.
122. Андржеевский И. Ижевский оружейный завод // Военно-медицинский журнал. СПб., 1877. № 5. С. 34; Он же. Болотные болезни на Севере. С. 36.
123. ГАСО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 54. Л. 2; Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии // Сборник Пермского земства. Пермь, 1875. С. 194; Рума Р. Материалы для учения о болезнях... С. 22.
124. Там же; Ф. 101. Оп. 1. Д. 589. Л. 39; Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 120.
125. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 35—36, 40—41.
126. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 183.
127. Китайник М. Г. Устные рассказы уральских рабочих. Свердловск, 1953. С. 13—14.
128. Селезнева В. Г. Очерки по истории здравоохранения... С. 137.
129. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 439. Л. 11—11 об.
130. Верх-Исетский металлургический. Свердловск, 1972. С. 30.
131. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 35; Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 88; Предтеченский В. Ф. Заводская медицина и санитария... С. 115.
132. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 88.
133. ГАСО. Ф. 72. Оп. 2. Д. 17. Л. 130 об.—154, Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 258—263.
134. Там же. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 38 об.—39; Португалов В. Работа в рудниках или гигиена... С. 75.
135. Там же. Д. 589. Л. 37.
136. Рума Р. Метрические книги как источник... С. 130—131.
137. Успенский Т. Медико-топографическое описание Екатеринбургского уезда и города Екатеринбурга. М., 1835. С. 155, 169, 184—186, 191.
138. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, Д. 22. Л. 1.
139. Там же. Д. 29. Л. 17 об., 20, 26 об.—27, 28—28 об.
140. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 33 об.
141. Там же. Д. 578. Л. 27 об.—28 об.
142. Говорливых З. Медико-топографический очерк... С. 290.
143. Коровин В. К. Обзорение и описание Бисерского завода и Крестовоздвиженских золотых промыслов // ПГВ. 1862. № 21. С. 327.
144. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 400.
145. Топорков А. Березовский завод... С. 88, 105—106.
146. Архангельский И. И. Этнографические очерки горнозаводского населения... С. 12.

147. Рума Р Об эпидемиологическом характере фабричных травм и повреждений // ПГВ. 1884. № 100. С. 489.
148. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 400.
149. Рума Р Материалы для санитарного описания... С. 202.
150. Саларев Н. Несчастные случаи с рабочими людьми на частных горных заводах, рудниках и приисках в 8 уральских горных округах за 11 1/2 лет. Екатеринбург, 1898. С. 6—7; Он же. Несчастные случаи с рабочими людьми на казенных уральских горных заводах и рудниках за 11 1/2 лет. Екатеринбург, 1890. С. 14—15.
151. Рума Р Материалы для санитарного описания... С. 161.
152. Бирюков В. П. Урал в его живом слове. С. 52.
153. Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. С. 237, 239.
154. ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 305. Л. 105.
155. Там же. Ф. 24. Оп. 2. Д. 312. Л. 14.
156. РГИА. Ф. 37. Оп. 13. Д. 573. Л. 7.
157. Ляпин В. А. Положение рабочих казенных заводов Урала в первой половине XIX в. (по материалам государственных ревизий) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII—начала XX в. Свердловск, 1987. С. 44; Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 36.
158. Португалов В. Работа в рудниках или гигиена... С. 70.
159. Белоусов И. М. Пермский уезд по данным 12-ти призывов (1874—1885 годов) к исполнению воинской повинности (Статистические и этнографические материалы) // Пермский край. Пермь, 1895. Т. 3. С. 410.
160. Рума Р Материалы для санитарного описания... С. 13.
161. Вишневский Б. Некоторые задачи антропологии в Пермском крае в связи с краеведением // Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1926. Вып. 2. С. 112.
162. Рума Р Материалы для учения о болезнях... С. 85.
163. Там же. С. 53.
164. Сборник Пермского земства... С. 132—133.
165. Селезнева В. Г. Очерки по истории здравоохранения... С. 137
166. Там же.
167. ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 305. Л. 99.
168. Рума Р Материалы для санитарного описания... С. 107.
169. Рума Р Состав населения Нижне-Тагильского завода... С. 169—170.
170. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 410.
171. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
172. Китайник М. Г. Рассказы рабочих дореволюционного Урала // Труды Института этнографии. 1953. Т. 2. С. 67.
173. Мельчакова О. А. Побег как форма антифеодалного протеста уральских мастеровых и рабочих людей в XVIII в. (по материалам Нижнетагильских заводов) // Положение и борьба трудящихся... С. 78; Чупин Н. Географический и статистический словарь... С. 193; Михнюкевич В. А. Мифологические образы в современных записях уральской сказочной прозы // Современный фольклор старых заводов. Свердловск, 1984. С. 94.
174. Седакова О. А. Тема "доли" в погребальном обряде (восточно- и южнославянский материал) // Исследования в области балто-славянской... С. 55.
175. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 155.

176. Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале. Очерки о положении крепостных рабочих Среднего Урала и их борьбе за ликвидацию крепостничества (1800—1870 гг.). Свердловск, 1954. С. 274.
177. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо. Свердловск, 1981. С. 95.
178. Лазарев А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск, 1970. С. 183.
179. Там же. С. 190.
180. Михнюкевич В. А. Мифологические образы... С. 94.
181. Лазарев А. И. Предания рабочих Урала... С. 187—190.
182. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 64.
183. Бертенсон Л. Санитарно-врачебное дело... С. 3.
184. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 227.
185. Там же. С. 133.
186. Бирюков В. П. Урал в его живом слове... С. 54—55.
187. Там же. С. 54.
188. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 135.
189. Там же. С. 137.
190. Ахметшин Б. Г. Образы Хозяина и Хозяйки подземных богатств в фольклоре горняков Башкирии (по материалам фольклорных экспедиций Башкирского университета) // Фольклор Урала... С. 37—38.
191. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 137.
192. Китайник М. Г. Рассказы рабочих дореволюционного Урала... С. 68.
193. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы. Путевые заметки // Статьи и очерки. Свердловск, 1947. С. 35.
194. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 27. Л. 4—6.
195. Там же. Л. 3.
196. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 88.
197. Б. С.... Из воспоминаний и наблюдений приходского священника // ЕЕВ. 1888. № 20. С. 468.
198. В-н С. Н. Таинственный мир // ПЕВ. 1867. С. 263.
199. ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 2 (листы не нумерованы).
200. Топорков А. Березовский завод... С. 276.
201. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 893. Л. 3.
202. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 231; Краткий исторический очерк... ЕЕВ. 1897. № 1. С. 16.
203. Топорков А. Березовский завод... С. 275.
204. ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы).
205. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 519.
206. Там же. Д. 1276.
207. Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 16. Л. 434, 473.
208. Там же. Д. 10. Л. 12 об.
209. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 86.
210. Б. С... Из воспоминаний и наблюдений... С. 473.
211. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1636. Л. 2.
212. Бессмертный Ю. А. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 214.
213. Шелестов Д. К. Историческая демография. М., 1987. С. 138; Народонаселение: прошлое, настоящее, будущее. М., 1987. С. 161, 212.
214. Демографический энциклопедический словарь. С. 374.

215. Фомина И. Л. Подготовка медицинского персонала для государственных и военных предприятий Урала во второй половине XVIII в. // Вестн. МГУ История. 1985. № 1. С. 69.
216. Ариес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 477.

ОВДОВЕНИЕ И ПОВТОРНЫЙ БРАК

Чтобы показать, сколько среди заводских жителей могло быть вдовых, обратимся к сведениям второй половины XIX в. по Васильевско-Шайтанскому заводу. На протяжении пореформенного двадцатилетия (1870—1889) 14,86 % женщин в его населении были вдовами. В сравнении с этой цифрой доля вдовцов чрезвычайно мала — всего 3,39 % мужчин [1]. Как показывают данные табл. 40, к концу этого периода аналогичным было положение и на других заводах Екатеринбургского уезда. Доля вдовых среди населения бракоспособного возраста была невысока — от 9,66 в Петрокаменском до 14,09 % в Невьянском заводе. Причина этого — малое число вдовцов. Если сравнивать абсолютные значения показателя овдовения у разных полов, то во всех без исключения заводах число вдов было большим, чем число вдовцов. Доля их в населении также не одинакова. Больше всего вдовцов среди мужчин в Невьянском заводе — 6,19, меньше — в Верхнетагильском — 3,7 %. Удельный вес вдов в женском населении значительно превышал эти показатели. Больше всего вдов было также в Невьянском заводе — 20,18, а меньше — в Петрокаменском — 13,79 %.

Подобная ситуация в заводских селениях существовала со второй половины XVIII в. (табл. 41). Между проведением второй и третьей ревизий женщин овдовело почти в два раза больше, чем мужчин. В период от третьей до четвертой ревизии соотношение абсолютных показателей овдовения мужчин и женщин осталось прежним, но доля вдовцов выросла с 34,74 до 46,19 %, следовательно, в этот промежуток времени по сравнению с предыдущим случаи овдовения мужчин происходили чаще.

В зависимости от возраста вероятность овдоветь и остаться вдовыми для мужчин и женщин также различна. Как видно из рис. 11, во второй половине XVIII в. число вдов среди жительниц Нижнетагильских заводов начинало увеличиваться после 25 лет и постоянно росло, достигая максимума в 40—50 лет. Мужчины вдовели также с молодого возраста, но вдовцами среди них были единицы. После 35 лет вдовцов становилось несколько больше и этот уровень сохранялся до 55 лет. Затем их число уменьшалось (рис. 12).

Как и доля в населении, темпы овдовения мужчин и женщин были различны. Зависело это от своеобразия данного демографического процесса. Во-первых, он определялся событиями, происходящими не с данным лицом, а с другими людьми. Во-вторых, вдовый мог снова вступить в брак.

Таблица 40

Вдовы среди бракоспособного заводского населения Екатеринбургского уезда (1881 г.)

Завод	Вдовцы	Вдовы	Всего
Невьянский	241/6,19	1019/20,18	1260/14,09
Быньговский	45/4,14	241/17,16	286/11,48
Верхнетагильский	38/3,7	218/17,24	256/11,18
Рудянский	33/5,5	110/16,1	143/11,15
Шураминский	31/5,88	97/14,71	128/10,79
Верхнейвинский	54/5,0	203/15,2	257/10,65
Петрокаменский	31/4,92	100/13,79	131/9,66

Примечание. В числителе — общее количество, в знаменателе — проценты. Расчеты автора: Ковалевский В. Результаты однопольной переписи, произведенной Екатеринбургским земским врачом Копалевским в 1881 г. в заводах Невьянском, Петрокаменском, Верхнетагильском, Быньговском, Шураминском, Рудянском и Верхнейвинском. Екатеринбург, 1881. С. 3, 7, 10, 13, 16, 19, 22.

Таблица 41

Количество овдовевших на Нижнетагильских заводах (вторая половина XVIII в.)

Годы	Вдовцы	Вдовы	Всего
1747—1763	90/34,74	169/65,37	259/100
1763—1782	255/46,19	302/54,71	552/100

Примечание. Кроме Нижнетагильского. В числителе — общее количество, в знаменателе — проценты. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 101, 105, 106, 234, 235, 242, 245, 249, 250.

Это приводило к высокой степени взаимовлияния трех перекрестных процессов: смертности, овдовения и вторичной брачности.

Как видно из рисунков, примерно до 40-летнего возраста вдовство женщин отражало смертность мужчин. Затем уменьшение числа вдов происходило из-за их смерти. Влияние повторных браков осложняло сопоставление смертности женщин с вдовством их супругов. До 30 лет число вдовцов увеличивалось из-за смертности женщин детородного возраста. После, на протяжении более чем 20 лет (30—50-е годы жизни), несмотря на различные колебания смертности женщин, количество вдовцов оставалось почти неизменным, ибо в этом возрасте они имели все шансы вступить в повторный брак.

При сравнении смертности женщин с овдовением мужчин вновь прослеживается двоякое влияние смертности на овдовение. Эмпирически обнаруженная закономерность позволяет разделить процесс овдовения на два этапа, каждый из которых отражает смертность разных полов. Начальный —

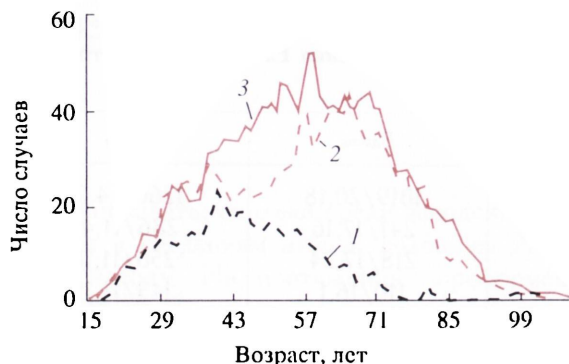

Рис. 11. Повозрастное овдовение женщин в зависимости от смертности обоих полов в Нижнетагильских заводах (вторая половина XVIII в.)

1 — овдовение, 2 — смертность женщин, 3 — смертность мужчин

до “пикового” состояния — зависел от смертности противоположенного пола, конечный — своего.

У жителей Златоустовских заводов взаимосвязь смертности и овдовения была аналогична таковой Нижнетагильских. Во время подъема параметры овдовения женщин зависели от мужской смертности, при спаде определялись смертностью самих вдов. Овдовение мужчин также испытывало сильную зависимость от смертности женщин. После максимума смертности женщин (55—65 лет) наступал максимум овдовения мужчин.

По сравнению с Нижнетагильскими в овдовении жителей Златоустовских заводов наблюдались некоторые отличия. Максимум овдовения женщин смещался на более поздний возраст — 60-е годы жизни. В старших возрастных группах овдовение мужчин не имело ярко выраженного периода максимума.

Как свидетельствует процентное соотношение пребывающих в браке и вдовых среди населения Васильевско-Шайтанского завода, характерные черты овдовения мужчин и женщин здесь продолжали сохраняться во второй половине XIX в. Вдовами становились 0,41 % женщин уже в возрасте 21—25 лет. В последующие годы их число постоянно увеличивалось. С 55 лет доли замужних и овдовевших уравнивались. В возрасте 55—60 лет замужем было 51,89 % женщин, а вдовствовало 45,28 %. Затем число вдов начинало превышать число

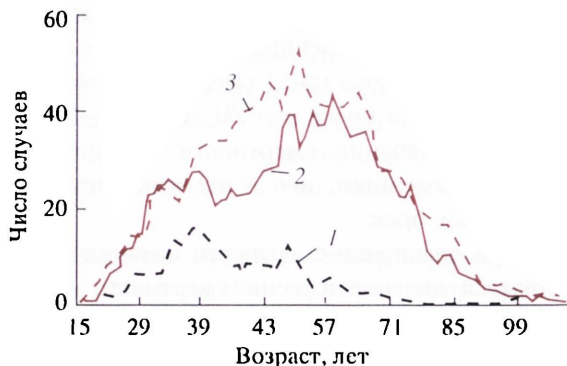

Рис. 12. Повозрастное овдовение мужчин в зависимости от смертности обоих полов в Нижнетагильских заводах (вторая половина XVIII в.)

1 — овдовение, 2 — смертность женщин, 3 — смертность мужчин

Таблица 42

Доля находящихся в браке и вдовых жителей Васильевско-Шайтанского завода (1870—1889 гг.), %

Возрастной промежуток, лет	Находящиеся в браке	Вдовы
21—25	45,21/85,6	—/0,41
26—30	83,56/90,44	—/3,19
31—35	98,15/86,5	0,62/8,59
36—40	97,13/89,01	1,43/8,79
41—45	97,96/78,91	1,02/18,75
46—50	97,92/69,38	2,08/26,25
51—55	92,3/72,63	7,7/26,32
56—60	92,5/51,89	7,5/45,28
61—65	86,67/52,08	11,11/43,75
66—70	79,55/30,19	20,45/69,81
71—75	72,73/30,0	27,27/70,0
76—80	62,5/16,67	37,5/83,33
И выше	33,33/12,5	66,67/87,5

Примечание. В числителе — мужчины, в знаменателе — женщины. Составлено по данным: Топограф А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 178.

находящихся в браке: в интервале 66—70 лет их было уже 69,81 % от всех женщин (табл. 42).

Мужчины становились вдовцами только после 30-летнего возраста. До 60 лет число вдовцов росло очень медленно. Затем происходило его скачкообразное увеличение, которое еще раз повторялось в 80 лет. Это резко меняло соотношение между женатыми и вдовыми. Если в возрасте 76 — 80 лет женатые среди мужчин еще преобладали, составляя $\frac{2}{3}$ всего мужского населения, то в возрасте старше 80 лет, наоборот, $\frac{2}{3}$ мужчин стали вдовыми, а $\frac{1}{3}$ осталась женатыми.

Таким образом, по сравнению с мужчинами женщины в состоянии окончательного вдовства оказывались раньше и чаще. Несомненно, что происходило это из-за сверхсмертности мужчин и малого числа повторных браков среди вдов. Овдовение почти не влияло на мужское население младше 60 лет, так как потеря жены компенсировалась повторным браком. Только процесс вымирания женской части населения начиная с 50 лет и достигая максимума в 60—70 лет обеспечивал перевес числа вдовых над женатыми.

Овдовение супруга было негативным демографическим фактором: нарушалась структура семьи, следовательно, ее трудовой баланс, оставались сиротами дети, прекращалось их воспроизводство. Повторная брачность компенсировала это негативное явление.

Повышение мужской смертности непосредственно граничило с двумя максимумами женской. Поэтому при стечении неблагоприятных обстоятельств дети могли потерять обоих родителей. Администрация Богословских заводов сообщала в начале XIX в. о возникновении подобной ситуации: "...нередко открывается, что мастеровые люди, обращаясь по службе в казенных работах от воли божией и от приключаящихся им болезней умирают вместе с женами своими, оставляя после себя детей в сущем их младенчестве" [2]. Например, житель Нижнетагильских заводов Тимофей Кононов по прозвищу Слепых умер в 1793 г., когда ему было 42 года. Его жена скончалась в том же году в возрасте 41 года. Сиротами остались шестеро детей, которым было от 4 до 19 лет [3]. В семье Пироговых осиротело четверо детей, которым было от 3 до 16 лет. В 1784 г. в возрасте 35—38 лет умерли их отец и мать [4]. Жена Трофима Опурина умерла в 1783 г. С отцом осталось четверо детей. Через два года умер сам Трофим и дети остались полными сиротами [5]. Поэтому повторный брак, особенно мужчин, был в какой-то мере гарантией того, что дети не останутся одни. Например, первая жена жителя Нижнетагильских заводов Родиона Сапожникова умерла в 1772 г. Имея пятерых детей в возрасте от 4 до 14 лет, он женился снова. В 1783 г. скончался сам Родион, и его младшие дети от первого брака, которым в это время было 15—17 лет, остались с мачехой [6]. В семье Клементьевых один из братьев повторно женился, но через несколько лет умер. Его вторая жена осталась с восьмью детьми, шестеро из которых были от первого брака ее умершего мужа [7]. После того как сноха Домны Пермяковой умерла, ее сын женился, а через шесть лет после смерти своей первой супруги в возрасте 33 лет умер. Его дочь от первого брака воспитывала мачеха [8].

При высокой смертности в традиционном обществе повторный брак был насущной необходимостью. Поэтому церковь, высший арбитр в вопросах брака, признавала его как меру вынужденную и "по снисхождению к немощам человеческим" допускала вступление во второй и третий брак. Однако судьба могла сложиться таким образом, что для человека уже в среднем возрасте предоставленный церковью лимит мог оказаться исчерпанным. Житель Сылвенского завода Спиридон Уфаев рассказывал на следствии в 1753 г., что первый раз женился в 18 лет, но через год жена умерла, вскоре обрел новую супругу, однако вместе пожить не пришлось — его забрали в рекруты и послали на заводы. Уже там он узнал, что снова стал вдовцом — оставленная на попечении отца вторая жена умерла. В свои 35 лет он вступил в последний официально разрешаемый брачный союз [9]. В 42 года жительница того же завода Евдокия Некрасова также была уже в третьем браке. С первым мужем до его смерти она прожила 14 лет. Во второй раз ей повезло меньше — через

Таблица 43

**Доля вступивших в повторный брак среди вдовых Нижнетагильских заводов
(вторая половина XVIII в.)**

Годы	Вступившие в повторный брак		
	Вдовцы	Вдовы	Всего
1747—1763	10/11,11	24/14,20	34/13,12
1763—1782	76/29,80	32/10,59	108/19,56

Примечание. Без Нижнетагильского. В числителе — общее количество, в знаменателе — проценты. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 101, 105, 106, 234, 235, 242, 245, 249, 250.

полгода мужа взяли в солдаты. После того как он пропал, она вышла замуж третий раз [10]. На положении “соломенной вдовы” в третьем браке оказалась жительница Верх-Исетского завода Плотникова (1830-е гг.). Овдовев в первый раз, она вышла замуж за мастерового Василия Туринцова и прожила с ним 8 лет. Третий муж — мещанин г. Шадрина Лука Плотников через неделю бросил ее и “неизвестно куда отбыл” [11].

Не все овдовевшие пользовались правом вступления в новый брак. Показатели по Нижнетагильским заводам свидетельствуют (табл. 43) о том, что доля не вступивших в повторный брак за вторую половину XVIII в. возросла с 13,12 до 19,56 %. Первенствовали в этом процессе мужчины. Если между второй и третьей ревизиями в новый брак вступили всего 10 вдовцов, то в промежутке между третьей и четвертой их число возросло более чем в семь раз и чуть не в три раза увеличилась их доля среди овдовевших. Вдов, которые снова вышли замуж, первоначально было больше, чем вдовцов, однако среди общего количества овдовевших женщин их доля в 1747—1763 гг. составила только 14,2 %, а в следующий промежуток времени сократилась до 10,59 %.

Аналогичным в 1860—1870-х гг. было положение в Ижевском заводе. Из тысячи вступавших в брак людей там насчитывалось 155 вдовцов и всего 91 вдова [12]. В научной литературе этот дисбаланс объясняют несколькими причинами. Обремененному хозяйством и детьми вдовцу было трудно, а иногда невозможно управляться без работницы, что побуждало его к быстрому вступлению в повторный брак. Вдовы испытывали еще большие экономические трудности, но реализовать право на повторное замужество им было труднее из-за наличия детей.

На уральских заводах появилось еще одно обстоятельство, влиявшее на матримониальные установки вдов. Попечительские отношения заводоладельцев распространялись и на семьи, потерявшие кормильца. Каковы были масштабы оказываемой вдовам помощи в XVIII в., можно представить

на примере Нижнетагильских заводов. Уже в 1786 г. за счет заводоладельцев содержались:

- 1) “умерших служителей жены и дети, коим выдача определена во всю их жизнь” — 23 семьи;
- 2) “умерших жителей вдовы же с малолетними детьми, которым выдача производится до возраста детей их” — 119 семей;
- 3) “престарелые вдовы, которые сами собой совершенно пропитание иметь не могут” — 146 человек [13].

Семья больного или умершего рабочего в XIX в. получала паек и кормилась владельцем как и прочие. Забота о призрении вдов и сирот всецело возлагалась на заводоуправление: “развалится изба — починят избу, падет корова или лошадь — купят другую” [14]. Так, в 1866 г. 341 женщина пользовалась “известным пансионом” от владельца Чермозского завода [15].

В пореформенное время, когда попечительские отношения прекратились, смерть рабочего грозила нищетой его жене и детям. В конце XIX в. потеря кормильца резко снижала жизненный уровень нижнетагильских семей. За самое короткое время они впадали в крайнюю бедность, граничащую с нищетой: дом приходил в ветхость, хозяйство — в полное разорение, отсутствовала какая-либо обстановка, из-за нехватки одежды дети не посещали школу. Зарботки женщин были низки, но из-за малолетних детей вдовы часто не могли воспользоваться и ими [16]. О плачевном положении в 1870-е гг. вдов “с малолетками” в Ижевском заводе свидетельствовали их жилищные условия. Доктор И. Андржеевский писал, что их “жалкие избушки в два окошка” в которых иногда не было даже сеней, находились в самой опасной для здоровья местности — около болота [17]. Бедственное положение вдов нашло отражение в рабочем фольклоре:

“Ах, шахта, шахта, мать-злодейка,
Зачем ты мужа отняла,
Детей моих осиротила,
До нищеты их довела” [18].

Возникший контраст позволил быстро осознать значение попечительства. Благодаря ему обеспечивалась экономическая основа существования неполных семей, что в какой-то мере снижало для самих вдов необходимость повторного вступления в брак.

Вторичная брачность являлась неотъемлемой частью брачности вообще. В отдельные годы она могла составлять почти половину всех заключенных браков. Например, на Верх-Исетском заводе в 1811 г. из 18 обвенчанных пар 8 вступали в брак повторно [19]. В среднем в XIX в. доля повторных браков варьировала от 11,36 до 34,21 %, т. е. не поднималась выше одной трети общего числа заключенных браков (табл. 44).

Таблица 44

Повторные браки по заводам Урала (XIX в.)

Завод	Годы	Доля в общей брачности, %
Верх-Исетский	1800—1813	16,22
Нижнетагильский	1852	11,36
Ирбитский	1853—1855	34,21
	1856—1859	24,07
Васильевско-Шайтанский	1870—1889	20,07

Примечание. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об.—157; Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы); Удлинцев И. Ирбитский завод // ПГВ. 1862, № 28. С. 399; Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 191.

Рассмотрим процедуру заключения повторного брака в том же порядке, что и первого: поиски брачного партнера, брачный возраст, сезонность вступления в брак, препятствия к его заключению, проведение свадьбы.

В следующий брак вступали довольно скоро. Упомянутый выше Спиридон Уфаев вдовствовал полгода. Его односельчанин Никифор Хомяков — намного меньше — всего три недели [20]. Промежуток между первым и вторым браком женщин был также небольшим. Жительница Сылвенского завода Евдокия Некрасова в XVIII в. вышла замуж в год смерти ее первого мужа, жительница Верх-Исетского завода Татарникова в XIX в. вдовствовала полтора года [21]. Интервал между вторым и третьим браком у женщин увеличивался. У Татарниковой он составил не менее 2 лет. Вдовство Некрасовой продолжалось намного больше — 5 лет [22].

По закону вдовцы могли жениться на вдовах и девицах, вдовы — выходить замуж за вдовцов и холостых. Общественное мнение считало наиболее приемлемыми брачными партнерами вдовых людей равного с ними семейного состояния. Как показывает табл. 45, до середины XIX в. чаще всего вдовцы женились на вдовах, браки с девицами заключались ими реже. Затем положение изменилось. В Ирбитском заводе женами вдовых чаще всего становились девушки. В Ижевском заводе в 1860—1870-е гг. из тысячи браков 86 заключалось между вдовыми и девицами и только 69 между вдовцами и вдовами [23]. Овдовевшие жители Васильевско-Шайтанского завода в 1870—1889 гг. также отдавали предпочтение девицам. В Дедюхинском заводе ими, как правило, становились “деторожавшие девы” “Девушка с поведением, — отмечал живший в этом заводе Д. Петухов, — нипочему не пойдет за вдовца” [24].

Брачный круг вдов был не столь широк. Чаще всего им приходилось довольствоваться вдовцами. Браки с холостыми были чрезвычайной редкостью. За 1800—1813 гг. между жителями Верх-Исетского завода было заключено три таких брака. Во второй половине XIX в. в Васильевско-

Таблица 45

Повторные браки на уральских заводах (XIX в.)

Завод	Годы	Холостые с вдовами	Вдовцы с девицами	Вдовцы с вдовами
Верх-Исетский	1803—1813	3	9	25
Нижнетагильский	1852	—	4	1
Ирбитский	1853—1861	—	26	3
Васильевско-Шайтанский	1870—1889	25	80	60

Примечание. Данные: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об.—157; Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы); Удинцев И. Ирбитский завод // ПГВ. 1862. № 28. С. 399. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе // Пермский край. Пермь, 1892. Т. 1. С. 191.

Шайтанском заводе за 19 лет было 25 подобных браков. Всего 22 брака холостых со вдовами приходилось на каждую тысячу супружеских союзов в 1860—1870-е гг. в Ижевском заводе [25].

Таким образом, вдовцы в отличие от вдов не только чаще и быстрее вступали в повторный брак, но имели более широкий выбор брачных партнеров. Если вдовы могли рассчитывать только на вдовцов, а их браки с холостыми рассматривались как исключение, то для мужчин женитьба на девице была вполне реальной альтернативой, со временем ставшей более предпочтительной браку со вдовой.

Несмотря на определенные ограничения, выбор партнера для повторного брака был более индивидуален. Возникавшее с возрастом чувство собственной значимости позволяло мужчинам пренебречь возможными протестами со стороны семьи. Сам он гораздо лучше, чем его семья, осознавал, чего желает от своего возможного партнера и руководствовался правилом: “Мне жить с этим человеком, а не вам, так что это не ваше дело” Так, вдовец Иван Гилев из Туринского завода в 1830-е гг. отрицательное мнение взрослого сына по поводу своей вторичной женитьбы не принял в расчет и даже не пригласил его на свадьбу [26].

В повторном браке вдовы родственники могли сыграть более значимую роль. В XVIII в. жительница Торговского острога Ирина Ларионова поиск партнера для брака полностью переложила на их плечи. Не получая от своего первого мужа в течение 5 лет никаких известий, она “стала спрашивать как своих сродственников, так и с его стороны, можно ли ей замуж за другога ийти” Перспектива содержать вдову с двумя детьми не устраивала ни тех, ни других. Вместе они “согласовали” этот вопрос и выдали Ирину замуж за молотового подмастерья Сылвенского завода Никифора Хомякова [27].

Не следует думать, что вдовы из-за своего неблагоприятного положения были совершенно лишены права выбора и выходили замуж за перво-

го встречного. Героиня предыдущего примера была жительницей острога, а вдовы мастеровых и рабочих людей, особенно в XIX в., уже получая содержание от заводов, в большей степени руководствовались своими личными интересами, не всегда отдавая предпочтение браку. 40-летняя вдова Парасковья Усолкина в середине XIX в. жила в Верх-Исетском заводе в одном доме с родней мужа, “но в особых комнатах” Имея взрослого сына, замуж она не выходила, а только “увлекалась” Одно из ее увлечений окончилось рождением “блудноприжитого” младенца [28]. Вдовы поддерживали и более постоянные связи. 40-летняя вдова Агафья Свинина из Каменского завода в эти же годы имела со своим 46-летним постояльцем Степаном Кожевниковым открытую “любострастную связь” не стремясь ее узаконить [29].

Общественное мнение довольно снисходительно относилось к вдовам и солдаткам, считаясь с их маргинальным положением: “ни девка, ни баба, мирской человек” Судьба, толкнувшая вдову “пойти промеж людей” была в глазах общественного мнения приемлемой альтернативой ее законному замужеству.

Как и в первом браке, в повторном инициатива сватовства исходила со стороны жениха. Отличием было лишь то, что ни семья, ни свахи не выступали в роли его посредников. Уже упомянутый Ксенофонт Гилев, “расположась жениться, нашел по наслышке вдовую, начал ее сватать сам собой” [30]. В этом случае сватовство больше походило на интимный разговор двух людей, чем на формальную церемонию. В XVIII в. Евдокия Макуровых, повествуя жителю Сылвенского завода Ивану Некрасову о своей вдовьей доле, призналась, что не хочет “больше сиротствовать и напрасно волочиться” Ивана, тоже вдовца, взволновал ее рассказ, и он, “видя ее простоту и сиротство, в таковую надежду поял за себя” [31].

Возраст вступления в повторный брак определялся порядком овдовения мужчин и женщин и последующей брачной стратегией вдов и вдовцов. У мужчин, склонных быстро обзаводиться новой женой, процессы овдовения и вступления в повторный брак происходили параллельно. Кроме церковно-канонических, возрастных ограничений до 80 лет у них не было. Уже упомянутый сын Ксенофонта Гилева считал, что его 49-летнему отцу не стоит “по старости лет” вступать в новый брак [32], но на практике мужчины успешно женились и в более преклонном возрасте. Житель Сылвенского завода Иван Некрасов в XVIII в. вступил в очередной брак, когда ему было уже за 60 [33]. Женщины имели шанс оказаться снова замужем, если вдовели в молодом, детородном возрасте. Общество не одобряло, но вполне полагало, что старик мог жениться на “молоденькой” Замужество женщины в пожилом возрасте было в глазах людей событием весьма нежелательным и маловероятным.

Такое положение способствовало сохранению возрастной модели первобрачности: в подавляющем большинстве повторных браков жена была младше мужа. Только разница в возрасте между ними могла быть значительной. У Ивана и Евдокии Некрасовых из Сылвенского завода в XVIII в. она составила 20 лет [34]. Еще внушительнее был разрыв в возрасте у супругов Карфидовых из Сысертских заводов. В 1830 г. Андрею Карфидову было уже за 70, а его жене всего 42 года [35]. Случаи, когда муж был намного старше жены, встречались на рубеже XVIII—XIX вв. среди жителей Златоустовских заводов (см. табл. 9). С большой долей вероятности можно предположить, что это были повторные браки.

Когда в 1860 г. Пермская духовная консистория доводила до сведения священников, что были “замечены венчанные браки весьма неравных лет, в коих женихи уже близкие к старости повенчаны с невестами весьма молодыми”, она имела в виду именно повторный брак. Браки, в которых “жених 60 лет повенчан с девицею едва достигшей 20 лет от рождения” церковные власти пытались “предотвратить” [36].

Дощатый мастер Сылвенского завода Спиридон Уфаев в третий раз венчался в январе 1752 г. [37]. В 1830-е гг. мастеровой Туринского завода Ксенофонт Гилев венчался со второй женой также зимой в промежковенье [38]. Иногда приближение сезона свадеб заставляло вдовцов поторопиться с новой женитьбой. Молотовой подмастерье Никифор Хомяков потерял жену в конце 1749 г. “Прожив без нее три недели” т. е. в начале 1750 г., в зимний брачный сезон он поспешил жениться снова [39]. Однако в повторных браках реже соблюдался обычай жениться в осенний и зимний брачные сезоны. Жизненные обстоятельства вынуждали вдовцов не откладывать свадьбу. Как показывает табл. 46, в 1852 г. во Входоиерусалимской церкви Нижнего Тагила во “внеурочное” время было обвенчано 60 % повторных и только 10 % первых браков.

Для церковных и гражданских властей главная проблема повторного брака заключалась в том, чтобы удостовериться, действительно ли вступающие в него лица вдовы. Священники требовали от брачующихся поручителей. В XVIII в. ими охотно становились родственники. “Порукою” мнимой вдовы Марфы Чепчуговой в том, что ее первый муж помер, в 1740-е гг. был ее родной дядя Семен Чирков [40]. В 1750 г. два родных брата вдовы Ирины Ларионовой при ее венчании священнику “скаску своими руками дали, что подлинно муж ее будучи в солдате помер” [41].

В начале XIX в. при венчании жительницы Екатеринбургских заводов Ефросиньи Пелевиной с Ефстафием — дворовым человеком оберберггауптмана Аврамова — свидетелем их поручителей отставного мастерового Гаврилы Щапова и рекрута Екатеринбургского полка Белокопытова о

Таблица 46

**Сезонность заключения брака в зависимости от его очередности
во Входуиерусалимском приходе Нижнетагильского завода (1852 г.)**

Очередность браков	Январь	Сентябрь	Прочие месяцы	Итого
Первый брак	17 (40 %)	21 (50 %)	6 (10 %)	44
Повторный брак	—	2 (40 %)	3 (60 %)	5

Примечание. Расчеты автора по данным ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 28 (листы не нумерованы).

том, что “первый муж ее, быв отослан назад тому 11 лет в Оренбургские заводы там и помер” оказалось недостаточно. Не возымело действия на священника заверение самого Абрамова, “что в браке сем нет никакого сомнения” Он требовал письменного удостоверения от горного начальства о смерти первого мужа Ефросиньи [42].

При вступлении в брак заводоуправление выписывало вдовым такие же билеты, как и первобрачным. В них объявлялось, что данное лицо есть “действительно вдовое” и вступить в новый брак ему разрешено.

Для венчания в чужой церкви вдове нужно было предоставить свидетельство о смерти первого мужа, подписанное причтом ее прихода. В XIX в. мнимой вдове Настасье Ивановой, “свенчаной” в Николаевской церкви Туринского завода, жителем которого являлся ее жених, такое свидетельство дал священник Кушвинского завода Василий Козельский [43].

В повторных браках встречались случаи нарушения запретов о недопустимости кровного родства между супругами. В 1876 г. священник Нижнесалдинского завода свенчал вдовца Прокопия Шушканова с солдатской дочерью Марфой Быковой, не установив при этом, что первая и вторая жены Прокофия были дочерьми родных братьев Михаила и Петра Быковых и приходились друг другу двоюродными сестрами [44].

При повторной свадьбе не только не придерживались многих обычаев и обрядов, но и выполняли далеко не все формальности, сводя ее к акту венчания в церкви. Житель Сылвенского завода Иван Некрасов в XVIII в. вспоминал, что когда он женился второй раз, а его невеста Евдокия Макуровых “выходила уже за третьего мужа” они “венечной памяти не взяли, священник обыска не требовал и к присяге никого не приводил, а при том браке поезжан никого не было” [45].

Большинство вдовых стремились, чтобы на их свадьбе было все “как у людей”, но жизнь вносила свои коррективы. Их свадебный поезд был малочисленнее, чем у первобрачных. Иногда у жениха или невесты рядом не было не только родственников, даже просто знакомых, и поезжанами становились родственники будущего супруга. Когда уже упомянутый житель Сылвенского завода Никифор Хомяков нашел себе в Торговом ос-

троге невесту и там же решил обвенчаться, “от него Хомякова в лице родительском и в поезде было два брата оной жены ево” [46]. В XIX в. при венчании жительницы Кушвинского завода Настасьи Ивановой “свахой по невесте” была сродная сестра ее жениха солдатка Пелагея Кремлева [47].

Если соблюдали обряд благословения “молодых”, то при отсутствии родителей это мог сделать любой из родственников. Уже упомянутую Настасью Иванову “благословляла образом” ее сестра [48].

* * *

Исследователи демографического перехода уделяли овдовению сравнительно мало внимания. Они лишь подчеркивали его связь с брачностью, поскольку до перехода смерть супруга являлась главной причиной прекращения брака, после — с распространением развода — ее роль в этом процессе стала намного скромнее.

На горнозаводском Урале в XVIII—XIX вв. благодаря дифференциации смертности по половому признаку процесс овдовения имел ряд особенностей. Прежде всего порядок вымирания мужского поколения получал полное отражение в овдовении женского. Поскольку мужчины умирали раньше и чаще женщин, постольку женщины становились вдовами раньше и чаще мужчин. Диспропорция полов в горнозаводском населении, также порожденная мужской сверхсмертностью и особенно значительная в старших возрастных группах, предоставляла вдовцам и вдовам неравные возможности для повторного вступления в брак. Благодаря преобладанию женщин мужчины находили себе нового брачного партнера значительно легче. Отдавая в XIX в. предпочтение “девицам” они тем самым дополнительно снижали шансы вдов на повторное замужество. Существенные отличия по половому признаку как в порядке вымирания, так и в порядке вступления в повторный брак позволяют отделять овдовение как процесс потери супруга от состояния окончательного вдовства. В результате при минимуме вдовцов в горнозаводском населении была значительная доля вдов.

Наличие семей, потерявших кормильца, вряд ли могло устроить заводо-владельцев. Случаи принуждения даже солдаток ко вступлению в повторный брак в обход законов свидетельствуют об их стремлении решить вопрос содержания женщин традиционным способом — путем их выдачи замуж. Однако объективные обстоятельства (сверхсмертность мужчин и дисбаланс полов) не позволяли снизить число вдов посредством вступления их в повторный брак. Выход был найден в создании системы попечительских отношений между заводоладельцем и подвластным ему населением.

Обычай чрезвычайно негативно оценивал положение вдов — “лучше сгореть, чем овдоветь” Осуществление же попечительских мер при наличии в горнозаводском населении значительного числа вдов, солдаток и их детей сделали вдовый статус более приемлемым. Общественное мнение стало считать его одной из альтернатив жизненного пути женщин, и некоторые из них избирали его вполне осознанно. В подобных условиях вдова становилась даже самостоятельнее замужней женщины. Она сама решала, согласиться ли на “блудную связь” или выбрать половое воздержание, вступить в очередной законный брак или предпочесть ему незаконное сожителство, вытравить плод или родить “незаконноприжитого” ребенка.

Ограничивали распространение подобного образца поведения прежде всего нормы церковной морали, согласно которым вдовство не дает право на какие-либо послабления, оценивая поступки вдов так же, как и других прихожан. Утверждая моногамию и проповедуя идею пожизненного супружества, церковь воспринимала как данность повторный брак, но отнюдь не одобряла его, требуя у претендентов на него бесспорных доказательств их вдовьего статуса.

По сравнению с первым браком повторный имел чрезвычайно бедное обрядовое оформление. Это единственное из описанных нами демографических событий, которое, как показывают примеры, и в XVIII, и в XIX вв. воспринималось прежде всего как акт частной жизни. Оно происходило без сватовства как обряда, непосредственно предшествующего свадьбе, не имело предсвадебного цикла обрядов, из обычаев, приуроченных к дню бракосочетания, соблюдались, но далеко не всегда, присутствие поезжан и благословение “молодых” Церковь, как и обычай, уделяла обрядовому оформлению повторного брака мало внимания. Несколько видоизменив, она сохранила для него чин венчания, но нарушению некоторых условностей (например отсутствию поезжан) не придавала особого значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 177.
2. РГИА. Ф. 37 Оп. 5. Д. 100. Л. 1.
3. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 315. Л. 290 об. 7—291.
4. Там же. Л. 248 об.—249.
5. Там же. Л. 235 об.
6. Там же. Л. 246, 247; Д. 236. Л. 270—271.
7. Там же. Л. 230 об.—231.
8. Там же. Л. 231 об.—233.
9. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 10.
10. Там же. Л. 30—30 об.
11. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011. Л. 18 об.—19.
12. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 44.

13. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 48. Л. 230 об.—237 об.
14. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы... С. 54; Архангельский И. И. Этнографические очерки горнозаводского населения... С. 3.
15. Говорливых З. Медико-топографический очерк... С. 294.
16. Крупянская В. Ю. Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 54—55.
17. Андржеевский И. Ижевский оружейный завод... С. 5—6.
18. Лазарев А. И. Поэтическая летопись заводов... С. 229.
19. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1. Л. 156 об.—157.
20. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 10,31 об.
21. Там же. Л. 30 об; Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011. Л. 19.
22. Там же. Л. 31; Ф. 12. Оп. 1. Д. 2011. Л. 19.
23. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 44.
24. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 148.
25. Андржеевский И. Болотные болезни на Севере... С. 44.
26. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1068. Л. 11 об.
27. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 32.
28. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1452.
29. Там же. Д. 1486. Л. 38.
30. Там же. Д. 1068. Л. 5.
31. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 30 об.—31.
32. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1068. Л. 11 об.
33. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 30.
34. Там же. Л. 30-30 об.
35. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 925.
36. Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 10. Л. 59.
37. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 10 об.
38. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1068. Л. 9.
39. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 31 об.
40. Там же. Л. 14 об.
41. Там же. Л. 32 об.
42. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 299. Л. 3 об.—5.
43. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1068. Л. 1 об.
44. Там же. Ф. 607. Оп. 1. Д. 27. Л. 147.
45. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 30.
46. Там же. Л. 32.
47. Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1068. Л. 5 об.
48. Там же. Л. 9.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ СЕМЬИ

Понятие жизненного цикла основано на повторяемости из поколений в поколение демографических событий в семье. В самом общем виде он задается законом смены поколений, например, 0—27—54 года, т. е. три поколения через 26 последующих лет. При этом самая старая генерация в семье исчезает физически, две младшие переходят на место предыдущих генераций, появляется нижний элемент структуры — младенцы. Общее число структурных составляющих и их взаиморасположение оказываются прежними, восстанавливается поколенческая структура, ее элементы вновь занимают исходное положение, и начинается новый цикл развития [1]. Естественной основой цикла служат демографические процессы. Однако демографический режим был устойчив и примерно одинаков долгое время в разных странах, а формы семьи, как показала этнография, у народов различны. Следовательно, жизненный цикл семьи обуславливается, с одной стороны, режимом воспроизводства, с другой — традициями.

Можно выделить следующие основные принципы построения русской (прежде всего крестьянской) семьи. Во-первых, в отличие от западноевропейской, она в большей степени определяла свой состав посредством родственных связей (в том числе через искусственное родство), поэтому не включала в себя постоянно малолетних слуг, учеников, подмастерий [2].

Во-вторых, в состав русской семьи входили люди, приходящиеся друг другу родственниками по мужской линии. Вместе с отцом жили женатые сыновья, а дочери уходили в семью мужа. В родительской семье также продолжали жить не вступившие в брак дети. Осиротевшие дети оставались в семьях дедушек или дядей. Особенно строго соблюдали запреты на включение в состав семьи родственников по женской линии. Престарелые тесть и теща чрезвычайно редко проживали в семье зятя. Менее строго относились к возврату замужних женщин в их родную семью. Вдовы и солдатки с детьми и без детей могли остаться в семье своего мужа, а могли вернуться к родителям.

В-третьих, в России преобладал вирилокальный (проживание жены у родителей ее мужа), допускался уксорилокальный (проживание мужа у родителей его жены), почти совсем отсутствовал неолокальный (отдельное проживание супругов сразу после свадьбы) брак, поскольку вступление в брак сводилось к переходу женщины (реже мужчины) из одного домохозяйства в другое, а не к созданию собственного [3].

В-четвертых, подавляющее большинство детей подросткового возраста оставались в семьях своих родителей, не переходя в качестве учеников, батраков и батрачек, слуг и служанок в чужие семьи, как это практиковалось в Западной Европе [4].

В-пятых, полный раздел семьи (т. е. отдельное проживание всех супружеских пар) производился сыновьями только после смерти родителей [5]. При их жизни был возможен лишь постепенный выдел (частичный раздел) женатых сыновей. При отсутствии социальных гарантий в старости как минимум один женатый сын оставался с родителями.

Формирование горнозаводской семьи происходило на основе этих правил. Ее состав определялся прежде всего патрилинейным счетом родства. Включение в нее матери жены, как в 1820-е гг. это имело место в семье Кочневых из Каслинского завода, в которой кроме мужа с женой, их женатого сына и дочери проживала 80-летняя теща Мария Трофимова Юдиных [6], следует рассматривать как исключение.

Неолокальный брак мог иметь место в первые годы существования заводских поселков, когда, женившись на крестьянке, мастеровые и рабочие люди привозили ее на завод. Семья сразу создавалась и довольно долгое время существовала как простая супружеская. Так, житель Сылвенского завода Фома Черемлянинов показывал на следствии 1753—1754 гг., что у него с женой четверо детей (сын и три дочери) 15, 11, 7 и 4 лет [7]. Каковы были перспективы подобной семейной структуры, показано в признании судебным органам жителя Верхне-Сергинского завода Федота Сазонова, сделанном в эти же годы: “женился он назад тому 33 года, имеет пять человек детей, 3 дочери уже выдал замуж, при нем сын осьмнадцати лет и дочь 8” [8]. Таким образом, отдельное проживание молодых супругов сразу после заключения брака было явлением временным, вскоре традиционный порядок возобновился.

Насколько часто среди горнозаводского населения встречался ускорительный брак (примачество — принятие зятя в семью), показывают данные по Нижнетагильским заводам. Семей, включающих в себя “супругов с замужней дочерью и ее детьми” насчитывалось в Выйском заводе в 1788 г. одна, в 1858 г. — две; в Нижнетагильском — по пять как в 1791, так и в 1834 г. В Выйском заводе в 1788 и в 1858 г. было по одной семье вдовца, проживавшего с замужней дочерью и ее детьми, в Нижнетагильском заводе в 1834 г. также была зафиксирована только одна подобная семья. В 1791 г. в Нижнетагильском заводе существовали две семьи, в которых вдовы жили вместе со своей замужней дочерью и ее детьми, в 1858 г. в Выйском заводе насчитывались три такие семьи. Кроме того, в 1834 г. в Нижнетагильском заводе проживала одна вдова с женатым сыном и замужней дочерью и один вдовец с замужней дочерью и женатым племянником [9].

Отдача детей подросткового возраста для обучения или услужения в чужие семьи допускалась только при обеднении семей. Чаще всего подобная участь ожидала девочек. В 1859 г. у лекарского ученика Верх-Исетского завода 35-летнего Николая Романова, который с 25-летней женой жил отдельно от своей матери-вдовы, были “в услужении” две девочки. Одна из них — 13-летняя Марья Ременникова — “находилась в няньках с платою полтора рубля ассигнациями в месяц” Она являлась дочерью жителя г. Чердыни, семья которого из-за бедности переехала в заводское селение [10]. В конце XIX в. у нижнетагильских жителей также было принято, особенно в малообеспеченных семьях, отдавать девочек в услужение (в няньки, прислугу) [11].

Несмотря на развитие попечительских отношений, на горнозаводском Урале продолжали существовать объективные причины совместного проживания родителей со своими взрослыми детьми. Пенсии за беспорочную службу, призрение вдов, предоставление престарелым бесплатного провианта облегчали, но не снимали с детей заботу о своих родителях. По сообщению Д. Петухова, в Дедюхинском заводе (середина XIX в.) “до 300 и более человек, нуждающихся в призрении, живут по домам со своими детьми, получая пособие хлебом” [12]. Сыновний долг, по словам бытописателя Невьянского завода, выполнялся “с полною охотою” [13]. Престарелых родителей как обузу дети не воспринимали.

Выдел сыновей, как свидетельствует информация середины XIX в. из Богословского завода, зависел от воли их родителей [14]. Как правило, ее соотносили с порядком вступления в брак. Поэтому с родителями оставался тот из братьев, который женился позднее, т. е. младший. “По женитьбе детей, особенно 2 или более — 1 или 2 из старших отходят в отдельные хозяйства, а младший остается в доме родителей” — сообщал в 1855 г. об аналогичном положении врач Невьянского завода. Иногда в этом заводе “призрение престарелых родителей удовлетворялось 2 сыновьями или же всеми вообще детьми” [15].

Подобным в начале 1860-х гг. было положение в Ирбитском заводе. По сообщению священника И. Удинцева, там с родителями также оставался младший сын [16]. Родители могли отступить от принципа выдела по старшинству из-за “непослушания” детей. В Дедюхинском заводе они рассуждали следующим образом: “...станут нас, стариков, слушать, дак, может, малой пойдет, а старшой останется” [17].

Полный раздел после смерти родителей для горнозаводского Урала был явлением достаточно характерным. “Два женатых брата почти всегда делятся”, — писал о порядках, утвердившихся здесь в середине XIX в. Х. Мозель [18].

Благодаря соблюдению подобных правил оптимальным соотношением поколенной структуры горнозаводской семьи было чередование трех и двух

поколений. (Пребывание семьи в составе одного или четырех поколений было недолговременным.) В подобных условиях действие демографических процессов происходило следующим образом: с первых лет брака горнозаводской семье была присуща высокая рождаемость, которая наряду с влиянием детской смертности увеличивала продолжительность периода между появлением первого и последнего ребенка в семье. На этапе поздней рождаемости велика была вероятность смерти матери и, следовательно, повторного брака отца. Начиная с 40 лет положение людей менялось — возрастала вероятность потери отца и овдовения матери. В 50—60 лет умирали в основном мужчины, в 60—70 лет, как правило, женщины.

Сопоставляя принципы формирования семьи с идущими в ней демографическими процессами, можно сделать ряд предварительных замечаний об изменении ее структуры. Дифференциация смертности жителей заводов по полу неизбежно приводила к появлению большого числа неполных семей. При этом семьи, возглавляемые вдовами, могли существовать весьма продолжительное время. Долгий период рождаемости увеличивал интервал между вступлением в брак первого и последнего ребенка. В сочетании с ранней смертностью мужчин это приводило к тому, что младшие дети имели мало шансов вступить в брак при жизни обоих родителей, а также повышалось вероятность образования братских семей.

Расчеты жизненного цикла семей Нижнетагильских и Златоустовских заводов второй половины XVIII — начала XIX в. полностью подтверждают эти предположения. Однако сначала следует отметить, что жизненный цикл семей, рассчитанный по возрасту мужчин и женщин, имеет различия из-за дифференциации показателей смертности, распространенности повторных браков в основном среди мужчин и более строгого в условиях вирилокального брака подчинения возраста мужчин законам смены поколений. Поэтому следует отдать предпочтение расчетам по возрасту мужчин (табл. 47).

Первый этап в семейном цикле горнозаводских жителей был представлен сложными отцовскими либо братскими 3-поколенными семьями. На втором этапе это в основном 2-поколенные семьи: простые или братские. Однако часть населения из-за более позднего вымирания женского поколения продолжала жить в составе неполных 3-поколенных семей. К третьему этапу семейный цикл имел наибольшее количество вариантов: в нем были представлены все упомянутые типы семьи, кроме 2-поколенной братской. Чаще всего в этот период население проживало в составе 3-поколенной отцовской (полной или неполной) семьи. Часть семей продолжала оставаться простыми либо 3-поколенными братскими. Если учесть, что в структурном отношении братская 2-поколенная семья — это не что иное как удвоенная или утроенная простая 2-поколенная семья, а братская

Таблица 47

**Типичный жизненный цикл семьи Нижнетагильских и Златоустовских заводов
(вторая половина XVIII — начало XIX вв.; годы жизни)**

Завод	Тип семьи				
	Простая 2-поколенная полная	Сложная отцовская 3-поколенная		Сложная братская	
		Полная	Неполная	2-поколенная	3-поколенная
Нижнетагильский	36—52	15—35 с 53	36—52 с 53	15—35 36—52	36—52
Нижнесалдинский	41—55(57)	16—41 с 56(58)	16—41 с 56(58) 41—55(57)	41—55(57)	41—55(57)
Выйский	31—51 с 52	16—30 с 52	16—30	16—30 31—51	с 52
Черноисточинский	32—53 с 54	15—32 с 54	15—32 32—53 с 54	15—32 32—53	32—53
Висимоуткинский	32(36)—53	18—32(36) с 54			
Верхнесалдинский	30—44(45) с 45(46)	16—29 с 45(46)	с 45(46)		
Висимо-Шайтанский	31—55 с 56	22—30(31) с 56	с 56		
Лайские	37—44 с 45	20—35 37—44 с 45	20—35 с 45		
Златоустовский	26—53	17—25 с 54	17—25 с 54		
Саткинский	32—55	18—31 с 56	18—31 с 56		
Миасский	36—59	18—35 с 60	18—35 с 60		

Примечание. По данным: Нечаева М. Ю. Голикова С. В. Домохозяйство населения Златоустовского округа на рубеже XVIII—XIX вв. (по материалам подворных описей) // Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период. Екатеринбург, 1992. С. 152. Расчеты автора: ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 250, 310, 311, 313, 314, 315, 316, 319 а. Расчеты проведены по методике, изложенной в работе: Нечаева М. Ю. Методика выявления типичного жизненного цикла семьи феодального периода по переписям (на примере переписи Златоустовского завода 1801 г.) // Проблемы истории регионального развития: население, экономика, культура Урала и сопредельных территорий в досоветский период. Свердловск, 1990. С. 93—104.

3-поколенная семья состоит из нескольких отцовских 3-поколенных семей, то станет ясно, что в развитии семей жителей заводов было много общего: от полной 3-поколенной семьи к ее неполному составу, затем через этап простой семьи снова к полной либо неполной 3-поколенной семье.

Каждый этап семейного цикла формировали и наполняли определенные демографические события. Проследим влияние демографических явлений на развитие семьи на примере Нижнетагильского завода. Для этого рассмотрим семейную жизнь гипотетического поколения, вступившего в брак в середине XVIII в.

Молодые люди в Нижнем Тагиле начинали вступать в брак в 16—17 лет. При этом невеста переселялась в дом жениха и молодые попадали в состав сложной (чаще всего полной) отцовской 3-поколенной семьи. Кроме них там проживала старшая супружеская пара (отец и мать жениха). Если он был младшим ребенком, то в семье были еще супружеские ячейки его братьев.

Таким образом, женитьба молодежи, достигшей брачного возраста, либо превращала простую семью в сложную, либо пополняла число супружеских пар в ней. Нередко молодожены попадали в еще более сложную семейную структуру — 3-поколенную братскую семью, в которой совместно проживали женатые дяди и племянники. Но для удобства рассмотрения можно ограничиться рамками сложной отцовской семьи.

В первые годы брака у молодых супругов появлялись дети, женщины особенно часто рожали именно до 30-летнего возраста, когда заканчивался этап сложной отцовской семьи. Таким образом, в большинстве случаев дедушки успевали увидеть своих внуков, а бабушки даже пережить часть из них, так как именно в те годы жизни, когда семья становилась неполной, включая в себя мать-вдову с женатыми (одним или несколькими) сыновьями, часты были случаи детской смерти. Состав семьи продолжал пополняться за счет рождающихся детей, но росло число матерей, которым роды в этом возрасте стоили жизни — после 30 лет начинался подъем материнской смертности. Смерть вырывала важный элемент структуры семьи — способную к деторождению, полную сил женщину, оставляя сиротами малолетних детей. Но вдовство мужчин в эти годы продолжалось недолго. Они вступали в новый брак. С демографической точки зрения такая замена элемента семейной структуры в большинстве случаев была равноценна — от повторного супружества нередко появлялись дети.

Демографические процессы в молодом поколении не искажали структуру семьи. Однако к этому времени она лишалась последнего представителя старшей супружеской пары и превращалась в братскую 2-поколенную семью, в состав которой входили братья со своими женами и детьми. Пребывала семья в таком положении недолго — совершался семейный раздел. Дети в подобных семьях появлялись уже редко — происходил окончательный спад рождаемости. Количество случаев материнской и детской смертности продолжало оставаться большим. Новым явлением, начинавшим с этого момента оказывать сильное влияние на структуру семьи, была смерт-

ность мужского работоспособного населения. Поэтому наряду с полной простой семьей, которая занимала ведущее положение в эти годы, появляются неполные семьи, в которых мать-вдова воспитывала малолетних детей.

На этап простой семьи приходится окончательное затухание таких демографических процессов, как рождаемость, детская смертность. А смертность мужчин и, следовательно, овдовение женщин продолжали набирать темпы.

Дети супругов к концу данного этапа развития семьи достигали брачного возраста. С их женитьбой структура семьи снова становилась сложной. Если женился сын вдовы, то сложная семья сразу возникала как неполная. Но преобладали все-таки семьи, в которых были живы еще оба супруга, поэтому чаще появлялась полная отцовская семья.

Демографические события, происходившие в ней на уровне младшего поколения, уже были описаны, поэтому обратимся к жизни старшей супружеской пары. На эти годы их семейной жизни приходился пик смертности мужчин. Овдовение как женщин, так и мужчин принимало необратимый характер. Типичной становилась семья, потерявшая кого-то из старшей супружеской пары, чаще всего им оказывался мужчина. Затем начинался подъем смертности женщин и уходили из жизни последние представительницы поколения, на примере которого мы рассматривали историю семьи. А семейный цикл повторялся.

По мнению В. Ю. Крупянской, 2-поколенные (супруги и их дети) либо 3-поколенные (супруги и их женатый сын с детьми или супруги с детьми и одним женатым сыном) семейные структуры стали с XVIII в. "устойчивой традицией, характерной для всего последующего времени" Сохранилась и главная особенность цикла: "семьи, потерявшие кормильцев, составляли среди заводского населения значительную группу" [19].

В XIX в. главной угрозой стабильности горнозаводской семьи, по мнению современников, стало преждевременное совершение раздела. Беспокоило их это явление, конечно, не с точки зрения изменений семейного цикла, а по причине обеднения семей: "от великой охоты выделиться из родительского дома" молодежь начинала "свою оседлость без достаточных средств" [20]. Окончательное отделение означало раздельное проживание. "Если же остаются с родителями в одном доме, — писал Х. Мозель, — то имеют отдельное хозяйство и особый стол" [21].

Стремление к выделу прежде всего отражалось на внутрисемейных взаимоотношениях. А. Топорков описывает, каким образом это происходило во второй половине XIX в. у жителей Васильевско-Шайтанского завода: "Не успеет парень жениться, как тотчас же требует, чтоб отец отделил его, построил для него отдельную избу. Отец не соглашается, начинается ссо-

ра и в конце концов сын покидает родительский дом” [22]. Решиться ему на такой поступок было тем легче, что “...имея всегда в виду зарабатываемые своим отдельным трудом деньги, которые он каждый день может сосчитать по пальцам, и притом не заботясь никогда о платежах податей или других повинностей и не неся рекрутчины, считает себя во всякое время обеспеченным и всегда думает о том, как бы поскорее отделиться от отца и зажить своим домом” [23].

В результате период совместного проживания родителей с их женатыми сыновьями сокращался до минимума. Например, в Дедюхинском заводе, по наблюдениям Д. Петухова, семейное благополучие продолжалось 3—6 месяцев после свадьбы [24]. Для жизненного цикла семьи это означало увеличение продолжительности этапа простой 2-поколенной семьи за счет сокращения этапа сложной 3-поколенной отцовской семьи.

Однако с развитием капитализма во второй половине XIX в., отменившего попечительские отношения и, следовательно, ту помощь, которую заводовладелец оказывал престарелым, набирает силу противоположная тенденция — совместное проживание нетрудоспособных родителей с обеспечивающими их старость детьми. Эта сторона горнозаводской жизни нашла яркое отражение в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка. По его мнению, надежды на обеспечение в старости человек мог возлагать только на свою семью: “Хорошо, если рабочий женится во время, и к тому времени, когда он уже не в силах будет работать, у него успеют подрасти на смену дети: в противном случае ему грозит положительная нищета. На огненной работе в 15—20 лет вытянется какой-угодно рабочий до того, что часто от человека остается одна тень. При настоящем порядке положение бездетных стариков самое печальное” [25].

Ранняя заболеваемость и инвалидность рабочих приводила к тому, что иждивенцами своих детей они становились тоже рано. Эту черту горнозаводской семьи Р. Рума подметил у рабочих сталепушечного Мотовилихинского завода [26], а Д. Н. Мамин-Сибиряк — у рудокопов. Вот как этот процесс описан в одном из его романов: “Самый сильный человек “израбатывается” под землей в десять—двенадцать лет, так что поступает на содержание своим детям лет в тридцать пять. Таким образом, детям рудниковых рабочих приходится слишком рано содержать не только самих себя и свои семьи, но и семью отца... Получается роковой круг” [27].

Итак, отсутствие неолокального брака и сохранение традиции, при которой один из женатых сыновей оставался при стариках-родителях [28], позволяет говорить только об увеличении продолжительности фазы простой 2-поколенной семьи, которая оставалась лишь одним из этапов семейного цикла, а не о появлении в конце XIX в. автономного и альтернативного описанному выше цикла простой 2-поколенной семьи.

* * *

Поскольку демографический переход означает изменение высоких рождаемости и смертности на низкие, мы вправе подразумевать под ним процесс их снижения. Однако в реальной жизни этот путь заключался не только в падении, но и в росте этих показателей. Поэтому выделение новых форм перехода, видимо, будет основано на критерии парадоксальности. Если в его европейских вариантах — “французском” и “английском” — смертность и рождаемость “вели себя правильно” т. е. снижались, правда, различными темпами, то в “японо-мексиканском” рождаемость избирает парадоксальный путь развития [29].

Объяснить этот феномен пытаются вторжением современной индустриальной цивилизации в традиционное общество, для которого она чужда и которое продолжает жить по своим законам. Таким образом, парадоксальность перехода порождает смешение индустриального и традиционного обществ в той стадии, при которой индустриальное начало вносится в традиционное окружение.

Аналогичная ситуация сложилась в XVIII в. на Урале. Крупное железоделательное производство мануфактурного типа не возникло здесь естественным образом из мелкого, а было привнесено (некоторые историки считают, что даже насаждено) извне. А так как в арсенале индустриальной цивилизации того времени не было надежных мер борьбы с детской смертностью, то демографический переход получил еще более парадоксальную форму — рост смертности при сохранении высокой рождаемости.

За включение XVIII—XIX вв. в период демографического перехода на горнозаводском Урале можно привести следующие аргументы: во-первых, промышленное развитие края, во-вторых, наличие общих черт с современной демографической ситуацией — прежде всего мужской сверхсмертности и значительной внебрачной рождаемости. Сходство этих явлений было не формальным, они имели одинаковые причины. В обоих случаях рост смертности мужчин обусловлен производственной сферой, а внебрачная рождаемость — отказом от брака как единственного регулятора числа рожденных детей. В-третьих, стабильно высокая рождаемость и рост смертности были достигнуты не за счет интенсификации механизмов традиционного режима воспроизводства (роста детской смертности и брачной рождаемости), а через новые, свойственные современной демографической ситуации явления (увеличение смертности мужчин и внебрачную рождаемость).

Смертность имеет для уральского варианта перехода более важное значение еще и потому, что является его отправной точкой, т. е. в условиях, когда заводовладелец рассматривал население прежде всего как свою рабочую силу, все новшества в демографической сфере можно объяснить как последствия высокой смертности либо реакцию на нее. Сверхсмертность

мужчин приводила к увеличению числа вдов и дисбалансу полов. Эти две причины повлекли за собой рост числа неполных семей. Опасаясь убыли населения и прежде всего нехватки мужских рабочих рук, заводчики нашли выход в стимуляции рождаемости (особенно внебрачной). В результате произошли усиление мер борьбы против умерщвления незаконнорожденных, легализация в общественном сознании внебрачной рождаемости, вдовьего (т. е. одинокого для женщины) образа жизни, возникло попечение о детях и неполных семьях. Объективно это привело к снижению ценности брака, легализации внебрачных связей, появлению значительной доли лиц бракоспособного возраста, не связанных законным браком.

Для исследователей демографического перехода вполне очевидно, что на первых порах он содержит в себе элементы обоих режимов воспроизводства населения: традиционного и современного. Это смещение в полной мере проявилось в XVIII—XIX вв. на горнозаводском Урале. Именно оно привело к стабильно высокой рождаемости и повышению смертности. Однако следует отметить, что пока традиционный вид воспроизводства был еще силен, многие изменения также происходили самым парадоксальным образом. Ослабление контроля над брачностью шло как через легализацию внебрачных связей, так и через ужесточение этого самого контроля. Регуляция рождаемости осуществлялась не только традиционным способом (через брачность), но и путем снятия его ограничений, которое, как ни странно, приводило не к падению, а к сохранению стабильно высоких показателей числа рожденных детей. Равенство полов пролагало себе путь через вдовый статус женщины, которая, чтобы стать более свободной, должна была пойти на отказ от брака. Изменения в морфогенезе семьи происходили не по линии признания неолокального брака и отдельного проживания женатых детей и их родителей (что привело бы к господству простой семьи), а через увеличение доли неполных семей.

Возникновение новых черт в демографической ситуации горнозаводского Урала никак нельзя отнести к концу XIX в. Напротив, большинство из них заявило о себе сразу же после появления заводов и, наращивая свои количественные показатели, просуществовало XVIII—XIX вв. Возникшие в это время негативные тенденции сохраняются в современной демографической ситуации, сложившейся в регионе: более высокая по сравнению с женской смертность мужчин, “феминизация” половозрастной структуры населения [30], наличие значительного числа лиц, не вступивших в брак, а также неполных семей, в которых разведенная или никогда не состоявшая в браке женщина одна воспитывает детей. Устойчивость тенденций демографического развития начиная с XVIII в. и вплоть до наших дней должна была оказать влияние на менталитет современного промышленного населения Урала, которое необходимо учитывать при анализе нынешней демографической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Никитенко В. В. Демографический анализ поколения. М., 1979. С. 26.
2. Mitterauer M. Russische und mitteleuropäische Familienformen in Vergleich // Historisch-anthropologische Familienforschung. 1990. S. 150—186.
3. Ibid.
4. Mitterauer M. Komplexe Familienformen in sozialhistorischer Sicht // Historisch-anthropologische Familienforschung. 1990. S. 98—100.
5. Косвен М. О Семейная община и патронимия. М., 1963. С. 56.
6. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 640. Л. 11.
7. Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 396. Л. 33.
8. Там же. Д. 399. Л. 5 об.
9. Крупянская В. Ю. Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 244—245, 247—250.
10. ГАСО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 1656.
11. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 68.
12. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 29. Л. 4 об.
13. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 23 об.
14. АГО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 22. Л. 4 об.
15. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 575. Л. 22 об.
16. Удинцев И. Ирбитский завод... С. 399.
17. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 144.
18. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 2. С. 533.
19. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 45—46.
20. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 578. Л. 22 об.
21. Мозель Х. Материалы для географии и статистики... Ч. 2. С. 533.
22. Топорков А. О Васильевско-Шайтанском заводе... С. 233.
23. Крупянская В. Ю. Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 257
24. Петухов Д. Горный город Дедюхин... С. 185.
25. Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы... С. 54.
26. Рума Р. Материалы для санитарного описания... С. 105—106.
27. Мамин-Сибиряк Д. Н. Горное гнездо... С. 95.
28. Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих... С. 48.
29. Моисеенко Т. Л. О методах изучения демографического перехода ("революции") (обзор литературы) // Социально-демографические процессы в российской деревне... С. 155.
30. Население Урала.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГО	— архив Географического общества
ГАСО	— Государственный архив Свердловской области
ГАЧО	— Государственный архив Челябинской области
ЕЕВ	— Екатеринбургские епархиальные ведомости
ЖМВД	— Журнал Министерства внутренних дел
ОЛЕАЭ	— Общество любителей естествознания, археологии, этнографии
ПГВ	— Пермские губернские ведомости
ПЕВ	— Пермские епархиальные ведомости
РГИА	— Российский Государственный исторический архив
РГО	— Русское географическое общество
СЭ	— Советская этнография
УОЛЕ	— Уральское общество любителей естествознания

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

"1759 Генваря 25 Его благородия титулярного советника Алексея Федоровича господина Турчанинова в кантору завода императрицы Анны молотовой работник Алексей Меншенин пришед, просил о позволении ему жениться здешняго заводу пилщика Григория Пересторонина на дочери Ево девице, Дарье Григорьевой дочери, первым браком. И чтоб для взятия ему вечной памяти к Екатеринбургского духовного правления заказу делам дать аттестат.

Вместо Сергея Меншенина по его прошению руку приложил копейст Иван Кузнецов"

2. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

"Записав в силу указов о жениха и невест взят обыск, не имеют ли они к бракосочетанию каких препятственных причин и по своей ли воли жених невесту за себя емлет, а невеста за него в замужество желает. Буде же каких препятствиив и протчих не имеет, то дать для взятия вечной памяти оному жениху Меншенину к Екатеринбургским Заказным духовного Правления делам дать аттестат.

Повереной Евтифей Орлов"

3. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

"1759 Генваря 25 дня Ево благородия Титулярного советника Алексея Федоровича Турчанинова в Сысертской конторе Поручились мы нижеподписавшиеся по молотовом работнике Сергее Меншенине в том, что желает он По воле своей бракосочетатися здешняго заводу Пилщика Григорья Пересторонина на дочери Ево Дарье Григорьевой дочери подлинно первым браком не от живой жены и препятствующих к бракосочетанию никаких причин между ними не находится, в том и подписуемся в вышеписанном, ручаясь.

В том и подписуясь, копейст Иван Кузнецов"

4. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 об.

"Того же числа Ево благородия Титулярного советника Алексея Федоровича Турчанинова в Сысертской заводской конторе поручились мы нижеподписавшиеся здешняго заводу пилщика Григорья Пересторонина по дочери Ево девице, Дарье Григорьевой дочери, в том, что она желает бракосочетатися по воли своей с молотовым работником Сергеем Меншениным подлинно первым браком також и не беглая, и препятствующих к бракосочетанию никаких протчих между еи не находитца в том и подписуемся в вышеписанном. Дарьи Григорьевой дочери, ручаясь, копейст Андрей Казанцов"

5. ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

"Благородного господина Титулярного советника Алексея Федоровича Турчанинова Сысертского завода имени Императрицы Анны и с конторы молотовому работнику Сергею Меншенину, которой просит о позволении ему женитса здешняго заводу у пилщика Григорья Пересторонина на дочери Ево, девице Дарье Григорьевой дочери, первым браком, а по надлежащему в здешней конторе обыску между ними к бракосочетанию никакого препятствия не имеется и ради того объявлено ему, Меншенину, женитса позволено и для взятия вечной памяти к Екатеринбургского заказу духовного Правлению делам оной Меншенин с сим аттестатом попушен Генваря 25 дня 1751 год

У подлинного Подписано тако Поверенной Евтифей Орлов, подканцелярист Захар Бунков. отдан того ж числа вышеписанному Меншенину, молотовой работник Сергей Меншенин принял, по его прошению росписался копейст Андрей Казанцов"

6. ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 49 (листы не нумерованы)

“ Билет 411 457

Дан из Управления Нижнетагильских Гг. Анатолия Никитича и наследников Павла Никитича Демидовых заводов Нижнетагильского завода крепостного крестьянина Устина Абрамова сыну Ивану и того ж завода крепостного крестьянина Ивана Васильева Бармина дочери Авдотьи. В том, что вступление им в законный брак позволяется с предоставлением Священноцерковно служителям Нижнетагильской Входонерусалимской церкви сделать с своей стороны все предписанные Правительством изыскания для удостоверения в законности сего брака.

Января 13 дня 1846 г.”

7. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476. Л. 14.

“ Билет

Данной от Главной Ревдинской заводской конторы, Ревдинского завода крестьянскому сыну Трофиму Иванову Кабальнову для объявления здешней Михайло Архангельской Церкви Священнослужителям о обвенчании Его Кабальнова с дочерью здешняго же завода жителя Прокопия Утюмова девицей Анисьей, которые считаются по документам жених 18-ти, невеста 19-ти лет; А потому ежели со стороны духовной не будет никаких Законопрепятствующих причин, то благоволено б было брак сей совершить февраля 8 Дня 1837 год.

приказчик Василий Комельков

конторщик Александра Ухов

служитель Аникита Чуфелин”

8. ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 476. Л. 38.

“1837 года Генваря 18-го дня. Мы нижеподписавшиеся по чистой совести свидетельствуем, что посягающие в законное супружество: крестьянин Карп Егоров Шевелев 19-ти лет, того же прихода крестьянина Петра Михайлова Мамонова дочь девица Фекла 19-ти лет, никакого ко вступлению в брак препятствия, как-то: кровного и духовного родства между собой не имеют, в брак вступают по воле своей и родительской, а так равно и с позволения письменного от Г Рев. зав. конторы, которое мы вам Священнику Дмитрию Флоровскому с причтом и представляем, в чем под сим и подписуемся. По женихе: вместо поручителей тысяцкого Осипа Алексеева Шевелева и поезжан Александра и Ивана Егоровых Шевелевых и Василия Андреева Козырина и по невесте: Фаддея Петрова Мамонова и Варлама Васильева по неумению их грамоте и по личной их просьбе руку приложил служитель Елисей Ушков. Венчал священник Дмитрий Флоровский. При венчании были Диякон Феодор Виноградов, дьячек Алексей Топорков, пономарь Иоанн Максимов”

9. ГАСО. Ф. 630. Оп. 2. Д. 122. Л. 99—99 об.

“ Свидетельство. Из Кушвинской Управы Благочиния не-пременному работнику Баранчинского завода, живущему в деревне Кедровке, из раскольников, присоединившемуся к православию, Михаилу Иванову Климову. имеющему от роду 43 года, которой уволен Кунгурского уезда в Молебской завод для узаконения сводного брака с раскольницей крестьянскою девкою деревни Юрлов Евдокией Петуниной в тамошней Единоверческой Молебского Завода Церкви; А потому Управа Благочиния просит СвященноЦерковноСлужителей сводной брак Климова с девкой Петуниной священным венчанием узаконить; а Гг. Командо имеющие благоволить в передней и обратный путь чинить ему Климову свободный пропуск в течении двенадцати ден от нижеписанного числа. Дано сие /об/ Свидетельство из Кушвинской Управы Благочиния за подписом Присутствующаго и с приложением казенной печати,

Апреля двенадцатого дня тысяча восемьсот сорок четвертаго года.

Полицмейстер Палицын”

10. ГАСО. Ф. 630. Оп. 2. Д. 122. Л. 125.

“

Свидетельство.

в июне 1844 года. Данное Баранчинского завода живущему в деревне Кедровке не-
пременному работнику Михаилу Иванову Климову, в том, что он Михайло законным
браком свенчан с девицей Евдокией Ивановой Петуниной Молебского завода при Гре-
короссийской Святотроицкой церкви... 1844-го года июля 3-го дня. Что и удостоверяет
Молебский иерей Иоанн Будрин.

Пономарь Иоанн Молчанин”

11. ГАСО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 20 (листы не нумерованы)

“врача Нижнетагильских заводов февраля 13 дня 1852 года № 55 Священно-Цер-
ковно Служителям Входа-Иерусалимской Церкви.

Урядника Савилова жена Авдотья Акинфиева от роду 29-ти лет померла 10-го чис-
ла сего месяца в Нижнетагильском Госпитале от белой горячки.

Заводской врач Соколовский”

12. ГАСО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 9 (листы не нумерованы)

“СвященноЦерковнослужителям Николаевской церкви.

Никите Кутепову от роду 37 лет, он находился на излечении в НижнеТагильском
госпитале, имел рожу на лице, вследствие чего и помер 3 Января. 4.01.1872”

13. ГАСО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 9 (листы не нумерованы)

“

Удостоверение.

Дано сие Сельским Старостой 2-й Части, Мастерской женке Нижнетагильской во-
лости Марфе Чугунновой в том, что умерший муж ея Степан Сергеев Чугуннов имел
сильную боль и ослабление от чего и помер, в чем удостоверяют ближние соседи его, а
потому на погребение его препятствий не имеется в чем и дал сие за надлежащим под-
писом Генваря 13 дня 1871 года.

Сельский староста С. Миронов”.

14. ГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

“

Свидетельство.

1807 Года июля 11 дня в десять часов по утру в присутствии Гдна Частного приста-
ва Лагунова скоропостижно умершего мастерского ведения Монетной конторы Ивана
Фролова по долгу присяги через анатомическое рассматривание свидетельствовал, а по-
чему с вероятель... заключить следует, что скоропостижная смерть последовала от разры-
ва мозговых кровеносных сосудов, а не от других причин, в чем подписуюсь”

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПЕРВИЧНАЯ БРАЧНОСТЬ	15
1.1. Статистика брачности	15
1.2. Выбор брачного партнера	24
1.3. Условия заключения брака	31
1.4. Свадебные обряды и сватовство	38
1.5. "Беглые свадьбы" и сводный брак	42
ГЛАВА 2. РОЖДАЕМОСТЬ	53
2.1. Статистика рождаемости	53
2.2. Регулирование рождаемости	57
2.3. Беременность	67
2.4. Роды	71
2.5. Родильно-крестильная обрядность	77
ГЛАВА 3. ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ И СМЕРТНОСТЬ	86
3.1. Статистика смертности	86
3.2. Детская смертность	89
3.3. Смертность взрослых	107
3.4. Условия труда и заболеваемость мужчин	115
3.5. Похоронно-поминальные обряды	145
ГЛАВА 4. ОВДОВЕНИЕ И ПОВТОРНЫЙ БРАК	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Жизненный цикл семьи	181
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	192
ПРИЛОЖЕНИЯ	193

Научное издание

Светлана Викторовна Голикова
СЕМЬЯ ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА
XVIII—XIX веков

Демографические процессы и традиции

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии и НИСО УрО РАН

Редактор **Н. В. Каткова**
Технический редактор **Е. М. Бородулина**
Корректоры **Г. Н. Старкова, А. А. Застырец**
Компьютерная верстка **Ю. Г. Овчинниковой**

ЛР № 020764 от 24.04.98

НИСО УрО РАН № 155(00)—6. Сдано в набор 14.05.01.

Подписано в печать 20.09.01. Формат 70×100 1/16. Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,8. Уч.-изд. л. 15. Тираж 300. Заказ 106.

ГСП-169, 620219, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 14.

Издательство УрО РАН.

Отпечатано в типографии УрО РАН.
620219, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 18.